

СЕМЬ ЗНАМЕНИЙ АПОКАЛИПСИСА

КНИГА IV
МАСКАРАД

ВЛАД ВОЛКОВ

Влад Волков

Маскарад

«Автор»

2026

Волков В.

Маскарад / В. Волков — «Автор», 2026

Четвёртая книга цикла «Семь знамений апокалипсиса». Столица империи в руинах, все Великие Дома уничтожены. И это только начало всех бед. Экс-капитану, цыганке, гному-барду, мажоретке и анимагу-аристократу предстоит распутать клубок интриг, чтобы не допустить конца света. Им предстоит побывать на древнем деревенском празднике, отправиться на пиратский остров, посетить зиккурат бога солнца и даже оказаться на балу вампиров. Нужно не только распутать все тайны, но и самим каким-то чудом остаться в живых. Теперь даже бывшие враги могут на время оказаться союзниками перед лицом грядущей катастрофы. А ведь она всё ближе, знамений всё больше, а ставки высоки как никогда!

© Волков В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

И снова в путь	5
Первосвященник	18
Руины столицы	37
Прелат Антоний	47
В лаборатории	56
Новый император	62
Подготовка к отплытию	83
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Маскарад

И снова в путь

Аргус. Крупный портовый город, веером раскинувшийся от правого берега широкой реки. Даже ранней весной, когда ещё повсюду лежал талый снег, свежий морозный воздух в обилии пронизывали запахи рыбы, мидий и ракообразных. Они шли с причаливших лодок, с прилавков на рынках, с опустевших, но пропахших и впитавших ароматы содержимого своей древесиной ящиков и выставленных бочонков, с верёвок для сушки снастей и улова, даже из домов и трактиров. Правда, из последних веяло, разумеется, уже готовыми блюдами.

Сейчас близ порта всю варили креветок и раков. В более престижных заведениях для важных господ могли бы подать и спешно обжаренные речные гребешки, но та таверна, в которой остановились по итогу экс-капитан стражи маленького и не шибко уж далёкого от этих мест городка Далкастра – рыжий усач Берн с его друзьями, была самой обычной. После всего, что в Аргусе учинил одноимённый тысячеглазый великан, им пришлось переселиться в более тихое место почти на окраине.

Здесь готовили кашу, запекали картофель и варили аж целых три вида рыбных супов, а ещё какие-то простенькие закуски из морепродуктов, тоже в меню представленных в изобилии. Внизу расположились, правда, не все гости из компании путешественников. Чопорному и светловолосому анимагу-аристократу Вильгельму нездоровилось. Цыганка из рода людей-кошек поднялась с чашкой душистого чая наверх его навестить.

Внизу остались лишь зеленовласая девушка Ассоль – молоденькая чародейка и дочка друида, сидевший рядом с ней крепкий гном Аргон из народа цвергов – странствующий бард, а точнее – скальд, неразлучный с гитарой, хоть и обделённый слегка музыкальным слухом, расположившаяся напротив девочка-златовласка Клио или же Клина, на самом деле богиня загробного мира, а ещё по совместительству моря и красоты, и сам экс-капитан Бернхард – плечистый мужчина за тридцать пять с ворчливым гремучим голосом и упёртым характером.

Вчетвером они ожидали свой заказ, сидя с полученными от местного лорда знаками благодарности и отличия, красующимися на груди, за столиком, расположившись у окна в дальней части главного зала, зато прямо напротив входа. Ещё двое из их компании – брат и сестра, дети бога войны и речной нимфы: поручик Деукалион и монахиня Мари, занимались организацией корабля для скорого плавания, утрясая с местным лордом вопросы по снабжению и провианту, качеству предоставленного судна, делились требованиями и пожеланиями насчёт команды экипажа, ведь в морском деле никто из их компании ничего не смыслил. Самим бы едва ли удалось своими силами добраться до места.

– Я начинаю, ты слышишь гармонию и подхватываешь, прибыль потом пополам поделим, – поучал имевшую при себе небольшую арфу Клио цверг-музыкант.

– Ты-то и гармония... – закатил глаза усач, дожёвывая сдобную булочку. – Напитки нам к закуси, наконец, принесут? – вздохнул он, оглядываясь к стойке.

– Сейчас выясним всё, век пива не видать, – заверил, выставив вперёд ладонь, Аргон. – Офици-а-а-а-а-ант! – заорал он во всё горло.

– Бегу-бегу! Я ведь один сейчас, Карл в деревню поехал, – объявился тотчас же подле стола, как по мановению волшебной палочки, худощавый разносчик еды, с короткими кудрями и крохотными усиками под выразительным длинным носом. – Вот вши рыба с картошкой, рыба с маринованным перцем и чечевицей, раки с пивом и пиво без раков, – принёс он на столик заказ.

Подтяжки его отличались узором и цветом, словно были от разных комплектов, тёмно-бурые брюки были явно не по размеру, а белая рубаха выглядела плохо постиранной: там и

тут на ней проглядывали небольшие пятна, но явно не свежие, а просто не до конца отмытые с хлопковой ткани.

– Отличненько! – обрадовалась Ассоль печёной картошке, облизнув губы.

Малиновые глаза стройной девушки горели, словно ей подали какое-то изысканное и невероятно желанное лакомство. Гном с усачом чокнулись стеклянными гранёными кружками пенного напитка, а златовласка сразу же налегла на рыбу и печёный перец, уплетая за обе щёки. Вилка так и сверкала от её ловких движений, словно оружие в руках матёрого воина.

– А-ах! – вдохнул аромат ярко-красных горячих раков Аргон, раздувая ноздри своего широкого носа. – Укроп в воду при варке добавили? – уточнил он у официанта.

– А как же! – ухмылялся тот не без гордости.

– Не просто там зелень, а сушёные соцветия-зонтики? – задрал палец, уточнял гном.

– Именно-именно, – кивнул мужчина с подносом.

– Экономить на приправах – грешно! Это я вам как бывший протопоп открыто заявляю. Ах! Перец чёрный? Перец розовый? – загибал палец Аргон на каждый кивок официанта. – Перец душистый? Лист лавровый? Хватит так смотреть! Цверги, между прочим, самый дотошный народ Иггдрасиля! Всё внимание – только к деталям! Счастье – оно в мелочах! Правильно я говорю? – обернулся он на друзей.

– Лавр – из собственного венка за победу на состязании бегунов на ярмарке по случаю Самайна! – уточнил разносчик.

– Лавровый лист – это вообще самое главное в аромате блюда! – задрывав веками глаз, прибалдел гном. – Верно приправленные раки – лучшая в мире закуска! А! Правильно я говорю? А мы, цверги, между прочим, лучшие ловцы раков в заводях горных рек! Знаем толк во вкусах и запахах! М-м-м! – начал он отрывать одну из клешней. – Во рту тает – в животе летает!

Этажом выше же прямо над ними цыганка Шанти, размахивая нервно из стороны в сторону своим пушистым хвостом, постучалась в комнату анимага-аристократа. Тот не ответил, но женщина-кошка под напором собственной наглости и любопытства всё-таки отворила дверь, толкнув внутрь.

Было не заперто. Высокий светловолосый господин сидел на самом краю кровати у окна подле тройного подсвечника на широкой тумбе, сжимая клочок бумаги в руках и глядя на звёзды, но повернулся к вошедшей. Его голубые глаза выражали печаль, а на гладко выбритом изящном лице не мелькнуло даже улыбки в отношении гостя.

– Я ведь сказал, что мне нездоровится. Продрог, вероятно, от этих полётов, – встрепенулся блондин в ярко-зелёном богатом камзоле, вспоминая, как пришлось минувшей ночью оборачиваться птеродактилем. – Кусок в горло не лезет.

– Здесь, конечно, индейку не подают, но коль уж плохо себя чувствуете, хотя бы попили бы чая с малиной, вот я вам принесла, – прошагала Шанти вперёд и поставила горячую чашку подле окна. – Вот же вас угораздило простыть в собственный День Рождения!

– А вы помните? – поглядел на неё Вильгельм.

– У кошек хорошая память. Стоило вам только в дороге обмолвиться... Душечка... Вы не выглядите больным, – коснулась та нескромно лба хозяина комнаты. – Скорее расстроенным.

– Иногда мысли наши довлеют над волей нашей, – определённо словами своего крайне набожного отца проговорил анимаг.

– Душечка, мы победили, и вы принимали самое важное участие в этой схватке! Что же так повесили голову? Сами мне расскажете, что в мыслях и на душе, или мне на картах вам погадать? – ловко вытащила цыганка поблёскивающую колоду.

– Ах, неужели вы не понимаете, что у каждого могут быть какие-то личные тайны, которые они не желали бы с чем-либо разделять? – с эдакой жалостью в глазах посмотрел на Шанти Вильгельм де ла Конте.

– Вы ведь из нас двоих профессиональный шпион, а не я, – подметила, поведя кошачьими бровями, цыганка. – Я пришла поддержать и, быть может, утешить, а не выведывать чьи-то секреты. Зная наших гнома, капитана и девочку, – имела в виду цыганка скорее Ассоль, нежели новенькую в их компании Клио, – они довольно по-разному могут отреагировать на всякие вещи. Шутками, глупостями, осуждением... Я же всегда с уважением относилась к чужим тайнам. Потому, если захотите вдруг чем-либо поделиться... – развернулась она, собравшись уже уходить.

– Даже если это что-то постыдное? А если это касается в том числе нас? – едва не дрогнувшим голосом вслед ей поинтересовался аристократ.

– Тем более если это касается нас! – развернулась цыганка, нахмутив брови. – Вы ведь не окажетесь слугой какой-нибудь там вражеской разведки? Уже бросили как-то раз всех нас, откуда мне теперь знать, что не предадите нас снова?

– Нет, дело не в этом, – сглотнул анимаг, глядя в жёлтые кошачьи глаза. – Вас предать я бы никогда в жизни бы не осмелился.

– Душечка, – сменив хмурое выражение на заинтересованное, вздохнув, вновь приблизилась к нему Шанти. – Я просто вижу, что вас что-то гложет. Это письмо? – бросила она взор тех самых янтарных глаз на бумагу в руке Вильгельма. – Письмо из дома? То самое? Как получили деньги, вы сам не свой, я ведь вам уже говорила, а вы не делитесь, что там стряслось. Брат прихворал? Мама? Папа?

– Я не пишу обычно домой, я не Берн, кто при случае шлёт весточку матери, – опустил взор анимаг. – Попросить срочно денег было уже жестом отчаяния. Но дело совсем не в средствах, – отложил он письмо на тумбу, не выпуская из рук.

– Тогда в чём же? – мягко положила ладонь поверх мужской кисти цыганка, вопросительно поглядывая на отвернувшегося к окну Вильгельма.

– Это ведь останется между нами? – уточнил тот, подняв на гостью глаза.

– Разумеется, душечка, – провела по его щеке аккуратно Шанти. – У меня в роду всё ещё хуже, сами знаете. Меня мать с отцом вообще знать не желают, а о наличии сестёр и братьев я даже не в курсе. Вам хотя бы прислали деньги.

– Деньги и откровение... – покосился Вильгельм вновь на письмо.

– Слушайте, душечка, даже если вы вдруг приёмный, это нисколько не ухудшает ваши качества, навыки и саму душу. Вы отчаянный, энергичный, находчивый... – перечисляла цыганка.

– Ах, куда столько мне комплиментов, – смущённо снова отвёл тот глаза. – Может, я и благородных кровей, однако же не всегда благородных поступков... – произнёс он.

– Ну, не за украденные же в форме собаки сосиски вас сейчас гложет совесть! – возмутилась цыгана, похлопав Вильгельма по кисти руки. – И при чём здесь тогда это письмо?!

– Вот вы помните нашу первую ночь в алхимической? – опять повернулся к ней анимаг.

– Бернхарда принесли с разрезанным горлом, а Финч заштопал его, – напомнила Шанти.

– А, нет. Это было чуть позже, в день, когда он напился, – поправился задумавшийся с неловким выражением на лице аристократ.

– Когда Берна ещё нарисовали? Злосчастный портрет... Вот будет знать, как квасить сидеть в одно рыло, – фыркнула женщина-кошка. – Прощу прощения за свой таскарский, – с игривой ухмылкой бросила она взглянувшему на неё Вильгельму его же любимую фразочку.

– Вы принесли его вместе с Ассоль и Аргоном, а девочка заявила, что виделась в академии с моим дядей Шерди, – напомнил Вильгельм.

– Да, но не то, чтобы виделась. Экзамен у неё принимал совершенно другой друид. Требовательный и ворчливый. А кто-то из коллегии преподавателей как раз так шутил про «таскарский» на каждую скользкую или пошлую фразочку. Я сама уже толком не помню... – вздохнула цыганка.

– И Ассоль в лаборатории у меня спросила, а был ли ещё кто-то в моей семье с магическим даром, вы помните? – с надеждой в голосе и во взгляде поинтересовался аристократ.

– Да-да... – замялась и явно занервничала женщина-кошка, бросив взор в на две трети пустой книжный шкаф у правой стены комнаты.

– Это заставило меня всерьёз призадуматься... А потом... Простите мне моё любопытство, когда все разошлись по комнатам, я, как ищейка, шпион и не совсем доверяющий всем в нашей тогда ещё не слишком дружной компании, обернулся проворным хорьком и подслушал ваш разговор, – сознался Вильгельм.

– Тот самый?! – вернула на него свой взгляд Шанти.

– Лучше б за разговорами Финча шпионил, знаю-знаю, – стыдливо опустил глаза анимаг. – Не знаю, на что я надеялся. Не на ваши какие-то тайны, не на какие-то заговоры и откровения. Наверное, в надежде, что Ассоль вспомнит ещё что-то о дяде, раз его видела. Напугал ли он её, отпугнул от себя скабрёзными шуточками, он ведь может, или, наоборот, показался весёлым. Шердиан же на званых вечерах в нашем замке всегда становился душой компании, я рассказывал. И, несмотря на все свои пошлости, пользовался необычайным успехом у женщин.

– Так малышка оказалась права... – прикрыла свободной рукой удивлённая Шанти рот, а другой сжала крепче кисть собеседника.

– Она очень смышлёная... – поглядел на цыганку снова Вильгельм. – Я такие мысли гнал прочь. А она оказалась ещё и воспитанной. Не допытывала меня. Не сообщила своё предположение в лоб, а деликатно лишь поделилась им с вами. Тогда я задумался... – опустил он свой взор. – А когда появилась возможность, а точнее – вынужденный повод написать письмо матери, я спросил у неё уже не деликатно. Нет, я, конечно, оформил всё это как положено, благородной речью и высокопарными словами, но суть была довольно ясна: чей я сын?

– Так и чей же? – полюбопытствовала цыганка.

– Моя мама и вправду едва узнала, что беременна, вышла замуж за моего отца. Точнее, не за отца, выходит теперь... Отец-то мой – Шердиан, получается... А тот «отец», что растил, который муж матери, если узнает, вконец же с ума сойдёт! Мне теперь кажется, что иногда он даже что-то подозревал. Мало ему, что Жан рождён был вне брака. Я ведь говорил, что мой брат меня старше? Дело в том, что родители матери были против её брака на таком яром заступнике Клира. Они вообще боялись, что он её девственницей оставит до конца её дней. Настолько он весь... Ну, как это? Набожный, целомудренный. Ни одного платья с вырезом на груди, никаких оголённых плеч ей даже в жару не позволял. Ну, и вот вышло, что Жан у них всё же родился, а вот потом маму соблазнил уже папин брат. Или даже она его от тесноты и сковывающих рамок царящих порядков, как она пишет. Пытается всю вину взять на себя, – чуть потряс письмом в пальцах Вильгельм.

– Тогда не удивительно, что у вас чародейские способности от друида, – подметила Шанти. – Не могу даже правильных слов подобрать, чтобы вас как-то утешить, – принялась медленно поглаживать анимага она по руке. – Брат вашего отца ведь, по сути, той же линии крови. Вы всё такой же законный аристократ. Рождены вашей матерью в браке. Законный наследник. То, что воспитал вас не родной отец, ну, разве ж это трагедия? Как же все сироты, находящие семьи? Их ведь воспитывают не родные родители, но мы же не имеем права их за то осуждать. Прекрасные счастливые семьи. Понимаю, ваша не шибко такая, с учётом, что вы бежали из дома, но просто не могу понять, что именно вас так задевает и заставляет грустить.

– Даже не знаю... – ответил анимаг к удивлению Шанти. – Скорее, просто очень много об этом думаю в последнее время.

– Выше нос, – коснулась его подбородка цыганка. – Вы достойный сын любого из ваших отцов. Родной научил вас основам магии и поддерживал в трудный момент, неродной воспитал человека вежливого, манерного и целеустремлённого. В каком-то смысле даже по-хорошему

хитрого, раз вы умели обходить какие-то его запреты, мириться с его нравом, это ведь весьма пригождается вам в шпионаже.

– Вы правда так думаете? – уточнил анимаг, выпустив бумагу из рук, распластавшуюся на поверхности тумбы.

– Будьте увереннее в себе, душечка! Не превращайтесь окончательно в пса, которому постоянно требуется одобрение, что он «хороший мальчик». Был у нас через два дома сосед один, обожавший свою дворнягу... – пустилась цыганка в воспоминания.

– Вы вдвоём тут? – заглянула к ним из коридора Ассоль.

– Зашла попрощаться? – уточнил анимаг.

– Прощаться? С чего бы?! – нахмурилась в подозрении девушка, без приглашения зашагивая внутрь комнаты.

– Просто подумалось тут на досуге, что в Эсхане мы уже побывали, и раз отцу не помочь уж никак, то ты решишь отправиться к брату в столицу, – ответил Вильгельм.

– Тогда бы я не поехала в Аргус, – хмыкнула Ассоль. – Осталась бы с Эриком. Но мы же – команда? – уточняяще переводила она взгляд с цыганки на анимага и обратно.

– Ну, разумеется, душечка! – потянувшись к ней, положила девушке на плечи руки женщины-кошка.

– Припоминая, что было близ таскарских границ... – проговорил Вильгельм.

– Кто старое помянет, – обнажила звериные когти цыганка, – тому глаз вон!

– Ой, только не это, – прикрыл ладонью верхнюю часть лица анимаг. – Только не про глаза снова, – вспоминал он попытки ослепить гигантского Аргуса.

– И с Берном она вполне помирилась, – заодно ему добавила Шанти. – Мы ведь друзья. Все вместе сейчас заодно. Или вы собрались дальше в одиночку шпионить? А, душечка? – встав позади Ассоль, глядела на Вильгельма цыганка.

– А-а-а-а кто здесь такой грустный? Может, ужин был невкусный? – вломились гурьбой в комнату пьяные Берн и Аргон, игравший на гитаре, а где-то позади них на своей миниатюрной арфе брэнчала и златовласка с двумя заплетёнными хвостиками волос. – И решили мы Вильгельма дружно развеселить! – невпопад и не в ноты распевали они. – Пиво крепкого брожения, а у него – День Рождения! Так поднимем же бокалы! До утра будем пить! Праздник нам не испортить, ничего, что нет торта, имениннику честь и хвалу пропойт! Пусть здесь нету индейки, но у нас есть идеяка, и вот уже блюдо на стол подают!

– Офици-а-а-а-а-а-а-ант! – заорал громко после куплета Аргон, оглянувшись назад.

За ними с важным видом и улыбкой на своём румянном округлом лице зашёл и высокий трактирщик, на подносе неся запечённую птицу. Несомненно, любимое блюдо Вильгельма. Имея врождённый звериный нюх, анимаг сразу распознал индейку по аромату. Натёртую чесноком, смазанную маслом, присыпанную чёрным перцем, паприкой, кориандром и особенно щедро – видимо, по совету Аргона – тимьяном. Ещё вокруг был разложен гарнир из картофеля, квашеной капусты, маринованного красного лука и тыквы, а также два резервуара с разными соусами.

– Чтобы жизнь была красива, заказали себе пива, ну а для аристократа мы взяли винца! – тряс бутылкой, напевая, весёлый пьяный усач. – Ну, а чтоб наш ищейка наслаждался индейкой – на ближайшую ферму послали гонца! Ай-ля-ля ля-ля! Тра-ля-ля ля-ля, – голосили они уже на троих, а то и на четверых, с пытавшимся подпевать им трактирщиком, – чтобы жизнь была красива – хлебни-ка винца! Ай-ля-ля ля-ля! Тра-ля-ля ля-ля! За индейкой послали на ферму гонца!

Причём если Берн ещё как-то вытягивал, пытаясь попадать в ноты, то Аргон пел столь невпопад, будто даже и не старался. Разве что пробовал за счёт мощного гномьего тембра перекричать остальных, но у него всё же не выходило: слишком уж голосили надрывно все прочие.

– За счёт заведения, за помощь в победе над великаном, – как бы и в уважительном поклоне, а вроде и просто наклоняясь, дабы поставить блюдо на тумбу подле подсвечника и поверх письма, торжественно произнёс трактирщик, а опешивший аристократ благодарно кивнул в ответ. – Уверен, если б не вы, он и до пристани бы добрался, всё здесь разгромив! Я и моё заведение всем вам обязаны. Это лишь малое, что я могу для всех вас сделать! И С Днём Рождения вас! Вот ещё и салфетки, – добавил он, отшагивая и подпуская к Вильгельму его друзей.

– Главное, не ляпните ему кто-нибудь, что наша девочка и без того превращает воду в вино. Выманил у него в закромах самое дорогое. Пятьдесят лет выдержки! Это вино было во времена Рагнарёка! Винцо с того света, брыть! Прости, Фригга великодушная, за сквернословие! – поставил на тумбу и мутную тёмно-зелёную бутылку цверг.

– О, господа... – совсем растерялся Вильгельм. – Право, не стоило, – наслаждался при этом он ароматом запечённой птицы.

– Стоило-стоило, раз ничего нам не стоило, – посмеялся цверг, оглядываясь, ушёл ли трактирщик. – Ешь давай, примадонна, зря, что ль, малец с кухни туда-обратно мотался, а потом птицу общипывал. Во рту тает – в животе летает. Лучшая индейка...

– По версии барона Бернхарда Арне фон Штрауцферберга Третьего! – посмеялся Бернхард.

– С Днём Рождения! – улыбалась Ассоль. – Пусть сбываются все желания!

– Видишь, насколько они тебя ценят, – провела пальчиками по волосам анимага цыганка, разворачиваясь. – Приятного аппетита, душечка.

– Вообще-то идея была моя, – тихо процедила Ассоль, когда Шанти проходила мимо неё.

– Господа, разве ж я съем целую индейку, – взявшись за вилку с ножом и повязав на себя наспех салфетку, проговорил Вильгельм.

– Съешь сколько сможешь, остальное попросишь убрать на завтра или вовсе с собой. Когда мы в Квинтесберг там отчаливаем? – оглядел своих Берн.

– Смотря что Мари с её братом скажут. Никак не могу его имя запомнить... – почесал бард затылок.

– Деукалион, – хмыкнула Ассоль. – Уж ты-то точно мог бы и выучить. Типа «девка ли он?», – вспомнила она шутку покойного бугая из пустынников.

– Ха-ха-ха! А ведь точно! – сообразил Аргон. – Вот это имечко! Буду теперь его вечно подкалывать!

– Даже не думай, братец. Без него не видать нам ни нормальной команды, ни толкового корабля... Алкашей нанять хочешь? Типа меня, что ль? – иронично хмыкнул Бернхард. – Он и овцу вам купил, и на начальника тюрьмы надавил. Такой парень ценен в команде!

– Вам просто нравится его сестра, вот и хотите, чтобы он держался поближе, а она – при нём, – подметила Шанти.

– Нравится, не нравится... Зато она – красавица, – положив руку ей на плечо, рассмеялся пьяный усач. – Вот как раз его подле неё видеть я бы и не хотел, ха-ха-ха!

– Душечка, хватит паясничать, – недовольная тем, что на неё так опираются, убрала его руку цыганка. – Держите себя в руках. Не люблю, когда вы в таком состоянии. Ещё поутру вас не добудишься.

– Так сами же сказали, ещё не понятно, когда уезжать нам отсюда! А?! – приобнял тогда Берн Вильгельма и не успевшую увернуться Ассоль.

– Кушайте, пока не остыло. А знаете, кем переродилась эта индейка? Снова индейкой! Причём в своём же яйце... – произнесла Клио.

– Вот это номер! – опешил анимаг, заодно вырвавшись из объятий поддатого усача на пару и со стоявшей по ту сторону от того дочкой друида.

– И её что?! Снова обезглавят, зажарят и съедят?! – с досады прикусила нижнюю губу расстроенная Ассоль.

– А! – махнула малышка рукой. – Потом опять кем-нибудь переродится.

– Легко тебе говорить, – фыркнула дочка друида.

– Животные не умирают, папа тебя не учил разве? – подражая Мари, задрав правую бровь, покосилась Клина на девушку. – Просто постоянно перерождаются. Причём чаще всего в своём же роду, то есть виде. Зарезали ягнёнка – родился ягнёнок, зажарили поросё – родился поросё. И так далее. Потом иногда могут отправиться в высший астрал. Но они же живут по инстинктам. Животным редко хочется чего-то большего, даже домашнему скоту. Особенно свиньям... То ли дело там кошки, собаки, иногда какие-нибудь ручные и преданные птицы, как сокол.

– Интересно, выходит, душа в яйце появляется не в момент, как его снесли... – отметила женщина-кошка.

– Вселяется незадолго до вылупления, – пояснила Клио. – А знаете, сколько яиц за жизнь откладывает королева муравейника?

– Всё интереснее и интереснее, – заявил аристократ, поглядывая на запеченную индейку.

– В этой уже души нет, есть, думаю, безопасно. – Блеснула на его лице хитренькая лисья улыбка.

– Эй, Вилли, волком каким-нибудь обернись да распотроши её всю! – усмехнулся Аргон.

– Зачем тебе эти ложки-вилки! Ты ж анимаг! Правильно я говорю?

– Друзья, мне бы хотелось в благодарность разделить сие ароматное блюдо вместе с вами. С теми, кто близок и дорог моему сердцу. Здесь и вправду на одного меня слишком много, – предложил тот, посмотрев на всех остальных.

– Мари бы отказалась, а я ж не Мари. Бернхарда два раза о еде и о выпивке просить не надо, – усмехнулся рыжий усач. – Тут уж либо одно, либо другое, ха-ха. Или съедим её все вместе, или же не осилим. Делайте ставки. Остатки на завтра тогда.

– Заодно хоть закусите, – вздохнула цыганка. – Если вы правда настаиваете, я от птички никогда не откажусь, – облизнулась она.

– Мне будет лишь в удовольствие разделить сию трапезу с теми, кто действительно нашёл время обо мне подумать в такую ночь, – заявил Вильгельм.

– Давай без своих высокопарных речей вот, устроили «подайте мне сий прибор», – передразнивал гном жеманным голоском. – «не будете ли вы так любезны...». Не во дворце императора уже ж всё-таки! Так бы и сказал: «Эй, народ! Айда жрать!». Эти нужны ещё всем... как там их... ножи, вилки, тарелки! Официа-а-а-а-ант! – заорал Аргон.

Всё последующее утро прождали Мари с Деукалионом да пока Бернхард проснётся с попойки. Даже Аргон, тоже в стельку напившийся и уговаривавший полночи Вильгельма «дать лапу», встал до обеда, а усача даже добудиться никак не могли. Как он потом уже сам объяснил, оно даже к лучшему. Иначе, узнай он, что монахиня с её братом осталась ночевать в замке Берлиса после долгих переговоров за ужином, то очень бы волновался и напился снова, вдвое сильнее.

Пока его ждали, Вильгельм учил Ассоль танцевать полонез и менуэт, а Клио с Аргоном создавали для них музыку под наблюдения Шанти. Так что особо никто не скучал. Однако же все понимали, что сегодня из Аргуса вряд ли уедут. После обеда, когда постояльцы все разошлись, компания путников «расползлась» по разным уголкам первого этажа главного зала таверны.

А вот объявились брат с сестрой, уже когда Ассоль, Шанти, Клио и Вильгельм сидели за столиком, обсуждая после обеда свою предстоящую поездку в Квинтесберг. Цыганка там уже бывала, потому рассказывала, что город практически целиком состоит из людского населения. Каких-нибудь гномов или фоморов днём с огнём не сыскать. Потому на неё-то – цыганку из рода фелинов – там постоянно косились.

– Сударыня! – заявлял, строя глазки пришедшей устраиваться официанткой полуэльфийке в сереньком платье, Аргон, в это время расположившись с самого края у стойки. – Ваши глаза прекрасны, как две луны!

– О, я никогда и не видела даже сразу двух лун в небе! – отвечала та, небогато одетая, светловолосая, с жемчужными серьгами в слегка заострённых ушах.

– Ха, а вот и они, – перевёл взор цверг на показавшихся на входе светловолосых монахиню и паладина. – Явились – не запылились. «Девка ли он» и его девка.

– Моя девка, – проворчал Берн, до сей пары беседовавший о последних слухах в городе с хозяином заведения у стойки, а теперь развернувшийся и направившийся к вошедшим. – Ну, что там? Удалось прижать Берлиса?

– Ему удалось подмаслить Мари десертами, – хмыкнул Деукалион, закатив свои голубые глаза.

Аккуратно уложенная причёска светлых недлинных волос на прямой пробор, извечная лисья ухмылочка на губах, то самодовольная, то слегка виноватая. Паладин-поручик, правая рука императрицы и фактически её сводный брат – приёмный сын её отца, верховного канцлера, выглядел как всегда помпезно, словно ежесекундно позировал какому-нибудь художнику.

Даже каждая его поза была горделивой и важной. Как он шёл, как он стоял. Даже полуэльфийка, раскрыв рот, отвлеклась от дифирамбов низкорослика, полностью поглощённая персонной вошедшего. Одет он был словно с иголки в тёмно-синий с позолотой военный мундир, правда, без обилия своих обычно пафосно выставляемых орденов – так сказать «походная» версия для путешествий, где была лишь медаль лорда Берлиса с местным гербом: волнистой рекой, плещущейся рыбёхой и как бы стоящим над ней на пристани или побережье сторожевым псом.

Его сестрица с длинными белыми волосами была поскромнее. Внешне – молоденькая девушка немного за двадцать. Аккуратная и вежливая сестра из Ордена Милосердия иногда тут же могла стать резкой и требовательной. В чём-чём, а в упорстве уж ей не откажешь. Она казалась плечистой и крепкой, но лишь потому, что ряса скрывала удобный пластинчатый доспех: что она, что её братец подраться уж очень любили. Но ещё больше она, с досадной аллергией на мёд, обожала всякие сладости. Зефир, пастила, карамель, шоколад и печенье были главными спутниками Мари. В подобной таверне, усевшись за столик, она вполне могла с десертов начать и ими закончить.

– Вовсе нет, – заявила монахиня, откусив от круглого шоколадного печенья с орешками.

– Опять за своё, – хмыкнул Берн. – Неужели нельзя не ребячиться?

– Доброго дня вам, любезные, – поприветствовал вошедших Вильгельм, когда те приблизились уже к столику с остальными.

– Что удалось выяснить? – размахивала нервно хвостом из стороны в сторону умирающая от любопытства цыганка.

– Вчера вместо похода к лорду до самого вечера Мари помогала раненым, я тоже тела из-под завалов доставать помогал. К Берлису попали лишь уже на поздний ужин. Главное, вообще согласился принять нас. Мой авторитет беспощадного поручика и правой руки императрицы сыграл свою роль. Местный лорд меня явно опасается, что всем нам сейчас только на руку. Хотя у него, пожалуй, и выбора не было, когда весь город чествует нас как героев, – гордо заявил паладин, усаживаясь за стол.

– А вот он нас особо не жалует. На словах – благодарен, конечно. Речи льёт сладкие. Радушен, услужлив, тосты за нас поднимал, но по глазам-то я вижу, как он недоволен, что не дали ему бомбарды на великане опробовать, – дополнила своим картавым и нежным голоском Мари. – Иными словами: ему нужны были ужасающие последствия и многие жертвы! Аргус, в смысле – город, должен был стать примером того, что будет повсюду, если вовремя не закупиться порохами и пушком!

– Пушками и порохом, сестрёнка, – положил свою ладонь поручик поверх руки монахини, немного легонько похлопав, ту успокаивая. – Она немного нервничает.

– Я возмущении! – пояснила Мари.

– Берлис трусоват, но он всё продумывает наперёд. У этого хитрого лиса всегда есть план к отступлению, – со вздохом недовольства проговорил Деукалион.

– Он признаёт контрабанду, но отрицает свою к ней причастность, – присела подле брата Мари. – Иными словами: он готов отдать весь свой порох императору, но при этом мы все понимаем, что это лишь по той причине, что он знает, где раздобыть для себя ещё. Аргус без защиты он не оставит.

– Свой замок, – поправил её поручик. – На город и на людей здесь лорду плевать. Да, совершает жертвоприношения, издаёт указы о постройке школ и библиотек, даёт средства мельникам на ремонт жерновов, когда надо, а порой компенсирует рыбакам порванные сети или даже потерянные и унесённые бурным течением лодки. Но это едва ли по доброте душевной. Пообещал за счёт своей казны восстановить полтора разрушенных великаном квартала.

– Денег-то, небось, куры не клюют, – пробубнила Ассоль.

– В Аргусе птицу не держат, мы не зря в соседнюю деревеньку посылали с кухни гонца за индейкой, – напомнила ей, облизнувшись, женщина-кошка.

– Как муравьи посылают своих гонцов за нектаром для вылупившихся личинок, – хихикала Клио. – Индейка была очень вкусная!

– Без птиц нет яиц, без яиц уже особо вкусовости не приготовишь, – отметила монахиня. – Как же здесь выпечку делают?!

– Кто о чём, а ты, как всегда, о своём, – вздохнул Бернхард. – Ни одно, ни другое, а всё то же самое каждый раз. Единственная предсказуемая женщина на всём белом свете.

– Как будто где-то есть ещё чёрный свет, – фыркнула Клио на эту фразочку.

– Шахту он, откуда великан выполз, конечно, закрыл, – продолжил о лорде Деукалион. – Всё расспрашивал меня о столице. Причём хитро так: а велика ли нынче грифонья кавалерия, а большую ли конницу содержат, сколько жильцов, сколько стрельцов, каковы патрули, численность гарнизона. И всё под такими глупыми и наивными предложениями... То у него какой-то кузен там троюродный служит, то приятель просил алебарду в подарок, то захотел сам из арбалета стрелять научиться, ох... Этот лорд... Деньги вот заместо создания лесопилок и ремонта других подвластных ему рудников пойдут на восстановление города. Как бы ни складывались дела, Берлису это всегда на руку, – пояснил паладин. – Ситуация ровным счётом не поменялась.

– И что теперь делать?! – поинтересовалась Ассоль.

– Мари в любом случае сопроводит вас к архиепископу, – заявил паладин. – Вручите жемчужину как подобает. А вот либо я, либо вы, – глянул он на Вильгельма, – должны остаться тут и присматривать за деятельностью лорда.

– Тут уж либо одно, либо другое, – посмеялся Бернхард.

– С кем он встречается, с кем говорит, с кем ведёт дела, – продолжил, недобро покосившись на рыжего усача Деукалион. – Как удачно уничтожен архив, правда же? Берлису всё всегда на руку, говорю вам, – оглядел он друзей. – Даже нашу победу над Аргусом он сделал поводом для праздника, чтобы его больше любили. Всё себе приписал, представляете? А ещё он в разговорах пару раз вскользь упомянул, что его обещал навестить граф Держинский.

– Это же Мэлоун «переодетый»! – вспомнила, нахмурившись и сжав кулачки, дочка друида.

– Вот именно, – бросил на неё серьёзный взгляд паладин. – Но зато Берн знает хорошо шайку Гримрока. Банда полурка будет вынуждена сдать ему Ланцелота, чтобы самим уцелеть. Получим мы паренька с татуированной картой.

– Ты оставайся, братец, – коснулся его плеча, словно усаживая на место, рыжий усач.
– При тебе палка-выручалка твоя, ты у нас сын бога войны. А анимаг что... Его и так Аргус весьма потрепал, – повернулся он на Вильгельма.

– Тоже так говорю, братик, если что, должен справиться, – роняя крошки в подставленную в белых перчатках ладошку, заявила похрустывавшая печеньем монахиня.

– Нет-нет, господа, я могу! Я готов! – заявил, выпячивая грудь, жеманный и худощавый Вильгельм. – Обернуться совой, чтобы приглядывать через окно там, куда не пустят Деукалиона как гостя. Пробраться куда-нибудь крысой или змеей проскользнуть, чтобы подслушать.

– Змеи же глухи, – припомнила ему Шанти.

– А саранча дышит телом! – встряла к ним в разговор Клио.

– Я ведь образно! – с возмущением во взгляде хмыкнул Вильгельм. – В этом ведь и всё превосходство быть анимагом. Врываешься сквозь дверь тараном, как носорог, взлетаешь под потолок летучей мышью, крысой проскакиваешь по всем жердям в соседнюю комнату, а там уже оборачиваешься волком, готовясь к схватке со злодеем!

– Звучит романтично, – отметила с восторгом в кошачьих глазах, сложив ручки, цыганка.

– И пафосно, – дунув на свои пышные густые усы, закатил глаза Берн.

– Что там дорога всем нам уготовила? – поинтересовался Вильгельм у цыганки.

– Не знаю, посмотрим, – наспех из кармашка вытащила она одну карту. – «Первосвященник», м-да уж... Довольно банально... – тут же отметила она вслух.

– Ну, хоть бед никаких... – негромко пробормотала Ассоль.

– Присмотрим мы за твоей сестрой, не волнуйся, – похлопал Деукалиона Берн по плечу.

– Этого-то я и боюсь, – хмыкнул тот, недобро покосившись на усача.

– А вам, как поручику, не нужно разве вернуться во дворец к императрице? – поинтересовалась Ассоль у Деукалиона. – Про Аргуса доложить, вдруг новые распоряжения будут. Зачем с нами мотаться тому, у кого и без того орденов полно за всё на свете.

– За спасение мира пока нет, – в ответ хмыкнул тот. – Полагаете, анимаг в вашей миссии справится лучше меня? – на манер сестры задрал поручик правую бровь.

– К Вильгельму мы уже как-то привыкли. Он нам всегда помогает, а порой мы его стараемся выручить из беды... – проговорила цыганка. – Он важная часть команды!

– И танцевать меня ещё должен дальше учить... – встряла Ассоль. – Обещал же.

– Ну, если юная леди постарается впредь не превращать мои стопы в ласты... – скривил губы тот. – Я хоть и анимаг, но...

– Хорошо, без меня всё равно на корабль всякий сброд бы набрали. Я хоть прослежу за снабжением и путевой командой. Заодно и императрице доклад напишу, – с укором взглянул паладин на дочку друида. – К вашему возвращению всё уже должно быть готово, так что в пути не задерживайтесь, – попросил Деукалион. – В Квинтесберг седлайте коней лучше прямо сегодня.

– Сегодня? Мы пока вещи соберём все, погрузим, уже темнеть начнёт. Весна весной, а темнеет, как в Близзардис, по-прежнему, – хмыкнула Ассоль.

– Я ночь за поводьями подежурю, – произнёс уверенно Берн. – До обеда проспал, протрезвел, – потянулся он в попытке обнять за плечо Мари. – До утра теперь глаз не сомкну. А вы сможете повалиться в телеге.

– Люблю спать в дороге, – улыбнулась цыганка. – Само это ощущение движения, лёгкое потряхивание телеги... А где наш главный любитель повалиться? Куда делся гном?! – завертела она остроухой головой вдруг по сторонам.

– Был вроде тут... – огляделась Клио, а с ней на пару и дочка друида. – Прыткий, как кузнечик! Скок – и его уже нет!

– Отправился куда-то с полуэльфичкой, видимо, – заозирался ворчливый Бернхард. – Не думаю, что это надолго.

– Вы пока собираетесь, я ещё раз схожу к руинам домов, посмотреть, не осталось ли раненых и у всех ли есть кров, чтоб под вечер никто из лишившихся дома не мёрз на улице, – приподнималась из-за стола Мари.

– Мы тогда пока начнём собирать припасы в дорогу, – привстала и Шанти. – Гнома, надеюсь, особо ждать не придётся.

– А объясните, любезная, почему мы за ним вечно бегаем? – поднялся Вильгельм. – Вот ушёл и ушёл он по девкам, так что же? Мы ему не няньки, он нам тоже ничем не обязан. Пусть путешествует да поёт, как и прежде. Если он нас так не ценит, что не предупреждает, что отлучился, когда его ждать и где искать, если что, то почему мы за ним бегать должны и его ждать?!

– Вы мне напомнили, как Ассоль однажды угрожала уехать без Берна, – усмехнулась цыганка, бросив взор кошачьих глаз на лениво приподнимавшегося усача. – Он ведь всё-таки часть команды.

– Команды... Он-то да, – кивнул на Бернхарда аристократ. – Ну, а гном?

– Он галантен, когда надо, ворчлив, эгоистичен, что для странника-барда приемлемо, думаю, своей музыкой он не раз выручал, – напомнила Шанти.

– Должна ли дружба строиться только на выгоде? – полуприкрыв глаза, полюбопытствовал анимаг.

– Тогда к чему ваш вопрос? – удивилась цыганка. – Вы же заявили, что он бесполезен. А теперь отвергаете и аргументы о его пользе. Считаете, что нам проще будет без него, нежели с ним?

– Он первый рвался спасать вас, когда унесла в когтях птица. Хоть сперва и похоронил уже в мыслях, это потом уже кто-то сказал ему, чтобы не спешил с выводами... – проговорила Ассоль. – И это он дал денег поварёнку, чтобы сгонял за индейкой вчера. Предложила я, но платил-то Аргон. Сказал, цверги – самый щедрый народ Иггдрасиля.

– Может, вы и правы... – опустил Вильгельм голову. – Слишком уж меня он порой раздражает, что я могу чего-то хорошего в нём и не замечать.

– Душечка, – приподняла его личико за подбородок цыганка. – То, что он вас задирает всеми этими «подай лапу» и «покатай на спине», лишь говорит о его расположенности, проявлении интереса, такое вот у него «дружелюбие». А то, что он при этом остаётся эгоистичным, лишь проявляет его характер. Вас в беде он бы не бросил, я уверена. А вы? Какие вообще у вас планы на будущее? Судьба нас уже разлучала, и всё ж таки вы вернулись тогда, ни дать, ни взять.

– Я всё ещё ищейка на служении у Брока Берглунда, поверенного нашего верховного канцлера. Он старший офицер разведки, а я, собственно, шпион и разведчик, – пожал анимаг плечами. – Мне нужно ещё за дядю Освальда отомстить. Как и экс-капитан наш, я желаю покончить с Братством безликих. Думаете, я хочу вернуться домой, в замок, жить как аристократ? Я очень редко скучаю по той жизни и по дому. Каждый год на разные праздники брат или мама зовут к себе, но я никогда не приезжаю. С Жаном всё ясно, я не смогу видеть рядом с ним Орфею. У них, небось, дети уже, а я, как алхимик наш, не понятно, на что трачу жизнь. В родительский замок – тоже понятно, не хочу видеть отца. А уж в свете последних событий... – ошупал он карманы зелёного камзола, видимо, в поисках письма. – Вообще не знаю, как искать с ним контакт.

– Ох, думаю, однажды вы в себе всё же отыщите силы смириться. Одни говорят: время лечит, другие – что у каждой нерешаемой проблемы есть стадия принятия и смирения в конце концов... – проговорила Шанти.

– Мама там в тексте просит никогда тому ни о чём не сообщать. Он ведь выгонит её просто с позором из дома. И меня лишит всех прав на наследство. И тогда уже не запросить нам денег на что-либо. Не уверен, что дядя нас приютит, – взволнованно забегал Вильгельм

глазами. – А отец мой поддерживает прелата и чёрное духовенство. Желает вернуть веру в Творца единого. И проявление магии типа моего дара для него равносильно проклятью.

– Нам в Квинтесберге очень будет нужно расположение архиепископа. Он важнее прелата, он сможет сдержать чёрное духовенство в узде от различных реформ, – предположила с надеждой Ассоль.

Бернхард тем временем, наспех накидывая бурый тулуп, вышел наружу, догоняя Мари. Та поправляла перчатки, стоя неподалёку от входа в таверну, глядя, как опускается мелкий снег. Открывался взор на дощатую немногочисленную пристань: ящики под брезентом, бочки, навесы, места для просушки снастей, где-то вдалеке торговые ряды, а слева пустые привязанные лодки без вёсел, предусмотрительно забранных хозяевами к себе домой.

– Капюшон от снега накинй, на твоих волосах не поймёшь, сколько его скопилось: одинакового оттенка. А заболеть тебе сейчас не к лицу, – проговорил монахине Берн.

– Не мог вот не выбежать и не отвлекать меня... С мыслью сбил... – недовольно произнесла женщина.

– Вечно вот ты всем недовольна! – всплеснул Бернхард руками.

– А ты? А тебе лишь бы вечно плыть по течению. Гром не грянет – от рюмки не отлипнешь, – фыркнула Мари.

– Я подумал просто, может, помощь какая нужна. Вдруг тебе этот лорд там тортов надавил с собой и надо на Гейроную теперь всё погрузить, – скромно отвёл глаза рыжий усач.

– Слушай, сладкий мой, не надо всего вот этого, а? – поглядела серьёзным багряно-карим взором своих выразительных глаз молодая женщина на экс-капитана.

– Чего этого? – поднял тот взгляд на неё.

– Сам знаешь, – насупилась и немного зарделась монахиня.

– Просто подумал, что быстрее выйдет грузить в четыре руки, а не в две, – сказал Берн.

– Нам же поскорей надо ехать, а ты собралась раненых там долечивать... Спасибо, кстати, за пальцы... – размял он правую руку.

– Я тут ни при чём, – заявила Мари. – Шанти с тебя сняла амулет, чтобы ты ящерицей обратился и всё там срослось.

– Человекозвеем... – поправил её рыжий усач.

– Да какая разница-то? Ящерицы хвост отращивают. Потом цыганка снова завязала на тебе эту сдерживающую проклятье штуковину. Я ещё думала, с Аргусом, может, в битве поможет, но потом оказалось, что голова там нужнее, чем сила. Бегали с этими зеркалами и фонарями... И таки справились, – бросила Мари взгляд налево, в сторону окраины города.

– Как и всегда... – приобнял её Берн за плечо. – Все вместе и дружно.

– Я ведь уже просила ко мне не подкатывать, – вывернулась Мари.

– Да не подкатываю я! – развёл руками возмущённый усач. – Вышел сказать, чтобы все не разбрелись. Что скоро запрягать лошадь, грузить всё в телегу. А ты куда-то намылилась... Вот решил, помощь нужна. Вдвоём-то быстрее. Тут уж или одно, или другое. Либо порознь все, кто чем занят, либо дружно помогаем друг другу.

– Ах, хотел бы сделать что-то приятное, лучше б чем-нибудь угостил, – хмыкнула монахиня.

– Чего ты от меня ждёшь? Букет из конфет? Что это за детский сад! Когда мы встретились, ты предпочитала вино! – напомнил Бернхард.

– Потому что это было единственное сладкое в зоне досягаемости, – проворчала Мари. – Видишь, насколько мы разные? И тебе всё ещё кажется, что между нами что-то может серьёзно возникнуть?!

– Мама мне вот всегда говорила: когда кажется, осеняй себя пентаграммой! – отшутился усач.

– Любые отношения – деловые, семейные, дружеские – строятся на доверии. На уверенности в ком-либо. Иными словами: как я могу доверять тому, кто может внезапно напиться?! – возмутилась монахиня.

– Я-то ведь как-то могу доверять свою жизнь той, кто голову теряет от сладостей, – проворчал в ответ Берн.

– Ты, конечно, мужчина настойчивый, – водила взором женщина по густой щетине экскапитана.

– Как Шанти любит выражаться: ни дать, ни взять! – гордо отметил усач.

– Ах, идём, – поправила монахиня ворот его тулупа. – Поможешь мне, раз уж вызвался. Меня учили от помощи не отказываться. Напоминаешь мне моего первого настоятеля в монастыре.

– Да? У вас с ним что-нибудь было? – уточнил с любопытством в зелёных глазах экскапитан.

– Ой дурак! – хлопнула его по шапке Мари и, надув щёки, развернулась, зашагав от пристани к городу.

– От такой же слышу! – догоняя и собирая по пути талый снег, швырялся ей в спину снежинками рыжий усач. – Эй! Ну, ответь! Я к кому обращаюсь?! Так облопалась своих пирожных, что уже и язык проглотила? Обет молчания приняла?! – все не отставал он, но монахиня только тихо хихикала, двигаясь в направлении разрушенных великаном домов.

Первосвященник

Мари простилась с братом до их возвращения, тот обещал собрать опытных матросов, удостовериться, что судно предоставят им не дырявое и что Берлис точно раздобудет Ланцелота. Без карты плыть в любом случае сейчас было нельзя. Самое время съездить в Квинтесберг.

Аргон, которого к моменту отъезда таки врывали из объятий полуэльфийки и выволокли из комнаты, уже в пути рассказывал, как узнал от той, что в поисках работы до Аргуса добралось двое престарелых пустынных, вернувшихся в Империю с рассказами об ужасах, творимых Камасоцем. Мол, запугивают местный люд деяниями богов зла, а с этим что-то надобно делать. Как-то останавливать подобные слухи, иначе народ запаникует от бездействия императора.

Поездка прошла без особых приключений. Останавливались в тавернах на ночь, причём просто снимали комнаты безо всяких застолий. Готовил в пути исключительно гном. Затарился разными специями и экспериментировал. Каждое новое блюдо было не похожим на предыдущее, даже если состояло, в целом, из тех же ингредиентов. Рыбный суп, грибной, мясная похлёбка – Аргон всегда находил, что бы такого эдакого добавить туда: от крупы или клёцок до сушёных укропа и сельдерея.

А вот мешки с припасами всё мельчали и легчали в дороге. Надеждой было, что в Квинтесберге всё пройдёт благополучно и тоже удастся затариться с доброй руки первосвященника. Самой большой надеждой было вообще застать его на месте, ведь мало ли куда понтифик сейчас мог отправиться. Времена, когда первосвященник объезжал города на крупные праздники, впрочем, были уже давно в прошлом. Сейчас, чтобы увидеть его, люди сами приходили в город паломничеством со всех уголков Империи. За счёт чего Квинтесберг и вполне процветал.

Город предстал в дневном свете перед путешественниками величественным каменным ансамблем изящной архитектуры. Издали он мог напоминать неприступный форт, а на деле стены и постройки его были возведены с невероятным мастерством тончайших изгибов и скульптурных композиций.

Некоторые полые башенки в своих цилиндрических стенах имели резные изображения празднеств с трубадурами, монахами и плясками. Где-то эти фигуры как бы водили хоровод, где-то стояли на коленях и молились. Были представлены и церковные церемонии, и даже какие-то зарисовки из мирской жизни: пахота, выпас скота, словно здесь с почтением относились к простому крестьянскому труду.

Нигде не было изображения балов или званых вечеров знати, только работающий или пляшущий простой люд да иногда отдельные сюжеты посвящались исключительно монахам. И то фигурам в рясах с капюшонами, без изысков.

Самого первосвященника и высшие чины среди изваяний можно было встретить лишь у восстановленного главного фонтана, протяжённого сквозь большую часть площади перед Капитолием – главным собором, увенчанным подобием короны и флюгером в виде трёхглавого дракона в память о некогда посещавшим это место чудовище, от нападения которого город сумел-таки выстоять.

Словно это служило неким напоминанием, подчёркивающим величие Квинтесберга. Ведь это собор был огромным, а флюгер с драконом относительно маленьким, хотя виднелся во всей красе даже издали, по крайней мере, со всех концов главной площади, иначе какой бы вообще в нём был смысл. А в реальности-то всё было наоборот. И ещё наверняка кто-то из городских долгожителей помнит те страшные и пугающие события, пересказывая их на свой лад.

Капитолий напоминал величественного слона на параде. Обилие ровных прямых колонн – как могучие ноги, а скользящие волны декора, изгибавшиеся внизу, – словно плавные хоботы или заострённые бивни. Широкие балконы, как огромные уши, и похожие на них же симметричные оформления барельефов по обе стороны входа сопровождались спиралями и равно-сторонними крестами в качестве символов солнца.

Многие узоры точками или кругами делились как бы на четыре части, а сами эти окружности, вогнутые или же выпуклые полусферы символизировали положения небесного светила на закате, восходе, в зените и как бы в противоположной оному нижней точке под миром. А над центральной «розой» красивого витража располагалось изображение победы группы монахов над жутким драконом со скорпионьим хвостом.

– Ну, и чего мы припёрлись сюда, – без малейшего интереса разглядывал барельефы и местные статуи Аргон. – Единственный из больших городов Империи, где нету борделей, – недовольно ворчал он. – Тут даже женщины, кто и есть, все – монашки. Ничего от них не добьёшься, – сложил гном руки на груди и насупился. – Вручаем по-быстрому жемчужину и сегодня же сваливаем!

Возвращались перелётные птицы, стайками проносясь над головами путников. Вильгельм подумал, что, будь с ними Зик, он бы явно порадовался да всех этих пернатых назвал по их «именам». Сам же он признавал среди них лишь ласточек да синиц с трясогузками, но больше всего в Квинтесберге было сереньких воробьёв, которые на зиму никуда и не улетали. Анимаг вспомнил, как во время прогулок по городам его мать называла этих птиц «летучими крысами» и нахлебниками. Тащат, мол, всё из кормушек себе, отбирая у уток, у белок, у лесных птиц всё, что только могут забрать.

Сейчас воробьям неподалёку от входных, украшенных каменными петухами и барельефами змееподобных драконов, ворот сыпала пшено из глиняной миски девочка-монашка лет двенадцати. Чернявая, с густыми бровками и разным цветом глаз: левый у неё был тёмно-зелёным, а правый – тёмно-коричневым.

Позади неё же на улицах творилась какая-то суматоха. Никто не прогуливался, не шёл вальяжно или по-монашески неторопливо, никуда не спеша. Наоборот, кто впопыхах нёс гуся, кто в широкую шляпу сложил какое-то добро и торопился обогнать прочих прохожих. Бегали и поодиночке, и целыми кучками. Мужчины, женщины, дети, все куда-то спешили, причём в разные стороны.

Это отнюдь не было похоже на какой-то крестьянский ход или сборище для окропления миррой ценного имущества на ритуалах благословения. Бежали все в разных направлениях. Кто к домам, кто из домов, к перекрёсткам и от оных, в разные лавки, к центру и со стороны центра. Ослики и лошади от всего этого казались крайне напуганными. А люди ведь ещё спотыкались, голосили, о чём-то переговаривались. Иногда, завидев знакомого, кто-нибудь начал тому что-то кричать через всю улицу, останавливаясь да махая рукой к себе. Квинтесберг оказался весьма оживлённым городом.

– Доброго дня, юная леди... – первым подошёл к девочке, кормившей воробьёв, анимаг.

– И вам здравия и хорошего дня, – не поднимая глаз, швырнула она горсть пшена прямо путнику на зелёный камзол.

Аристократ аж брезгливо скривился, причём не столько от жеста незнакомки, сколько от стайки налетевших на него воробьёв. Только и успевал, отойдя на полшага назад, отмахиваться от птиц да скидывать зерно с тесьмы, нашивок и пуговиц.

– А не могли бы вы... сопроводить нас к архиепископу? Нам нужен Фидель Сервиллий, – попросил малышку всё же Вильгельм.

– Его Высокопреосвященство вёл до утра службу по погибшим семьям. Я боюсь, он как минимум проспит до обеда, вам придётся его подождать, – подняла виноватый взгляд девочка, прикусывая губу, но не как Ассоль по центру, а где-то сбоку и криво, что лишь добавляло

неловкости выражению её овального детского личика с маленькой тёмной родинкой над левой щекой, почти у самого глаза. – Ой, – зарделась она, с восхищением разглядывая златовласого анимага. – А меня Примула зовут, – кокетливо представилась маленькая монашка.

– Погибшим семьям? – озадаченно вышла вперёд Шанти, вместе с ней и Бернхард, а также державшая того под руку Мари.

– А вы не знаете? – удивилась девчужка. – Ой, а вы что, женщина-кошка?

– Думаю, душечка, это и так очевидно, – подметила ей цыганка, пытаясь приветливо улыбнуться, но весь о некой трагедии явно выбивала её из колеи.

– У нас таких и не встретишь... Сюда только люди приезжают обычно... – растерялась Примула.

– Что там с погибшими-то? – прыгнула вперёд Клио. – Айда отпевать и в последний путь провожать!

– Тише, душечка, в нашем мире смерть – это не весело, – положила руку ей на плечо Шанти.

– Чегой-то? – хмыкнула малышка с причёской в два хвостика и металлической маской черепа, задранной на макушку.

– Дорогие странники, в столице беда. Все дома великих семей уничтожены и обрушены. Там большая трагедия, – пояснила маленькая монахиня.

– Что?! – хором изумились цыганка и экс-капитан. – Как?!

– Батюшки-светы... – добавила Шанти.

– Ого! И много там трупов? – счастливо запрыгала Клио. – Целый урожай душ можно было собрать и проводить в последний путь! Тётушка Хель и тётушка Мортис бы мной гордились! А я не в столице...

– Как же это возможно? Прямо все особняки и башни Великих Домов?! – округлила глаза Мари и приподняла правую бровь.

– Говорят, настоящий погром был, всё взрывалось, столица теперь напоминает руины. Столько всего разрушено, столько погибших... – сообщала последние вести Примула. – А вы к нам откуда? – хлопая ресничками своих разноцветных глаз, продолжала кокетничать она с Вильгельмом.

– Ёж-поварёш, – раскрыла свой рот Ассоль в удивлении.

– Неужто Финча работа? – оглянулся, посмотрев на своих спутников, Берн

– Одним паучком разорвал в клочья телегу... Сколько ж у него их было, чтобы все здания великих династий Империи сокрушить? Иными словами: это ж сколько там жертв! – прикрыла рот ладошкой Мари.

– Это уже несколько дней как случилось, – скривилась девочка-монашка с подозрительным видом: мол, в каких же дебрях вас носило.

– Ты ж смотри... – вздохнула, опустив глаза, Шанти.

– А я говорил, давайте про великана треклятого съездим доложим в столицу, – проворчал цверг.

– А если б мы там тоже попали на какой званый вечер? Обратившийся в бойню. Что там творится сейчас? Как император? – ужасалась Мари.

– Мы вот сейчас к вам из Аргуса, – вежливым тоном юной монашке пояснил анимаг.

– Слышала, было покушение на правящую чету, но никто не пострадал из них. Я служу помощницей госпожи Руби. Руби Виндекс. Она в Квинтесберге что-то вроде городничего, всем заправляет, хотя архиепископ, конечно, господин Сервилий... Ну, он не любит, когда его зовут «господин», говорит: у людей нет господ. Просто госпожа Руби... Ах! Просто Руби... Учила, что так правильно... – замялась маленькая монашка, сильно занервничав.

– Виндексы – тоже великий дом! Наверняка её родственники пострадали! – испугалась цыганка.

– Семьи двух из её сыновей, – снова прикусила губу Примула.

– Батюшки-светы... – развела Шанти руками. – Можем ли мы её навестить? Может, она сможет лучше рассказать нам о том, что случилось? – поинтересовалась она. – Нам ведь всё равно ждать, пока первосвященник проснётся, – повертела головой она влево и вправо на спутников.

– Раз уж борделей нет, пойдём в храм, – фыркнул гном, отчего маленькая монахиня рассмеялась.

– Чего вы так распереживались, – пожала плечами, отправляя трёх своих дроздов гонять воробьёв и тоже поклевать зёрнышки, Клио. – Умерли и умерли, здорово же! Какое высвобождение от боли, от брэнного тела, от тяжести бытия! Воспаришь – и свободен, как птица! – подняла она вверх глаза. – Паришь себе высоко-высоко! Летишь над всеми!

– Высоко... – мечтательно повторила Примула, тоже задрал личико к небу.

– Так ты отведёшь нас? – уточнил у неё Берн.

– Руби повелела мне кормить воробьёв. А кругом собирают кто что может, чтобы отправить в столицу в помощь пострадавшим. Задело ведь и рядом стоящие здания, и других людей, и прислугу... – пояснила та. – Разрушена академия магии, как говорят.

– Этого ещё не хватало! – опешил Вильгельм. – Дядя Шердиан! Мне нужно срочно послать весточку в Селестию! – занервничал он, обильно жестикулируя.

– Почтовая башня в соборе. Идёмте, – по-быстрому крупными горстями добросала зерно птицам девочка. – Отведу вас к госпоже... к Руби, а она уже всё вам покажет, – схватила она анимага за руку в белой перчатке и потащила в сторону центральной площади, затопав ножками да постукивая каблучками своих башмачков.

Все последовали за ними сперва по переполненным улочкам, а потом и по вытянутой главной площади перед собором. Некогда было рассматривать ни прилавки, ни изделия местных умельцев, ни каменные хороводы декоративных прудов и фонтанов, ни помпезную статую богини победы, воздвигнутую здесь по окончании Рагнарёка, ни даже внешние красоты главного здания Клира Империи.

Лишь мельком, поглядывая по пути, поглядывая по сторонам да задирая иногда головы, путники полюбовались кратко достопримечательностями. Внутри собор встретил их просторным помещением с колоннадами по обе стороны и статуями как бы подпирающих потолок великанов. Когда-то это символизировало обращение неверных в слуг и рабов, так как у разных народов-гигантов фактически не было никакой своей религией. Вот только могли ли они когда-то быть во служении Клира – оставалось большим вопросом.

Одни источники утверждали, что все самые древние и величественные здания Империи с огромными ступенями, невероятным колоннами и высочайшими входными порталами строили именно расы гигантов. Другие же заверяли, что то был наёмный труд и обилие талантливых мастеров. В одиночку всё это в одной стилистике со схожим изображением фигур, животных и персонажей для разных исторических сцен было явно не вытесать. Третьи летописи и вовсе твердили о магических артефактах как раз наподобие Кольца Зодчего императора Эндимиона, способного из скалы сделать дворец почти что в мгновение ока.

Сюда путники прибыли как раз не просто принести такие реликвии, как уже хранившаяся здесь годы Жемчужина Световита, а заодно передать по просьбе самой Хель первосвященнику Фонарь Люцифера, но и поинтересоваться об информации из местных библиотек, списков и старинных свитков по поводу Трёх Сокровищ Эндимиона. Точнее – двух из них: одно-то уже нашли и отнесли в имперский дворец. Правда, с учётом информации о взрывах и покушениях, сохранность столь ценной вещицы уже была под вопросом.

Потому-то и головы у всей заявившейся в город команды были забиты совсем не созерцанием местных красот и даже не пополнением оскудевших припасов, а теперь уже в первую

очередь попытками разобраться в случившемся. И внутри суета монахов тоже говорила о том, что здесь собирают вещи, дабы отправить в Селестию на помощь всем пострадавшим.

– Госпожа Руби! Госпожа Руби! – встав на цыпочки, помахала Примула одной слегка полноватой женщине, дававшей вдали распоряжение двум худошавым и высоким монахиням-подросткам.

Свет радугой падал в цветные витражи Капитолия, мозаики которых изображали сбор росы и цветов, праздничные пляски и хороводы. Людские фигуры в словно лоскутных, собранных из частичек цветного стекла, нарядах представляли на каждом изображении. То кто-нибудь в рубахе на опушке слушал пение птиц, то трудился в поле или же разводил большущий костёр. И сквозь все эти сюжеты с восточной стороны пронизывало свои лучи яркое весеннее солнышко.

– Сейчас, девочки, – погрозив пальцем, проговорила загорелая дама с каштановыми, отдававшими прямо эдаким бордовым оттенком, волосами, немного вьющимися и спадавшими на плечи её простенького бурого облачения, однако же сделанного из дорогой парчи. – Я же просила не звать меня «госпожой», Примула. Здравствуйте, дорогие паломники, – оглядела она весьма разномастную компанию путешественников. – Здрaвы будьте!

– Ну, настоятельница... – закатив глаза, шаркнула ножкой малышка.

– И вам... – начал было что-то высокопарное говорить Вильгельм, но его перебили.

– Сударыня! – оживился при виде этой дамы Аргон, потянувшись к гитаре. – Ваши волосы прекрасны, словно водопад жидких рубинов благодатью снизошёл на наши сердца!

– Душечка, а где же «глаза», «две луны»? – не понимала цыганка.

– Да какие глаза, кисонька, ты только глянь, какие у неё волосы! – восторженно воскликнул гном. – Чудо из чудес! Рубиновые локоны! Так вы тут клиром заняты? – криво усмехнулся он. – Не желаете ли научной ереси почитать? – выхватил он книжечку, что умыкнула Шанти у императрицы. – Разведём большой красивый костёр, сожжём пару-тройку учёных, прижмёмся друг к другу...

– Да прекрати ты уже, – хлопнула цыганка его по затылку, приводя в чувство. – Эта «сударыня» только что двоих детей потеряла.

– Ах, примите мои соболезнования насчёт сыночек! – рванув вперёд, обняла городскую начальницу монахиня Мари. – Мы только узнали о случившемся в столице, – посмотрела она в карие глаза Руби.

– Благодарю, святая сестра, – вздохнула та. – Какой у вас голос приятный, мягкий такой, обволакивающий, «утешающий» прямо, я бы сказала. Так мило картавите. Но горю моему, боюсь, простыми словами, увы, не помочь, за моих мальчиков мы можем только молиться. А ведь они друзей в дом к себе звали, угощали соседей, только подумать, сколько совершенно невинных жертв из-за тех, кому была нужна их смерть! Только подумать! – запричитала она, подняв увлажнившиеся глаза к потолку, будто это могло как-то помочь слезам вкатиться обратно.

– Мы принесли вам жемчужину... – робко шагнула вперёд Ассоль, пока гном с недовольным видом потирал свой кудрявый затылок.

– Девушки... – слегка отодвинула дама монахиню от себя. – И мужчины, – бросила она взгляд на Берна и Вильгельма, отчего-то не удостоив сей чести гнома: скорее всего, просто не заметила низкорослика. – Давайте обо всём по порядку. У меня с утра всегда полно дел, – оглянулась она на девчонок-монахинь и махнула им рукой, чтобы удалились выполнять последние распоряжения, занявшись своими делами: мол, к ним она подойдёт ещё как-нибудь потом, после чего Руби вернула свой взор на гостей. – Ваши соболезнования я принимаю, моя дорогая сестра милосердия, но впредь старайтесь такого не делать. Нехорошо напоминать кому-то об их утрате даже с целью поддержки и разделения горя. Пока я занята насущными делами, я могу хотя бы забыть. Сосредоточиться на чём-то другом, а не оплакивать двух своих мальчиков.

Говорила она невероятно быстро, зато очень чётко. Голос был бойким, чеканным, чуточку монотонным, просто всё её эмоциональное состояние сейчас явно держалось на одной встревоженной ноте. И это беспокойство вкупе с волнением и внутренними переживаниями сильно отражались на речи. Пусть без заиканий и дрожи, но заставляя даму тараторить и как бы постоянно спешить. Воздуха не хватало, чтобы произнести все желанные фразы.

– Но нам правда очень и очень жаль, – с виноватым видом, с этой кривой улыбкой, очень напоминавшей отличительную особенность своего брата, проговорила Мари.

– Дело не только в их гибели. Их семьи были в Селестии, они сдерживали инициативы чёрного духовенства. Его Высокопреосвященство находится здесь, он не может постоянно наносить визиты в столицу. При этом тамошних храмов взрывы совсем не коснулись. А вот Академию, которую прелат наш мечтал так закрыть, разрушили просто в гору обломков!

– А вы не знаете, кто-нибудь уцелел? – со вздохом ужаса произнёс анимаг.

– Насколько мне известно, никто, – с сожалением произнесла Руби Виндекс, переводя взгляд на Вильгельма.

– О, я так сожалею, – отпустив руки градоначальницы, обняла Мари уже аристократа.

– Вот так потерять и второго дядю... – опустил взгляд Вильгельм. – Так и не поговорить с ним о нас, о том, кто настоящий отец... – тихо вздохнул он, а Шанти взяла его за руку.

– Отойдёмте немного, – попросила их Руби, двинувшись вправо от колонн в закуток с каменной лестницей, уходящей во полумрак галереи куда-то наверх. – Примула, позови к нам Его Высокопреосвященство.

– Но ведь он спит, – возмутилась, хлопнув себя в районе колен, девчушка с досады, что ей не удастся послушать что-нибудь интересное.

– Так разбуди, – повернула к ней голову градоначальница.

– Но это же в мужской половине! – всё противилась та.

– Раз я сказала позвать, значит, нужно позвать, – цокнула языком недовольная Руби.

– У-и-и! Нарушать правила! – тут же оживилась, заулыбалась и хлопнула маленькая монашка в ладошки.

– Это не «нарушение» правил, если тебе так велят старшие, – шумно выдохнула и закатила глаза градоначальница.

– Всё равно, всё равно! – помчалась та по ступенькам наверх, уже и слушать ничего не желая.

– Ох, простите за неё, у нас мужчины и женщины в разных половинах собора живут, мальчишки с девчонками тоже, соответственно. Вечно гонять приходится. То кто-то в кого-то влюбится и бегает на ночь, то поссорится и уже устраивает какие-то проказы: типа лягушек подсыплет в кровать... Ох, – покачала головой Руби. – Своих сорванцов помню крохами, – достала она платок, поднеся к заслезившимся глазам. – Когда в семье пятеро детей, думаешь, что тебя наградили боги. А когда они их забирают... Простите... – расплакалась она, но старалась всё-таки взять себя в руки.

– Пятеро, ого... – раздался голос Бернхарда, скорее пробубнившего под нос, а не воскликнувшего, но с его тембром голоса слышно было всем, кто стоял рядом.

– Один сын здесь помогает, другой заведует книгопечатным делом, семья третьего ведёт дела имперских епархий, детишек грамоте учит, так сказать, растит будущих переписчиков, а те сыновья, что в столице... – всхлипывала Руби.

– Не надо грустить, – подскочила к ней Клио, обняв, – они же первые сорок дней смотрят на вас и не хотят, чтобы вы горевали! Им приятно, когда поминают их добрым словом, всякие яркие события, подвиги, сцены из жизни! Лучшие воспоминания! Раньше никогда покойников не оплакивали, что с этим миром стало не так в моё отсутствие? А где тризны, памятные проводы и почёт?

– Смотрят? – слегка опешила градоначальница. – Они?

– Ну, конечно. Только знаков подать с астрального плана не могут, так как бесплотны, – заверила девочка. – Дарят вам энергию своей любви. Делятся ей. Только она во вселенной может быть неиссякаемой и бесконечной.

– Она знает, о чём говорит... – не знала даже, как представить эту свою спутницу, Мари. – Иным словами: можно сказать, своего рода она одна из богинь смерти...

– Богиня? – сквозь слёзы внимательно посмотрела Руби на девочку. – Везёт же мне на них...

– Угу, – кивнула Клио. – А они стоят позади вас, положив руки на плечи, и совсем не хотят, чтобы вы грустили! – серьёзно заявила она, имея в виду, видимо, духов погибших сыновей. – Обнимают свет вашей ауры.

– Позади? – оглянулась женщина, но увидела лишь, как по лестнице спускается к ним архиепископ.

– Что у вас здесь случилось, почтенная Руби и дорогие гости святого нашего городка? – подошёл к ним человек высокий и стройный в белом одеянии с расписной витиеватыми и цветочными символами золотой вышивкой на орнаменте и шёлковой ленте, именуемой стола.

Квинтесбергский Архиепископ Фидель Сервилий был немолод, вероятно, лет где-то аж за шестьдесят. С длинной седой бородой и теряющимся среди её прядей усами, обилием морщин, добрыми малинового оттенка глазами и густыми выразительными бровями. Волосы его, расчёсанные на прямой пробор, ровно огибали лицо, оканчиваясь золотыми кудрями на плечах. Если и должен был какой-либо человек представлять сразу духовенство, то непременно такой.

Он выглядел словно посланник небес. Только крыльев за спиной не хватало. Отчего-то не вызывало сомнений, что вся коллегия кардиналов единогласно выбрала его первосвященником. Даже голос его звучал как-то божественно. Медовый, плавный, при этом громкий, подхваченный к тому же эхом самого помещения, но при этом настолько спокойный и сам по себе умиротворяющий, словно и вправду сам некий добрый Творец говорил его устами.

– Ах, Примула вас таки добудилась! – воскликнула с лёгкой улыбкой, протирая глаза от слёз, Руби.

– Да, отпустил её девочкам помогать на кухне, – улыбнулся в ответ мужчина.

– Уж они там помогут... – с недовольным лицом оглянулась градоначальница через плечо на тех. – От них там вреда больше, чем пользы. Не справляются с ними ни Аглая, ни Вергилий, никто вообще...

– Девочки учатся, не будьте с ними слишком строги, – положил свою морщинистую руку архиепископ ей на плечо. – Не стоит говорить: «Я не справляюсь», куда правильнее будет сказать: «Я делаю всё, что в моих силах».

– Ваше Высокопреосвященство, – низко поклонилась Мари.

– О, право, не стоит, – плавно всплеснул тот руками, слегка подтягивая их к себе, будто дабы сестра милосердия не вздумала ещё и сверкнувший золотой перстень ему целовать. – Я такой же человек, как и вы. А у вас голосок такой нежный. Тут монахини звонкие все, визгливые, громогласные! Вон как Руби всеми лихо командует! Не женщина, а полковник! – приободрил он женщину, коснувшись её руки чуть ниже плеча.

– Не скромничайте, Фидель, – чуть улыбнулась вновь та. – Вы здесь делаете для всех куда больше. Для всей Империи!

– Нет-нет, я ведь избран кардиналами, а не самими богами, – заявил архиепископ.

– Один из которых мой сын, – напомнила градоначальница.

– Какие интересные у нас гости. Не припомню, чтобы хоть раз видел здесь фелинов, – разглядывал Фидель цыганку. – Местный люд очень настороженно относится к иноземцам, но я надеюсь, что никаких конфликтов не будет. Мы призываем к терпимости и принятию, даже если, помимо паломников, к нам прибывают те, кто не обращён в веру.

– Я... Я вполне интересуюсь религией, в отличие от других фелинов! – тут же нашлась Шанти. – Какая там покровительствовала кошкам? – повернулась она к Ассоль.

– Баст! – из кармашка достала та свою статуэтку, носимую с собой в качестве подарка-талисмана от брата.

– Вот, думаю, она благоволит разным фелинам, – заявила цыганка.

– Всё так, дитя моё, – улыбнулась Руби уже шире и дружелюбнее. – Прибывают иногда к нам и потерявшие веру после каких-то трагедий, и сменившие её, и ищущие своё божество, служению которому желают себя посвятить.

– А гном ваш, смотрю, музыкант. Менестрелей здесь чтят, они редкие гости, – подметил Фидель.

– И бывший протопоп, между прочим, – поприветствовал Аргон первосвященника, приподняв шляпу с лысины. – Да благословит вас всех милосердная Фрейя! Да нальёт всем нам Браги по кружечке браги! Ха-ха-ха! Цверги, между прочим, самый набожный народ Иггдрас-иля, да! Винца не хотите вот? А ещё меня Коркоснек и священным песням обучил! Надеюсь, он хоть сейчас не в столице? А то не дай боги... Да! Вот эта, как её... – достал он гитару. – Под небом голубым... есть городок святой... с прозрачными воротами... Про Вальгхаллу, небось! – прекратил гном перебирать струны. – Там ещё про зверей потом было. Гуляет там один такой вепрь... Ваша религия ведь позволяет кушать свининку?

– Тише, прошу вас, сейчас же все служки сбегутся послушать, а у них дел невпроворот, – остановила его Руби. – Ещё и таких чудных гостей сбегутся разглядывать как диковинку.

– Помните, мы должны бороться за каждую душу! – заявил ей архиепископ. – За каждую! Никогда не поздно исправиться и изменить себя. Хотя бы попробовать измениться. Попытаться. Пожелать измениться. Иногда даже уже этого светлого порыва бывает достаточно, чтобы открыться свету. Ибо не говорят: «я опозорился и потерпел неудачу», куда правильнее после любой попытки хвалить себя: «Я молодец и горжусь тем, что осмелился хотя бы попробовать». Старания всегда вознаграждаются. Ибо не бог есть судья вам, и даже не боги. А ваша совесть. Это она придёт в виде Кармы, Анубиса, примет форму Калинова Моста или Чистилища-Озера. Это суд совести, который и определит, куда же ваша душа двинется дальше, если ей ещё будут открыты дороги. Каналы, как мы в наших духовных традициях их называем. От совести не уйти, все старания будут учтены и вознаграждены. Но не думаю, что вы здесь для того, чтобы говорить о чакрах, мантрах, мудрах... Это такие знаки из соединённых вместе пальцев, а то вечно меня про них паломники переспрашивают. И ведь явно вы в собор пришли не за амулетами и даже не за благословением моим. Однако же, я, конечно, всех вас благословляю на добрые дела и на подвиги во имя светлого имени Клира и Пресвятой Церкви.

– Да, мы за этим и прибыли! – полезла Ассоль за Жемчужиной Световита. – От лица принца Локдерона, а также самого императора и его приближённых, мы возвращаем вам на хранение эту святыню!

– Усатый-хвостатый, а почему она вечно реликвии все таскает? – тем временем тихонько локотком в бедро потыкал Вильгельма Аргон. – После её-то странных всех выкрутасов.

– Вот это да! Вы смогли-таки найти похитителя! – восторженно глядел на сверкающий камень Фидель.

– Пожалуй, как диковинку разглядывать теперь все сбегутся жемчужину... – произнесла заморожённая Руби.

– И это даже не всё. Мы были свидетелями ритуала возвращения Хель, – дополнил Бернхард и потянулся к поясу, отцепляя чародейский фонарь. – Она попросила нас отдать вам вот это.

– Неужто... – вглядывался в таинственный свет фонаря, поднеся его конструкцию поближе к лицу, первосвященник.

– Он пустой, пойманные души из него все высвободились, походу. Но сияет, как видите. Не требует ни огня, ни лучины, ни масла... Накрывать в три слоя брезента приходится по ночам, спать мешает, – рассказывал Берн.

– Потому что кипит в нём кусочек изначальной энергии света, дух его создателя, – мягко проговорил Фидель. – Дорогие мои друзья, окажите старику милость. Отнесите жемчужину прелату Антонию в дар, в знак мира, пусть покоится лучше в столице. И фонарь заберите с собой. Но всем говорите, что оставили здесь. Пусть в случае раздробленности пытаются штурмовать наш собор, – с серьёзным взглядом посмотрел он на гостей.

– Это же не замок какой-то! Как же вы здесь...?! – не понимала, оглядывая красивое убранство вокруг, цыганка.

– Я не боюсь пожертвовать собой ради высшей цели, – ответил Фидель. – Если сюда нагрянут враждебно настроенные лорды, чтобы разграбить святыни, не лучше ли, чтобы то, что они ищут, оказалось не здесь? Несите всем весточку, что фонарь возвращён в Квинтесберг. Кто-то будет опасаться нашего величия, кто-то искать пути к нашим криптам и подвалам. А вы в столь тёмный час будете нести свет. Я верю, что Творец – это свет, и из него все мы были рождены, и им мы станем в посмертии, познав его и объединившись с ним. Потому я не боюсь смерти, я жду её с возможностью быть принятым самим Творцом. Но при этом не страшусь исполнения своей миссии здесь, на Земле. А потому несу своё бремя, как всевышнему будет угодно. Боги, меж вражды которых мы с вами застряли, это не «лики» Творца, но его дети. И подобно нам, смертным народам, они тоже могут заблуждаться и совершать ошибки. Но миссия их – хранить этот мир. Пусть свет напомнит даже самым тёмным богам, для чего они были созданы, отделившись от Творца бесплотными духами. Что заставило их найти себе аватар. Смертный образ, личное воплощение.

– В старой традиции говорилось, что многообразие Богов – это есть лики творца. Его мудрость, его очи, его длань, дыхание и так далее, – пояснила Руби. – Реформа Квинта, моего папы, отвергала эту связь. Божества были лишь детьми Творца. Независимыми, своенравными. Это помогло людям понять, почему случаются бури, катастрофы, несчастья, вражда, зависть в сердцах, несправедливость, болезни, смерти... Каждый бог действует по своему усмотрению и в своей вотчине. Отныне стало не нужно пытаться понять какой-то всевышний замысел и уповать на извечное милосердие создателя. Всё встало на свои места, улеглось в сердцах людей. Одни традиции обещали загробные миры, другие – перерождение, а теперь всё стало связано. В зависимости от земной жизни и набранного опыта, могут быть самые разные пути в дальнейшем. Кто хочет – увидит родственников, кто хочет – найдёт новую жизнь... – остановилась она, видимо, вновь вспомнив о гибели двух сыновей.

– Реформы Квинта одобрил Жиль де Рон, так что у противников не было шанса что-то оспорить, началась новая эра – эра белого духовенства, как видите, – провёл Фидель элегантным движением по своему одеянию. – Мы носим белое, символ чистоты и света.

– А между кардиналами сейчас разгораются сильные споры, каким богам возводить следующие святыни, как чтить, – сообщила Руби. – Меня очень всё это беспокоит... На повестке дня постоянно подход к жертвоприношениям. Стоит ли резать скот, разливать вино, сжигать ткани. С одной стороны, в этом и принцип отдачи – самой жертвы, с другой – оценят ли этот поступок по-настоящему? Спорят о важности больших и малых богов, о том, нужны ли вообще им святилища. О том, что божества могут спать или находиться в стазисе – быть запечатаны в своих реликвиях.

– Они и без стазиса спят, – фыркнула Клио. – Дядюшку Мора вот не добудишься.

– Мор, страшный костяной великан, супруг Мортис и бог всех болезней, – припомнил архиепископ. – Но ему же следует молиться и чтобы болезнь отступила! Сейчас, после стольких лет деления на добро и зло, в мире очень тяжело донести до людей смысл богослужения. Да и нелюдям тоже, – вновь взглянул он на Шанти. – Во время Первой Войны Богов Мор был

первым из четырёх всадников Апокалипсиса, но их стремления разрушить цивилизацию не увенчались успехом.

– Всадники! – тут же сообразила цыганка. – А можно как-то поподробнее об этом? Мы читали пророчество, но как-то не слишком внимательно, видимо...

– Четыре всадника – это избранные божества, не участвующие в противостоянии напрямую. Мор, его супруга Мортис, ненасытный Молох и Арес, бог войны, – рассказывал Фидель. – Последний как раз и переметнулся из-за Афродиты. Как сейчас сказали бы: предал своих, но зато спас тем самым всех нас! Потому, конечно, этому богу войны мы воспеваем почести и надеемся, что он вновь сохранит Империю, да и всё человечество, от раздоров. Все разумные расы, – тут же поправился он, глядя на Шанти и Аргона. – Простите, мы в Квинтесберге привыкли молиться об Империи и её подданных. Клиру запрещено со времён Рагнарёка пытаться расширяться на иные земли, с учётом, сколько всего тогда произошло. Вот и молимся о своих. А Империя, хоть и многонациональная по своей сути, но основу её всё же, как ни крути, составляет людская раса. Да и сюда иноземцы никогда не заходят, если заметили.

– Примула нам уже сказала, ага, – кивнула Ассоль.

– Победители Первой Войны одолели Ра, желавшего сжечь Таскарию и Империю, а также заточили и многих других богов, например, Мора отправили в изгнание на безлюдный далёкий остров со скалой в форме черепа посреди безбрежного океана... – сообщил первосвященник.

– Чего?! – невежливо прервал рассказ архиепископа изумлённый Бернхард, словив на себе взгляды всех остальных. – Это же тот парень... Сукин сын, который весь в татуировках. Ланцелот и его капитан Блubberри... Они отвезли сокровище на остров-черепа! Остров, о котором Ланцелот говорил! Маленький, скромный, посреди неизвестности, а на нём скала в форме черепа, где обитают летучие мыши. И Мор ведь бог болезней? Капитан, отнёсший туда сундук, сразу же захворал и скончался! Смекаете? Блubberри, зарыв клад, подхватил сильную болезнь... Потому что там Мор заточён, чёрт его поберёт!

– Сладкий мой! – отвесила возмущённая Мари рыжему усачу хорошенький крепенький подзатыльник. – Ты в святых угодьях главного собора Пресвятой Церкви! Не смей сюда кликать чертей!

– Мор – там, куда мы собрались?! Батюшки-светы! Как мы отправимся на остров, где заточён бог болезней?! – опешила Шанти.

– Тут уж либо одно, либо другое, – провёл по своим пышным усам Берн. – Или померём, или не померём. Ситуация пятьдесят на пятьдесят.

– Значит, нам опасно появляться там... – растерялась Ассоль.

– Мне – нет, – гордо заявила Клио. – Я пару раз его навещала с тётушкой Мортис, дядюшка Мор такие классные сказки рассказывал. Висит там себе, как паук в паутине. Дорогу не знаю, но скала там и вправду прикольная! Её вытесал народ людей-птиц, говорят. Я не застала, я ещё маленькая богиня. Но другие боги рассказывали.

– Так вы, стало быть, действительно настоящая богиня, посетившая наш собор! – поклонился Фидель девочке.

– Её птички ещё Зика залатали от смертельной раны, – оглядывалась в поисках дроздов Шанти, но те, видимо, остались снаружи клевать зерно и гонять воробьёв.

– Это, выходит, только мелюзга сможет для нас книгу добыть?! – не понимал Берн, скривившись. – Как же она выкопает в одиночку сокровища...

– Да, господа... Прозвучит, может, как-то не благородно, но богиня смерти-то не померёт. Ей-то что сделается от Мора? Это наш шанс! – заявил воодушевлённый Вильгельм. – Вот тем более они даже знакомы! – хлопнул он, обрадовавшись, в ладони. – Иначе не справимся!

– Нельзя говорить «не справимся», – то ли важничала, переняв манеры архиепископа, то ли театрально передразнивала его Клио. – Надо говорить: «Сделаем всё, что в наших силах».

Будьте трудягами, как муравьишки! Они упорные, смелые, уверенные в себе и совершенно бесстрашные! И поднимают вес в пятьдесят раз больше своего тела!

– Как же хорошо, что мы не сразу поплыли на остров, а сперва навестили вас! – радостно схватила Мари за руки Руби, а смотрела при этом на первосвященника. – Благословение небес, не иначе!

– Или благоволение богини удачи, – хмыкнул Аргон. – Фортуна, говорят, нынче благоволит гномам! Как же нам всем повезло, что у нас есть я! Правильно я говорю? Цверги не зря, между прочим, самый удачливый народ Иггдрасиля!

– Стало быть, деяния ваши таки богоугодные, – с ещё одним кивком и с доброй улыбкой заметил архиепископ.

– Господа, господа! – привлёк на себя внимание анимаг. – Уплыть на остров без карты мы всё равно не могли. А пока лорд Берлис пытается разыскать того парня с картой на теле, нам стоит проведать, как обстоят дела в столице! Вы не находите?

– Я бы хотела отправиться с ними в Селестию в качестве апокрисария – дипломатического посла Клира, с целью всё утрясти с Антонием, – робко взглянула Руби на первосвященника, нервно пальчиками теребя свой платок.

– Сторонники старой веры и тёмного цвета ряс не слишком довольны текущим положением вещей в Пресвятой Церкви, – пояснил Фидель для гостей. – Им не нравится, что их именуют «чёрным духовенством», словно они какое-то зло. Хотя сами же предпочитают ортодоксальные чёрные рясы. Особенно их поддерживает столичный прелат Антоний.

– Боюсь, что назревает серьёзный раскол Клира за счёт отделения власти прелата от власти архиепископа. И события в столице тому только способствует! Потому и хочу в знак мира и гармонии отнести ему лично эту жемчужину, – пояснила градоначальница.

– Мы всё равно отсюда сразу в столицу и собирались же, – заявила Ассоль. – Конечно же, мы вас сопроводим!

– Нам бы заодно припасы пополнить... – вежливо проговорил анимаг.

– А не то сдохнем все по дороге! – весело заявила Клио. – Но не я, конечно, я вообще могу и не есть. Словно куколка бабочки. Но вот этот цверг просто сногшибательно готовит! – кивнув головой в сторону Аргона, крутанулась она вокруг себя и плюхнулась на пол.

– Что есть – то есть, ни дать ни взять, – кивнула цыганка, пытаясь приподнять девочку.

– Всё дело в специях, бобры мои! Вы просто не понимаете сути кулинарии. Рыба, птица, мясо, овощи, зерно – всё! Постоянно одно и то же, ничего не меняется. Новых видов еды в мире нет и едва ли появится! Если, конечно, гномы в шахтах не найдут вдруг съедобные камни. Это тролли любят лизать каменную соль и погрызть гранит, мы-то – нет! А потому и рыбу, и мясо, и всё остальное дополняют пряности и приправы! Картошка с укропом и солью – уже совсем другое, нежели просто картошка! А с розмарином и с чесночным маслом, а? А курица в красном перце, в маринаде, перчёная красная рыба...

– Ладно-ладно, душечка, а то я уже язык проглочу! – остановила его цыганка.

– Но они не узнают, что красную рыбу надо перчить, а белую – ни в коем случае! Это убивает весь вкус! – жестикулировал гном.

– Теперь знают! – уверенно заявила ему цыганка, ведь он только что всем эту «сверхценную» информацию и сообщил.

– А насчёт фонаря... – смущённо отведя взгляд и погладив подбородок, призадумался анимаг. – Странно слышать призыв церкви обманывать других, что мы оставили его здесь...

– Стоять за истину, безусловно, одна из ключевых добродетелей, – мягко ответил Фидель. – Но в постулатах Клира никогда и нигде не утверждалось, что говорить нужно всегда правду, одну лишь правду и ничего, кроме правды. Даже все наши нынешние знания о богах – не более чем гипотезы. Их имена порой исковерканы в молве, сказах и летописях от поселения к поселению. Например, правильнее «Перун» или «Перкунас»? Их священные звери, подношения...

Мы буквально по крупицам пытаемся восстановить знания, и во всём этом может быть немало ошибок. Суть ведь не в том, как богов зовут и как они выглядят на своих фресках или монолитах, а в том, что они хранят и для нас представляют. Силы солнца, дождя, снега, ветров, рукоделия и ремёсел, вина и веселья, скота и возделывания земли... Мы пытаемся уйти сейчас от поклонения силам природы к попыткам разговаривать с ними на равных. Прелат же в столице всё ещё считает, что нужно стоять перед солнцем на коленях и чуть ли не кровавые жертвы тому приносить. В контрасте взглядов сейчас и все проблемы Пресвятой Церкви в Империи.

– Пополняем припасы и двигаемся дружно в Селестию, и прелата проведать, и проверить, верны ли все слухи... – заключил Берн. – А то тут или одно, или другое... Сам чёрт ногу сломит.

– Может, из-за этого ещё и планы все поменяются, – предположила Мари. – И прекращай уже кликать сюда чертей! – нахмурившись, наступила она усачу на ногу.

– Не поменяются! – повернулся к ней Берн, оставив ногу. – Твой брат нанимает команду. На острове и Мор, которого нельзя дать пробудить нашим врагам в качестве первого «всадника», и книга Эндимиона, вполне возможно. Как Альберт сказал: двух зайцев одной стрелой.

– Как же мы попытаемся не дать высвободить Мора из заточения, господа? – поинтересовался Вильгельм.

– А вот об этом нам уже расскажут в столице, надеюсь, – проворчал Берн, сам не имея никакого чёткого плана и явно не желая это всё признавать. – Тут уж либо одно, либо другое. Или всё выясним, или самим кумекать придётся. Мама всегда говорила: одна голова хорошо, а две – лучше. А нас вон сколько! Сообразили же, что безликие – это нежить, что Финч затевает нечто нехорошее, и так далее. Не глупцы собрались.

– Даю тогда своё на то благословление, – радушно кивнул архиепископ. – Несите свет, мои дорогие друзья. Что бы ни происходило вокруг, как бы ни было страшно и опасно, повсюду несите свет! Только так можно сохранить тепло и всем вместе выжить. Не важно, кто какой веры и у чьих алтарей молится. Главное, объединить силы и не позволить ступить разрушительной тьме, угрожающей миру. Пусть маяк надежды горит и мерцает всегда, даже в самые тёмные ночи.

– Вас же прошу, молю, заклинаю, – взяла первосвященника за руки Руби, – приглядывайте за советом кардиналов и слушайте их речи. Являйтесь на заседания. Ваши взгляды, ваша философия там очень нужны! Сейчас явно не время проводить часы в скриптории за памфлетами и делиться в трактатах личными рассуждениями и изысканиям.

– Это то, чем я обычно сейчас занимаюсь, – пояснил Фидель для гостей. – Клир сейчас крайне увлечён философией. Когда я заметил, как подаренный столичной академией кристалл в форме призмы разделяет солнечный луч на раду, а другая призма вновь собирает её в белый свет, я о многом задумался. Что, если всё вокруг состоит из света? На некоем мельчайшем уровне. Ведь синий, красный, зелёный, следовательно, всё, от небес до воды и растений – это свет! Однако же... Огонь даёт свет, свечи, зажжённые фонари и лампы дают свет, и солнце даёт свет. Является ли солнце своего рода огромным факелом? Являемся ли мы все тогда огнепоклонниками? И что будет, если факел этот однажды потухнет, ведь вокруг него царит ледяная ночь!

– Не потухнет, есть же множество солнечных богов! – с уверенностью заявила Ассоль.

– Не все из которых такие уж добренькие... – процедив, добавила Шанти.

– Есть ещё гномы сияющие камни и небесные молнии, – проворчал тихо Аргон, закатив глаза: мол, ох уж эти людские изыскания и философия.

– У гномов ведь Соль солнечное божество? – уточнил архиепископ. – В честь неё с древних языков низкоросликов мы и зовём наше светило Солнцем. Заметьте, не «аполлоном» каким-нибудь, не «гелом» в честь Гелиоса, а именно «солнцем». И символы его зовутся «солярами».

– Соль-Цем, хм... «поцелуй богини Соль», – вертела пальчиками, словно складывая слоги в словечки, Клио.

– Её благодать в представлении древних гномов, – кивнул Фидель. – Такие тонкости языка вам мог с большим интересом рассказать проректор Брандт, глава Академии...

– Мы видели, как вернувшийся из долгого заточения Ра, мужчина с головой сокола, вступивший в тандем со своим заклятым врагом Амоном, затевает что-то недоброе... – сообщила дочка друида, начав детально пересказывать все их приключения за последнее время

– Ра с Амоном... – тяжело вздохнул после услышанного первосвященник. – Тревожные вести.

– Это ведь не может быть планом Ра, да? – вытаращила глаза Ассоль. – Погасить солнце.

– Глупости, сладкая моя, тогда и он сам же погибнет! Исчезнет! – заверила Мари.

– Что, если Амон, как соперник Ра и как бог ночного неба, убедит его пожертвовать собой? Или как-то заставит? – оглянулся Вильгельм на своих друзей. – Обманет, дабы снова получить власть! Мерзавец эдакий! Прошу прощения за свой таскарский...

– Тогда нужно другое солнечное божество, которое вступит с ним в противодействие! – предположила цыганка.

– Вы ведь обо всех божествах проповедуете, – взглянул в глаза Фиделю Бернхард. – Есть ли солярный дух, способный противостоять Ра, также являющийся хранителем энергии Солнца?

– С этим помочь вам для меня будет непросто, – призадумался Фидель, проведя по своей густой седой бороде. – Можете поискать Аполлона в Вольных Городах и Бушвале, ту же Соль в Норде, Гелиоса среди фольварков гномов Мимира, Шамаша в Таскарии, Аматерасу в Дайконе, в пустыне Нид есть святилища Митры и Суры...

– Это же всё очень далеко! – воскликнула Ассоль.

– А вы как хотели? В Империи могли сохраниться капища Дажбога. Доброго, дающего свет божества, окружённого своими младшими соратниками, – припомнил архиепископ. – Но, скорее всего, их тоже отыскать возможно будет не здесь, а где-нибудь в Фуртхёгге или всё тех же Вольных Городах. За этим вам лучше куда-нибудь в Академию Магии, а она, насколько сообщили нам в тревожных вестях, уничтожена.

– А вот в храме Люцифера, где был пленён Агриман, были ведь фигуры его заклятого врага Ахура-Мазды, – произнесла Шанти, поглядев на Вильгельма.

– Да-да! Помню их, – кивнул анимаг.

– Мы ведь не уверены ещё, что Агриман именно на стороне Ра, – заметила справедливо Ассоль. – Но, с другой стороны, Агриман этот вряд ли что-то хорошее затевает, ёж-поварёш... – прикусила она в задумчивости губу, отведя взор.

– Ахура-Мазда – мудрый бог света, отец Митры, его зиккурат строили ещё гоги, но он не в Нид, а в Таскарии, куда ушли различные народы. Именно он там примирил Шеду и Ламасу, основав древнее государство, от которого после Войн Богов практически ничего не осталось, – утвердительно кивнул первосвященник. – Теперь там лишь кочевники каганата. Но зато зиккурат всё ещё есть. Внутри него располагается святилище Гародмана – Дом Песнопения. Возможно, Ахурамазда дремлет где-то внутри, и вам удастся его пробудить. Вы уже не первые, кто о нём спрашивает. Некоторое время назад был запрос из имперского дворца.

– Кто-то ещё ищет его... – догадалась Ассоль.

– Кто желает нас опередить, – тут же подметил Вильгельм.

– Мы в Империи не так уж много знаем о нём. Говорят, торс и всё, что выше пояса, у него человеческое, нижняя же часть подобна крылатой птице, – продолжил понтифик о солнечном божестве. – Но не бойтесь, слышал, он весьма благосклонен к людям. Ко всем, кто стремится с ним к дружбе. А вы ведь явитесь с добрыми помыслами. Его нередко именуют творцом и демиургом благодаря способности возводить города там, где были лишь скалы.

– Перстень! Это же то самое кольцо творения, Кольцо Зодчего, что было у Эндимиона Гростерна! – предположила, воскликнув, Ассоль.

– Так оно не у красных эльфов? – приподняла Мари правую бровь.

– У них, у них. Было когда-то, – пояснил Фидель. – И Ахура-Мазда, и Агриман, и многие другие божества как раз с гор Айда. Там жили урмахлулу, наполовину люди, наполовину львы. А также люди-птицы и другие фералы.

– Так они и строили свои пещерные города и форты, выдолбленные в скалах, – предположила Мари.

– Скорее всего, и скалу превратил в форму черепа тоже Ахура-Мазда, будучи среди победителей Первой Войны Богов. Дабы от этого места все заблудшие мореплаватели держались подальше. Череп, знаете ли, символ отталкивающий, настораживающий, устрашающий и крайне непривлекательный, – подметил Фидель.

– А мне нравится! – сняла с головы свою металлическую маску Клина.

– И куда теперь нам? За книгой или за кольцом? – оглядывала Ассоль друзей.

– Тут уж или одно, мелюзга, или другое, – усмехнулся Берн. – Выбирай.

– Да не зови так! – отдала ему другую ногу уже рассерженная дочка друида.

– Послушаем, что скажет нам император или верховный канцлер, – проговорила ей цыганка. – Посоветует, как лучше нам действовать. Всё равно же в столицу.

– Снова увижу младшего принца! – расцвела дочка друида с мечтательным восторгом в глазах. – Скорее бы!

– Лишь бы Хель не явилась за своей подопечной. Нам лучше поторапливаться. Без Клио на остров-череп уж точно никак. Да и в зиккурате тоже она смогла бы помочь, раз Аргуса завалила, – заверила Мари.

– Так и будем всюду прикрываться маленькой девочкой?! – фыркнула возмущённая Шанти.

– Пока Хель за ней не вернётся, она будет с нами, куда бы мы ни пошли, – строго взглянула на цыганку монахиня. – Придётся помогать.

– Нам или ей?! – уточнила женщина-кошка. – Она – не козырь в рукаве, – перебросила из руки в руку свои карты. – Она нуждается в заботе и наставлении.

– Ни в каких няньках я не нуждаюсь! – фыркнула сама Клио, сложив руки. – Самостоятельная, как паук-волк!

– Одно другому не мешает, – пропустив возражения девочки, ответила Шанти монахиня. – И воспитывать, и попросить, чтобы ещё раз нас выручила, как было с Зиком. Раз уж судьба нас вместе свела.

– Судьба – удел гадателей, мы здесь такого слова не произносим, – заявил цыганке Фидель. – Даже пророчества – это предостережения, которые мы всегда в силах изменить или предотвратить. Как и свою «судьбу». То, что вы ею называете.

– Простите дикарке-фелину её манеры, – виновато потупила глаза женщина-кошка.

– А можно ли нам тогда узнать кое-что потаённое от представителей Клира? – любопытствовал Бернхард. – Раз уж мы вас сопроводим, – взглянул он на Руби. – Отнесём жемчужину, расскажем, что оставили здесь фонарь, планируем собой рискнуть, отправившись на остров Мора...

– Да, разумеется, но о каких тайнах вы говорите? – взглянул на рыжего усача архиепископ.

– Хотелось бы побольше узнать о Братстве безликих. Это ведь вашего отца была инициатива осуждённых на смерть убийц отправить во служении Клиру, – всё смотрел Бернхард в глаза Руби Виндекс.

– Ах, он ведь хотел как лучше... – отвела взор и вздохнула Руби. – Каждый может ошибиться.

– Руби, Руби, мы здесь стараемся не произносить таких слов. Никто не говорит, что он совершил ошибку. Куда правильнее сказать: «Я извлёк полезный для себя опыт и очень благодарен ему», – поучал Фидель.

– Инициатива наказуема, – хмыкнул Берн. – Вы ведь точно знаете, кому он передал все дела. Даже если он сам с вами и не делился, вы здесь знаете всех! Всё! Весь Клир сейчас под надзором Виндексов и ваши «шпионы» из столицы наверняка присматривают за деятельностью Прелата, оттого вы и рвётесь туда, чтобы совсем всё не вышло из-под контроля!

– Повежливей, душечка, – коснулась груди Бернхарда Шанти. – Помягче, эта женщина недавно потеряла двух сыновей.

– Не исключено, что при прямом или косвенном участии безликих! – хмыкнул рыжий усач.

– Я сама разыскиваю Братство безликих, иду по следу, но ниточки никуда не ведут, – сообщила Мари, буквально взмолившись в надежде на помощь и информацию.

– Нам надо поймать заговорщиков против трона и нынешних порядков, дабы не воцарился хаос. Дабы вы и дальше продолжили управлять своим Клиром! – сердито воскликнул Берн, поглядывая на Руби и на Фиделя.

– Ох, дело в том, что в детстве я очень сильно болела. И волей случая мне помогла одна богиня по имени Майя, – сообщила градоначальница, отведя гостей совсем уж в угол собора, в падающую от цветных витражей тень.

– Ей здесь возвели целый цветочный храм, плавали, знаем, видели по дороге, – хмыкнул Бернхард.

– Дело в том, что Майя – мастерица по зельям, травяным сборам, отварам... И ей постоянно помогает один высший демон, крайне увлечённый растениями, – рассказывала Руби.

– Что? Демон?! – прикрыла рот ладошкой испуганная Ассоль.

– Нет-нет, он не злой. Далеко не все демоны призваны пакостить. Среди них есть покровители знаний и тому подобные мирные жители подземного мира, – заверила градоначальница.

– Демоны тут явно замешаны! Это целая продуманная цепь преступлений, отлаженная схема, стратегия! Амон или его приспешники вселялись в людей, делая одержимыми! А потом шла вербовка... – сообщила нахмурившаяся Ассоль то, что знала.

– Одержимость? – слышал Фидель. – Мой второй труд сейчас как раз посвящён одержимости! Но не людей, сестра милосердия не даст соврать, что из человека демона можно выселить при помощи экзорцизма. Это порой удавалось, сохранив тому жизнь, – взглянул он на Мари. – Мои же изыскания посвящены животным. Братьям нашим меньшим. Лисы и волки периодически становятся бешеными, как вы знаете. Я пришёл к выводу, что это тоже проделки демонов. Вселяются в зверьё и живут там, заставляя дичать. А через укусы плодят своё воинство внутри других. В том числе могут подселиться к человеку. Таких одержимых исцелить экзорцизмом, правда, ни разу не вышло... Словно живыми зомби становятся, теряя рассудок. О том и переписывался иногда с Маркусом Брандтом, он ведь по профессии был как раз некромантом, знает такие вещи. Это он мне призму прислал. А теперь общение наше, похоже, превратилось.

– Теперь нужен медиум, дабы связаться с духом покойного... – мрачно пробубнила Мари.

– Мы уже видели одержимых животных... – пробубнила с грустью Ассоль, вспоминая барашка.

– Мёртвых без сверхсильной надобности я предпочёл бы не беспокоить... – отметил архиепископ. – Каждый подобный сеанс забирает немало жизненных сил у своих клиентов. Мёртвые тянутся к энергии живых. А после ваших рассказов про целое войско, высвобожденное с того света... – На лице архиепископа вновь вспыхнул не то чтоб испуг, но всё ж таки явная обеспокоенность.

– С этим тоже однажды придётся что-нибудь сделать... – подметила Шанти. – Потому лучше бы нам найти все сокровища Эндимиона до кого-то другого.

– У меня есть предписание от прелата, – показала Мари. – Я знаю Антония, он иногда приезжал в монастырь, где я жила и обучалась.

– Вместе с вами, уверена, нам проще будет найти с ним сейчас общий язык, – снисходительно улыбнулась Руби, хотя ощущалось, что особой значимости такому знакомству она на самом деле не придаёт, тон её голоса был скорее успокаивающим, будто она общалась с ребёнком.

– Амон, вроде как, изгнан, но, если он в мире духов вновь вселится в Ра, это даст ему возможность подпитки. Будто паразит в теле носителя. Так он окрепнет и будет способен вернуться в реальность, – проговорила белокурая монахиня.

– Так что там с Безликими? – всё уточнял Берн.

– Суть была в послушании... Дело в том, что убийцы и психопаты как бы неменяемые. Сами будто бы одержимы. Как заставить таких раскаиваться и помогать церкви?! – произнесла Руби. – Для этого папе, когда он был в сане первосвященника, нужны были опытные демонологи... А лучше всего сами демоны.

– И так он основал Братство безликих? – уточнила Ассоль. – Что, если этот демон мог знать Амона? Как-то их свёл – и понеслась...

– Похоже на то... – процедил-прорычал Бернхард.

– Папа весьма натерпелся во время Третьей Войны... Клянусь вам, он действовал из самых благих побуждений! Требовалось заставить всех этих убийц позабыть, кто они, как стали такими, что заставило их сойти с пути, однако же навыки их применить уже на благо Клира.

– Любопытно, зачем святошам убийцы, – хмыкнул Берн, получив тут же хлопок по спине от насупившейся Мари.

– Клиру тоже нужно защищать свои интересы. Могут похитить реликвии, могут напасть, осквернить храмы. Во время противостояния духовенства это особенно остро. Прелат и те, кто его поддерживают, просят поклоняться лишь Солнцу-творцу. Кстати, чёрный цвет лучше всего впитывает солнечную энергию, потому они не желают менять свои ряссы, – сообщил Фидель. – Сейчас даже в деревнях выставленные на крыши бочки в чёрный цвет красят, чтобы вода лучше нагрелась и можно было ополоснуться. Не баню топить и не в озеро, которое может и не с тёплой водой оказаться, а просто под эдакий рукотворный дождь встать. Широкий носик от лейки в специальной кабинке вставят в потолок и бочку на крышу, чтоб вода полилась.

– Всё интереснее и интереснее... – без особого энтузиазма отметил Вильгельм.

– Изобретения – не по нашей части, и всё же Клир и Наука должны шагать рука об руку. На то и мои философские трактаты, исследования мыслителей и их выводы относительно природных явлений, взаимоотношений людей и всего вокруг. В конце концов, сейчас именно церковные скриптории активно сотрудничают со школами, чтобы обучить ребят грамоте и чистописанию. Откуда бы взялись учёные, если б не Церковь? – с улыбкой произнёс понтифик.

– И как все живые и разумные, Церковь тоже иногда ошибается. Такие, как я, и призваны защитить народ от подобных ошибок. Разобраться с возрождением Братства безликих, – заявила с доблестью монахиня-воин.

– Нельзя говорить «совершили ошибку», надо сказать: «извлекли для себя важный опыт!» – с важным видом напоминала Клина.

– Так вы из тех самых «Сестёр», – кивнул Фидель, посмотрев на Мари. – Это тоже была инициатива одного архиепископа в далёком прошлом. Лет сто двадцать тому назад, согласно летописям, был визит одного почтенного монаха из Дайкона. Оказывается, там, у них, священнослужители все поголовно обучены боевым искусствам. Владением посохом, катаной, кинжалами и такими причудливыми орудиями, которые я вам даже описать сейчас не смогу... Если хотите, пройдёте в музейный зал, и я... – жестом рук указал понтифик в сторону центра.

– Нет-нет! Мы же спешим! – тут же прервала его Шанти, замахав крест-накрест руками.
– А я бы посмотрела на местный музей... – расстроенным ноющим тоном проговорила

Ассоль.

– Пока соберёмся в дорогу, у вас будет время здесь посмотреть достопримечательности. Оставайтесь на ночь, а завтра утром в это время где-то отправимся, – предложила Руби. – Мне надо закончить несколько дел, назначить себе заместителей, раздать указания. Сами видите, суматоха кругом. Постараюсь за сегодня управиться.

– А мы тогда пополним запасы воды, – похлопал по круглой фляге Аргон и приобнял Клио, превращающую воду в вино. – И посмотрим, чем здесь у вас кормят. С такой девочкой можно и век пива не видеть, когда вокруг будет столько винишка! Э-хе-хе! – потирал он ладони.

– Зовите, если возникнут проблемы... Местные могут на гнома и цыганку из рода фелинов отреагировать... довольно по-разному, – завуалировано предупредил архиепископ. – А я пойду всё же сон досмотрю... – зевнув, потянулся он.

– Фидель! Фидель! Ну, я же просила вас посетить заседание кардиналов, там очень важное... – взяла его Руби под руку и не пустила наверх, а потащила в лучи с витражей к центру зала и оттуда в дальние левые двери среди занятых своими делами спящих монахов и монахинь, тащивших то свёртки, то верёвки, то завязанные мешки.

Компания путников экскурсию по собору себе не устраивала. Все вышли наружу, наблюдая, как справа готовят телеги с помощью для Селестии. Тоже, видеть, жест доброй воли от понтифика, дабы наладить отношения со столичным прелатом. Вот кругом весь городок и стоит на ушах: приносят и отдают кто что может: от солений и варенья до платков и шерстяных одеял.

– Ну, не замёрзла здесь, девочка моя? – распрягал, наоборот, из их телеги Берн Гейро-нуль. – Сейчас отведём тебя в конюшни какого-нибудь трактира и вкусно накормим.

– Вкусно... – запричитал гном. – Сено – оно везде сено. Фрейр не даст соврать, – сделал он пальцами какой-то религиозный жест в честь упомянутого божества земледелия. – Это трава ещё свежая, где посочнее, где пожёстче, а сушёное... оно... Сено есть сено. Лошадям-то никаких приправ не положено.

– Ещё не хватало, чтоб лошадка наша чихала от острого перца! – хмыкнул Бернхард.

Таверну нашли далеко не сразу и лишь на окраине. Уютная маленькая забегаловка, переполненная из-за того, что к моменту, пока гости Квинтесберга побеседовали с градоначальницей и первосвященником да отыскиали сие здание, настало уже время обеда.

Однако ели в заведении, судя по всему, исключительно местные. Все стойла в конюшне были пусты. На удивление не было ни конюха, ни какого-нибудь приставучего кузнеца, предлагавшего перековать лошадей по дешёвке, как это нередко случалось, вообще никого. Вероятно, проголодались к этому часу даже они.

Входная дверь оказалась заперта изнутри. Это не то чтобы явление редкое, но предприимчивые владельцы таверн так поступали, когда недостаточно мест. Чтобы просто народ не стоял над душой у посетителей и постояльцев. Это было примером дурного тона, а уж этикет в Квинтесберге явно приветствовался. Хотя нравы горожан гостеприимством особо не отличались.

Берн громко постучал, не желая идти куда-либо ещё. Дверцу открыл пузатый верзила в шапочке-котелке с узорчатой тростью и густыми широкими усами насыщенно-рыжего, практически красного цвета, под которыми почти целиком скрывался весь его рот. На шее его висел амулет в форме согнувшегося крупного колоса над полем во время заката или рассвета солнца, так что всё это вместе складывалось в этакий глаз с «ресницами». Видимо, символ ещё одного бога земледелия или даже богини.

– Полная посадка же! Что? Не видите? А табличка вот эта, кому? – потянулся крепыш своей пухлой рукой к окну с ромбовидной решёткой и наплавленным цветочным орнаментом. – «Мест нет», видно же!

– Честно говоря, душечка, из-за решётки её и не видно, – подметила Шанти.

– Душечка?! Какой же я тебе душечка, – хмыкнул басовитый мужчина, прокряхтев, словно прочищал горло. – Слушайте, – оглядел он разномастную компанию, выстроив свои густые рыжие бровки домиком, словно в знак снисхождения. – Это местное заведение. Кошколюдям сюда нельзя! И гномам! Всем нелюдям! А... – тут же остановился он, вскинув те самые брови уже в удивлении, – гитара, смотрю, у вас... Вы менестрель? В таком случае это меняет дело, – улыбнулся он и чуть отшагнул назад, освобождая дверной проем, словно в готовности впустить гостей. – Вас принять можем, если будете играть, а не сидеть за столиком. «Мурку» умеете?

– Чтобы гном вам «Мурку» сыграл, может, сперва настоящую «мурку» впустите?! – хмыкнула Шанти.

– Они все со мной, – заявил гном. – Либо этим сударям и сударыням найдётся столик, либо «Мурку» мы сыграем в какой-нибудь другой таверне! – задрал кверху он указательный палец и пробубнил уже тихо под нос: – Дай, светозарная Фрейя, мне памяти, о чём там хоть пелось...

– У-у... – проворчал и скривился крепыш. – Один момент... – прикрыв дверь, направился он внутрь.

Вскоре из таверны вышло несколько доедавших и допивавших на ходу парней. Судя по всему, плотников или работников лесопилки: стружки и мелкие щепки там и тут прилипли к одежде, характерные следы пыли, рабочая одежда. Один даже кружку с собой уволок. По их лицам было видно, что их спешно попросили освободить места, как самых наиболее приближившихся к концу трапезы. Настолько, оказывается, ценились здесь менестрели.

– Прошу, – уже с приветливой улыбкой возник вновь у входа пузатый усач. – Всех разместим, но с вас, в первую очередь, песня.

– Достопочтенная публика! – сразу же громко, достав из-за спины гитару, заявил всем вошедший гном. – Судари и сударыни, что здесь собрались. Да благословят вас боги. Приятного вам аппетита!

– Менестрель! Бард! – восклицали вокруг. – Это же менестрель! Гном? Или просто коротышка такой? Неужто гном? А я вообще прежде гномов не видела. Просим-просим! – захлопали и заскандировали постояльцы.

– Ну, собственно, про просьбу вон того сударя, дай, Браги, его пузу не лопнуть, – кивнул Аргон на мужчину у входа. – Слова – народные. Музыка – как всегда Коркоснека, будь он трижды неладен со своими авторскими правами. Значится, это вот... – забренчал он несложную мелодию на основе всего трёх аккордов. – Прибыла в столицу банда из Эсхана, в банде были орки-шулера... – запел цверг густым залиvistым голосом аж от души.

– Мы же не собирались здесь есть... – подметила Ассоль, усаживаясь с остальными за стол. – Просто пополнить провизию. Интересно, а картофель есть тут у них? А укропчик? А розмарин?

– Примадонна, – в шутку посмеялся Вильгельм. – Мне вот тоже любопытно, что по ценам и что по индейке.

– Квинтесберг, – напомнил ему Берн. – С каждой суммы наценка «церковная десятина». Плюс добровольно-принудительные пожертвования. Ты же в церковном городе, привыкай платить трижды, – похлопал он по плечу анимага.

– А иначе запугают, что расплачиваться душой будешь где-то в аду, – похихикала Шанти.

– Речь вела там фелинша по кличке Мурка... – доносился голос Аргона.

– Лучше б про калек на телеге спел, к юридивым всегда хорошо относились здесь. А вот к фелиншам что-то не очень, – поморщила Шанти свой кошачий нос.

– Слушайте, а монахи же всегда славились своей брагой? Пиво, вино... – сообразил Берн.

– Хватит тебе! Мало девочки, превращающей воду в вино? – приобняла Мари Клио.

- А у них тут есть маринованные тритоны глаза? – поинтересовалась вдруг та.
- Уверена, что нет, – скривилась Ассоль.
- А похлёбка из крысиных хвостиков? – продолжала Клио расспросы.
- Нет, – столь же уверено отвечала дочка друида.
- Крыло нетопыря? – поглядела на неё Клио.
- А нормальное ты не ешь ничего? Вон что Аргон нам в походе готовил. Рыбный суп, рагу, лобио... – закатила Ассоль глаза. – Как твой брат прям, – бросила она взгляд на Мари. – Вёз меня из Таскарии «выкупленной служанкой», так трескал там одних сверчков-червячков... Фу!
- Не «фу», а самое вкусное! Хулить еду – очень грешно! Саранча с шалфеем и тоненькой стружкой обжаренного миндаля! М-м-м! Ах! Век пива не видать! – вернулся к компании завершивший своё выступление Аргон. – Во рту тает – в животе летает!
- Ещё один... – закатила дочка друида глаза.
- Давайте, чтобы не переплачивать, просто отправимся к стойке и закупим у них со склада продуктов и специй. Закончил гном петь, так пойдём, – предложил Берн.
- Поддерживаю, – сразу же согласился Вильгельм.
- А комнаты? Или вы хотите, чтобы Руби разместила нас по разные крылья монастыря?
- задрала Мари вопросительно правую бровь.
- Собора, – поправил Бернхард. – Стыдно монашке в таком путаться.
- Я же образно! – хмыкнула та, поджав губы с обиды и хлопнув усача по спине в районе лопатки. – Не экзамены всяко сдаю!
- Раз уж комнаты снимать, – выгнул спину, словно шлепок для него был просто массажем, и потянулся Берн, – то можно и чего-то поесть.
- А приборы?! – с возмущением отметила Шанти. – У вас лежат, у неё лежат, вон лежат. А мои?! – посмотрела она на пустую тарелку.
- В карманах пошарь да по рукавам, – отмахнулся Берн.
- Да откуда там им взя... – всплеснула в недовольстве цыганка руками, и нож с вилкой, словно дротики, вылетели из её рукавов, лишь чудом не задев лицо усача, вонзившись в деревянную оконную раму. – О... нашлись... – произнесла цыганка в воцарившейся тишине, явно сгорая со стыда, несмотря на прикрывавший румянец кошачий мех.
- Вот блин, промазала! – с досады, видимо, что Берну горло насквозь не пронзило, взмахнула ручками Клио.
- Тихо ты! – досталось и ей от Мари.
- Мама всегда говорила мне: двум смертям не бывать, а одной – не миновать, – оглядывался, протирая вспотевшие лоб и шею салфеткой, усач на вонзившиеся в раму приборы.

Руины столицы

Затяжной путь в Селестию скрашивался красотами первой весны. Снег таял, просыпалась природа. На ветвях деревьев набухали пушистые почки, кое-где виднелись даже робкие поросли первых подснежников и крохотная зелень, тянущаяся к тёплым лучам яркого солнца.

Двигались неторопливо, вместе с обозом помощи, а точнее – в его числе, но не позади, а среди самых первых телег. Иначе бы слишком уж донимал запах рыбы в бочонках из нескольких дальних повозкам. Вереница двигалась самым комфортным и безопасным, а отнюдь не самым коротким путём по имперским дорогам.

Руби на пару с Клиной до степени прямо-таки поклонения и почитания расхваливали кулинарный талант Аргона. А тот за дорогу буквально все свои счастливые стрелы потратил, дабы повыпендриваться навыками перед такими восхищёнными барышнями. Стрелял вальдшнепов, тетеревов, глухарей и казарок, иногда удавалось добыть утку-другую, и тогда обед или ужин вообще превращался в неопишное пиршество, так как утиное мясо казалось самым вкусным всем, за исключением, конечно, Мари, которая убийство живых существ порицала.

А так и Берн, неоднократно заявлявший о ценности каждой жизни, и Ассоль, которой часто было жалко зверюшек, всё же блюда из диких птиц лопали с удовольствием за обе щеки. Отчего-то вальдшнепов дочке друида было отнюдь не так жалко, как жертвенного барашка. На что Мари только хмыкнула фразочкой брата про двойные стандарты. Так что блюдам от цверга все радовались. Тем более что платить за них ничего не надо было, в отличие от каких-то трактиров. А Клио устраивала различные церемонии-панихиды, задабривая духи убитых животных и помогая тем войти в спираль перерождения, обрета поскорее новое тело.

Закручивающиеся дороги по крупным холмам, постоянные подъёмы и спуски – путь до столицы был непрост, отнимал много сил и совсем не походил на дорогу в Квинтесберг из Аргуса. Так ещё и городов на пути было поменьше. В основном, деревни да сёла, развернувшиеся вокруг редких, но зато крупных каменных крепостей своих лордов. Области, по которым путешественники проезжали, расцветали на глазах. Их жители готовились к весенним праздникам: Закличкам, Весновею и Равноденствию, к истинному Велесцу, прежде времени отпразднованному в Зайнце, но лишь готовящемуся к торжеству в других областях Империи.

В столице по обе стороны дороги встречали высоченные сугробы, но не из-за лютого снегопада, а потому что дорожки здесь дворники чистили тщательно, весь снег забрасывая налево и направо от себя. Подтаявшие, эти белые нагромождения напоминали какие-то горные цепи с оледеневшими вершинами. А кругом уже всю сновали вернувшиеся по весне перелётные птицы.

То и дело среди снега можно было заметить упавшую шишку, иголки хвои, полустгнившие листики от прошлогодней листвы, высвобожденные в некоторых местах и подхваченные ветром или какими-нибудь мётлами. А ещё изредка упавшие ягодки рябины, порой аж пучками или целыми гроздьями, да какие-нибудь городские вещички: лоскутки, обрывки листовок, гонимые порывами туда-сюда с места на место прямо по «зубьям» сугробов, щепки и стружку, сухие черенки и косточки плодов, возможно, попавшиеся кому-нибудь в пирожке с вареньем или же брошенные спешно удиравшими от уличных котов белками-растеряхами, как всё те же самые шишки.

Селестия же теперь не походила сама на себя. Баррикады на некоторых улицах. Обилие патрулей. Руины башен и взорванных, обрушившихся зданий там и тут навсегда изменили облик столицы. Купола и шпили величественных зданий знати исчезли. Больше ничего не загромождало вид на соборы и церкви, где всю сейчас помогали пострадавшим.

– Вот это номер! – изумился Вильгельм, оглядывая Селестию, выскочив из телеги. – Господа! Надо вообще проверить, уцелели ли дома моих работодателей! Не то отчитываться вместо Берглунда придётся напрямую господину Крэшнеру.

– Ага, – фыркнул с облучка Аргон. – Метнись кабанчиком. Я твои пожитки посторожу. Цверги, знаешь ли, самый надёжный народ Иггдрасиля! Правильно я говорю?

Анимаг, однако же, никуда не двинулся. Не потому, что не доверял гному, хотя реально бы все свои вещи тому, конечно же, бы не доверил, а потому что всё же старался держаться остальной команды. Быть со всеми. Обоз шёл медленно, Берн, Мари и Ассоль с Шанти вообще, разминая ноги с дороги, просто шагали рядом, двигаясь по красивой зубчатой брусчатке мощёных дорог.

Троица горожан намеренно в знак протеста перевернула огромный металлический бак с отходами, высыпая оттуда зловонную гниль и всякие порванные тряпки, осколки, обломки прямоком на переулоч. Мусор перестали вывозить к местам сожжения, так как некому стало оплачивать эту работу. Это коснулось самых разных услуг и ремёсел, ведь вследствие исчезновения знатных родов исчезли и начальники. Владельцы торговых лавоч, вышестоящие руководители, покровители и меценаты тех или иных дел. Всё в городе буквально встало.

Кругом стало больше навесов, палаточ, разводных костерков, над которыми стояли чаны с похлёбками для оставшихся без крова и потерявших под завалами свои припасы. Большинство жителей хранило всё в погребах, а пути туда отныне казались практически недоступными. Кое-где люди уже откровенно собирались в бунтующие кучки, разгоняемые стражей да осыпаящие проклятьями и нецензурной бранью всех и вся.

Хотя были и бригады рабочих, и добровольцев, что передавали друг другу камень за камнем, пытаясь хоть что-нибудь разгрести, но, когда в горы раздробленных камней обратились по два-три этажа, даже спустя столько дней после трагедии добраться до каких-то вещей кое-где всё ещё было проблематично. В других местах же почти всё растаскали. Кто-то нашёл треснутые шкафы, забрав часть не порванной одежды, а то и целые сундуки с оной. Однако еда и крыша над головой холодной ранней весной всё ещё оставалась главной проблемой для большинства пострадавших.

Ими были, в основном, соседи семей из Великих Домов, чьи здания тоже частично задело разлетающимися камнями или взрывной волной. При том, как ужасно сейчас всё это выглядело, было понятно, что разбор завалов и уборка в городе шли вот уже несколько дней без передышки. И оттого ещё более страшно было вообразить, что же здесь было непосредственно в ночь трагедии.

– Почему так много?! – с жалобным, взволнованным и испуганным видом проговорила Ассоль, взяв Вильгельма за руку. – Сколько, ты говорил, там Великих Домов есть? Почему вокруг всё буквально разрушено... – прыгала она взглядом то на руины башен, то на обвалившиеся постройки. – Можно поскорей в гарнизон? Как там Эрик... Или он при дворце? Люди ведь не могли стоять на охране вельмож в этих домах, правда ведь? – панически девушка металась взором по своим спутникам, словно хоть кто-то из них мог успокоить и заверить её, что с её братом всё в порядке.

– Столько домов уничтожено, потому что Великие Дома могут жить одной семьёй, а могут и в несколько разных, если у них большое потомство. У каждого сына, у каждой дочери – своя семья и свои наследники. Не все сосредоточены, конечно, в столице... Но Ячиро, Алепсо, Корусы, Беверли – семьи довольно большие. И кто-то явно захотел провести полную чистку имперской элиты, – ответил девушке взволнованный анимаг.

– Это ж что теперь будет? Поставки, снабжение, мастерские, различные службы – всё осталось без глав, владельцев и руководителей? – соображала цыганка.

– Вот именно, – проворчал Берн, скривив губы и косясь по сторонам. – Начнётся теперь полный хаос! Кто будет платить, руководить, выстраивать партнёрские отношения. Есть ли

заместители, есть ли дальние-дальние родственники, незаконнорожденные бастарды, захотят ли они вообще заниматься делами именитых родичей или предпочтут скрыться да молчать в тряпочку, перепугавшись случившегося... – замер он вдруг на месте, резко замолчав и всматриваясь развалины, которые в трёх шагах от дороги разбирали пятеро таскарских наёмников.

Из-за их движений пара камней скатилась вниз, обнажив взору Бернхарда зеркальную маску Безликого. Усач тут же пошёл туда и поднял её. Лица снизу не оказалось. Это не был попавший под завал представитель той нежити. Скорее, в процессе обвала или даже какого-то оказанного сопротивления изнутри: сражения, драки, с одного из безликих свалилась маска. На удивление, без трещин, плотное стекло выдержало горстку обломков камней и досок, что свалилась на него сверху, а сейчас вот уже красовалось снаружи в руках экс-капитана.

– Это всё их рук дело... – бросил на сами руины первого этажа взгляд своих зелёных глаз рыжий усач. – Безликие добивали раненых, чтобы никто не выбрался после взрывов, – смекнул он, зашагав среди обрушенных стен по тому, что когда-то, судя по всему, было прихожей, переходящей в центральный коридор красивого здания.

– Куда ты? – шагнула следом Мари.

– Нужны зацепки, – показал Бернхард ей зеркальный шлем. – Сама эта маска не значит на суде ничего. Но если вдруг хоть одного безликого завалило...

– Они ж нежить, сударь! – напомнил Аргон, спрыгнув с телеги. – Им-то что этот завал? Если кого найдут, он прирежет тех, кто его обнаружил! Они ж не дышат! Правильно я говорю?

– Вот это здесь аура смерти! – со счастливой улыбкой высунулась следом за гномом Клио, опустив с макушки на лицо металлическую маску в виде человеческого черепа.

– Вот вам внутри не сидится... – фыркнула Шанти.

– Да уж, не такой я помню нашу столицу... – Последней с телеги сошла Руби Виндекс, отводя за уздечку Гейру чуть вбок, чтобы не загоразивать всю дорогу.

– Это дом семьи Беверли, – заметил Вильгельм среди остатков прихожей герб с изображением пчелы.

– Между прочим, более восьмидесяти процентов всех-всех цветков, в том числе у кустов и деревьев, опыляют именно пчёлы, – сверкнула знаниями Клио. – Остальные все там бабочки, клопы, орхидейные паучки с богомолами – лишь чуть больше десяти процентов всех растений.

На оставшихся стоять кусках стен коридора виднелись портреты основателей рода – пчеловодов и медоваров, сумевших создать целую сеть из пасек и даже затем выкупавших такие у своих конкурентов, как бы тех «поглощая» за счёт разных условий. Финансы, выгодные предложения, должности, земли и недвижимость, даже выгодные браки, за счёт чего Беверли становились, как минимум, совладельцами новых пасек или же предприятий опытных хмелеваров.

Разрозненные куски стен коридора перерастали в «полумесяц» остатков гостиной. Без крыши здесь наполовину обвалившуюся кладку прикрывали шкафы и широкий, выдержавший удары камней, буфет с даже не треснувшим зеркалом и, соответственно, всем сохранившимся внутри сервизом. Обрамление камина как бы упало и лежало теперь на боку, а от заграждения и самого места с углями не осталось и следа, всё разворошило при падении других этажей.

Зато стояли обсыпанные песком и щепками диваны, опрокинутый столик с наполовину отломанной ножкой, бархатное ложе, видимо, ранее покоящиеся как раз вблизи огня, но сейчас отдалившееся от него из-за ударной волны. Также валялись табуретки, поваленные набок тумбы, а часть мебели и вовсе осталась лишь основанием или какими-то кусками – остальное всё разнесло в щепки.

Остальные выходы из гостиной были разрушены. Кроме неё, в каком-то смысле «уцелело» ещё несколько комнат, также обрамлённых остатками стен, из-за чего те и виднелись поодаль, но к ним путь шёл уже через завалы без каких-либо следов и остатков от коридоров первого этажа.

– Полотна изрезаны, на скатерти вон следы от шпаг, на поверхности... – указывал Берн.
– А здесь не поймёшь, от завала так треснула обивка у кресла или тоже кто-то лезвием полоснул... Тут явно драка была, но как это доказать? Кругом разруха, – развёл он руками и поднял стул, подставив его спинкой к шкафу. – Слишком много вариантов: либо одно, либо другое...

К ногам его ветер принёс какой-то клочок, так что рыжий усач нагнулся за ним, расправил и поднял, сдувая пыль. находкой оказалась большая часть приглашения на коронацию Лира де Рона, состоявшуюся, судя по всему, двумя днями ранее приезда путников в столицу.

– Полюбуйтесь... – вновь поставил Берн стул спинкой к шкафу, пододвинув ногой и показывая листовку. – Император и императрица отреклись от престола в угоду старшего сына. Приглашены только представители Великих Домов во дворец. Видать, после всех этих взрывов и разрушений никто не желал собирать большую толпу.

– А глашатаи, небось, ещё вчера всё объявили. А вообще каждый день должны, – выглянула Ассоль в сторону дороги, ведущей в центр. – Блин блинский... Это, выходит, императором стал не Локдерон, а его брат?

– Похоже, что так, душечка, – переняла аккуратно из рук Бернхарда листовку цыганка, а сам усач снова поставил непослушный изящный стул с решётчатой спинкой и толстыми изогнутыми прутьями к дверцам большого и устойчивого шкафа, на этот раз усевшись сверху, чтобы тот вновь никуда не съехал.

– Поговорила с рабочими тут... Ой! – поднималась среди руин к компании отставшая Руби, придерживая свои очки, а Аргон выскочил ей на помощь, подав крепкую руку. – Говорят, тела из-под завалов достают такими изуродованными, что не понять там, кого оружием поразило, а кого прибило камнями да мебелью. Сквозь тела торчат балки, обломки досок, иногда аж подсвечники!

– Класс! – затопала ножками, поджав ручки, сжатые в кулачки, к груди, Клина.

– Ужас! – не согласилась с ней Руби. – Хорошо ещё мы припозднились, все тела повываскивали отовсюду...

– Все тела? А безли... кхе-кхе, – кашлянул Берн, когда в спину его что-то толкнуло. – Таскарский городской, – обернулся он на спинку стула и дверцу шкафа, – да там есть кто-то внутри!

Отодвинув несчастный стул теперь уже самостоятельно, в одно движение руки лихо выхватив саблю, впечатлив тем раскрывшую широко глаза и задрывшую правую бровь Мари, он свободной рукой отворил шкаф и был готов отразить атаку затаившегося там безликого.

Однако же среди развешанной одежды на усача, а также видневшихся за ним Ассоль, Вильгельма и Шанти смотрела рыженькая девочка лет девяти-десяти. Вьющиеся волосы её были растрёпаны, личико немного чумазым, особенно губы, словно она не умывалась несколько дней. Красивые туфельки выглядели изрядно потёртыми, на ногах был лишь левый чулок, зато немного запылившееся красно-чёрное платье с манжетами, воротом и золотой вышивкой оставалось невероятно роскошным.

Небесно-голубые детские глазки с опаской были направлены на незнакомцев. Она не поздоровалась, не произнесла ни слова, а по её виду было понятно, что она сильно нервничает, волнуется и даже как-то «оценивает ситуацию», чтобы найти возможность удрать.

Однако же, как только девчушка рванула с места, она впечаталась с левой стороны в Руби Виндекс, которую сопровождали Клина и Аргон. Дама от неожиданности вскрикнула, девочка тоже завизжала, но Бернхард сзади тут же зажал ей рот, чтобы не привлекала внимание. Сейчас это явно всё ни к чему.

– У неё брошь-пчела в волосах, это герб Беверли, – подметил Вильгельм. – Любезный, ну не тискайте её как мешок, пустите малышку.

– Отпущу, если пообещает на орать, – процедил недобро усач, а девочка закивала.

– Все пчёлы, кроме матки, живут сорок дней и умирают друженько в конце лета или ранней осенью, чтобы переродиться уже по весне, – заявила Клина.

– Давай вот не про смерти, пожалуйста, – попросила недовольным тоном её Шанти.

– Мы не обидим тебя, – присела Ассоль, поравнявшись взглядом с рыжей малышкой.

– Не отдавайте меня им, – заплакала тут же та.

– Им?! – не поняла, оглянувшись на своих, дочка друида. – Кому? – вновь вернув взгляд на девочку, проговорила она буквально хором с Бернхардом.

– Священникам и тому, кто с головой пса! – заявила рыжая юная леди.

– С головой пса? – тут присела рядом уже и любопытствующая цыганка.

– А-а... А вы что за зверь?! – испугалась её малышка.

– Отойди, кисонька, ты чего ребёнка пугаешь, – потащил Шанти за руку цверг.

– Я не зверь! Что за воспитание?! – фыркнула та.

– С вами гном? Я очень редко видела гномов, – посмотрела в их сторону девочка.

– Он – цверг. А это фелин, раса людей-кошек, она хорошая, – заступилась за цыганку Ассоль.

– Ты вообще как? Ты не ранена? – присела вместо Шанти на то место Мари, ощупав лоб девочки. – Голодна? – тут же протянула монахиня ей печенье с изюмом, и рыжая малышка мгновенно его смолотила, словно отошавший сурок по весне, вылезший из норы, сильно оголодав.

– Вот, у меня есть ещё, – с мягкой, но кривоватой улыбкой скрепя сердце расставалась монахиня с самым сокровенным – со сладостями, угощая девочку.

– Мужик с головой пса – это псоглавец или мужик в маске? – уточнял Берн. – Тут же явно или одно, или другое!

– Да погоди ты! – шлёпнула его по бедру монахиня. – Хватит давить на девочку. Пусть хоть поест.

– Печенье – это не еда! – возмутился усач. – Суп, жаркое, копчёная рыба, хотя бы рагу – вот...

– Помолчи ты уже, – сунула и ему в рот печенье нахмурившаяся Мари.

– Ненавижу изюм, – жевал тот, некультурно выковыривая пальцами да сплёвывая тёмные сморщенные ягоды.

– А говорил, что брокколи ненавидишь... – закатила монашка глаза.

– А что, это только один такой критерий на жизнь выдаётся? – роняя крошки, с набитым ртом ворчал Берн. – Мне нельзя ненавидеть и брокколи, и сухофрукты?

– Тоже чернослив вот как-то не жалую, – поморщился анимаг. – Но я люблю финики и курагу.

– Урюк, то есть – курага, да! – показал большой палец Берн, похожий сейчас на хомяка, раздувая щёки и доедая печенье. – Но изюм... – протёр он от налипших крошек рот рукавом. – Сам виноград я люблю, когда сезон. Помню, как воровал в детстве гроздь на рынке... А вот изюм, – поморщился он.

– Лучше б морщился на слове «воровал», – отвесила ему лёгкий подзатыльник Мари. – Ну, как ты тут? – вновь присела она напротив рыжей малышки. – Отведём тебя к друзьям моего брата, у него там хорошо во дворце, я уверена. Иными словами: о тебе позаботятся там и накормят.

– Что за мужик с лицом пса? – навис над ней с расспросами Бернхард. – Настоящий псоглавец или тип в маскарадном костюме?

– Настоящий! Самый настоящий! У него морда железная! – заявила перепуганная малышка.

– Такая? – надела Клио на лицо маску-череп, а незнакомка от подобного едва снова не взвизгнула, если б Берн вовремя не прикрыл ещё раз ладонью ей рот.

– Не кричи, – процедил усач. – Если железное – значит, уже «не настоящий» псоглавец. Ну, и что там со святошами? Что с мужиком этим в маске пса?

– Я их видела... Шёл он, а с ним шёл священник, они о чём-то беседовали, что... Что... Великие Дома пали и уже не вернуться! – затараторила девочка.

– Так, давайте спокойнее, – взяла её за руку подошедшая с другой стороны градоначальника Квинтесберга. – Я – Руби Виндекс, тоже представительница Великого Дома. А ты?

– А я Бриолетта Беверли... – попыталась девочка в своём нервном состоянии изобразить реверанс.

– Младшая из рода? – уточнил анимаг.

– Да... как-то так... – ответила девочка.

– Позвольте же от семьи де ла Конте поприветствовать юную представительницу столь важного и влиятельного рода, – поклонился он по традиции.

– Это все вы? – оглядела удивлённо малышка компанию. – Семья де ла Конте.

– Ой, нет! Я же сказала, что Виндекс, – попыталась мягко улыбнуться ей Руби.

– Виндексы! Я о вас слышала, здесь Виндексы были владельцами церквей и соборов, руководили деятельностью Клира наравне с прелатом. Мы с родителями посещали церкви и особенно главный собор, – произнесла Беверли.

– Руководили, пока не погибли, – покачала головой, прикрыв глаза, Руби.

– Здесь столько погибло людей... Да и нелюдей, может, – ужасалась малышка.

– Живёт в столице, а от фелинов шарахается, – причитала рядышком Шанти.

– Я нечасто бываю на улице, очень много учёбы, чтения, чистописания. Зато люблю праздники, когда гуляния, когда разные представления... Я видела однажды, как огромный волк бежал зимой за этим железным псоглавцем! – заявила малышка.

– А, это был ваш покорный слуга, – заулыбался Вильгельм.

– Он у нас в животных может обращаться, – пояснила Ассоль.

– Правда? – удивилась и даже как-то обрадовалась Бриолетта.

– Покажи ей чего-нибудь... Ну, только не волка, пожалуй... – предложила Мари.

– Давай, Вилли, птиранодактеля, стегораптора, паразаравыратопса какого-нибудь! Дети любят этих зубастых ящериц! Помню, колесил с одним дятлом, так они у него полтовара сжевали, трицератопсы неладные, – проворчал Аргон. – А шкуры! Шкуры, знаете, какие у них? Стрела не берёт! Это ж чем стрелять?! Век пива не видать! Сразу из пушек?

– Да погоди ты со своими пушками, – хлопнула Шанти по острому кончику его охотничьей шляпы, натянув гному ту на глаза. – И так всё в руинах...

– Давай по порядку, – поглаживала детские ладони Руби. – Ты младшая из семьи Беверли?

– Она единственная из семьи Беверли... – процедила цыганка.

– Что здесь стряслось? Ты укрывалась в шкафу несколько дней?! – удивилась дама с рубиновыми волосами.

– У нас был грохот, огонь... Был пожар! – вспоминала, вырвав ручки и закрыв ими уши, малышка. – Я от дыма спряталась на балкон, а туда с крыши, со стен, прыгнуло чудище...

– С зеркальным лицом, – показал маску безликого Берн, а девочка завизжала. – Да заткните вы уже её, кто-нибудь! – прорычал усач, а Руби бросилась ту успокаивать.

– Зачем орать, если прячешься?! – не понимала Ассоль.

– Я выбралась ночью и увидела их... – объясняла малышка.

– Стой-стой, начнём с того, как ты вообще в шкафу оказалась, – не торопила её Руби Виндекс.

– Ничего не бойся, обещаю, что мы тебя защитим! – приобняла Шанти девочку за плечи.

– Просто успокойся и вспоминай, что ты видела.

– Прислуга сражалась с чудищем, а я не могла бежать в комнаты, если там дым. Я прыгнула в шкаф. А потом всё разрушилось... Было страшно! Я, наверное, уснула... – отвечала та.

– Потеряла сознание, – пояснил Берн.

– Ночью вышла, а там по улице бродят вдвоём священник и страшный железный волк! И говорят о гибели всех Великих Домов, о том, что никто не мог уцелеть, что они всем перережут ниточки...

– А что за монах там? – уточнила Мари.

– Его я видела лишь со спины, – пояснила девочка. – Разглядывала долго человека-пса с железным лицом.

– Это маска. И он – наш главный враг! – заявил Бернхард. – Так что мы – твои друзья.

– Хороши друзья, ни дать ни взять, – хмыкнула Шанти. – Хватаете, рот затыкаете, устроили ребёнку допрос.

– Рот – для её же блага! Никто не говорит ей молчать, все хотят, чтобы она говорила, но не визжала! – недовольно рявкнул ей Берн, повернув голову. – Сама же там сгораешь от любопытства, вон хвост как размахивает туда-сюда, – подметил он.

– Какой хвост... – обомлела малышка. – А можно потрогать? – робко попросила она с жалобным видом у Шанти.

– Ну, конечно же, душечка, – вальяжно, с кошачьей грацией прошагала вперёд к ней цыганка.

– Какой он мягкий! Вам не больно? – сжимала пальчиками девочка мех вдоль кошачьего хвоста.

– Распушился к зиме, – усмехнулась Шанти.

– К зиме... уже весна всюю, – хмыкнул Берн.

– Сугробы выше тебя, «весна», ага, – саркастично фыркнула в ответ женщина-кошка. – Это по календарю – весна. А на деле единственная пчела – в волосах у этой девочки на заколке, – указала цыганка.

– И ты давай лисицей какой-нибудь обернись или песцом, – посоветовала Вильгельму Ассоль.

– Песец – это то, что настало в Селестии и, вероятно, в скором времени всех нас ждёт! – всплеснул и развёл тот руками. – Прошу прощения за свой таскарский.

– Так, малышка... – присел на корточки и уставший стоять полусогнутым Берн.

– Её зовут Бриолетта, – напомнила, хмуря брови, Ассоль.

– Давай ещё раз, что конкретно ты видела? – игнорируя её пояснение, продолжил задавать свой вопрос экс-капитан.

– Дядька такой в плаще, не высокий, не толстый, с железной головой скалящейся... Страшный-престрашный!

– Это серенький волчок, что укусит за бочок! – прильнула к ней, пугая через свою маску, Клина. – Бу!

– Отойди от девочки, она тут в шкафу живёт с неделю или с полторы, сколько мы добились? – попыталась оттащить её Мари подальше от Бриолетты, щупавшей пушистый хвост Шанти для успокоения.

– И с ним был священник... Они сейчас всех оставшихся сирот из Великих Домов собирают в соборе под своё крыло, кого могут найти. Приютили, кого нашли, а я к ним не хочу! Я боюсь! Они страшные! – с серьёзным видом заявила рыжая девочка.

– Сироты?! – оглянулась белокурая монашка.

– Священники, – фыркнул Берн, отчего Мари тут же нахмурилась.

– Они ведь не могут быть в сговоре? Допустим, подозрения насчёт Финча верны. С чего ему объединяться вдруг с Клиром? Он же человек науки, так он всегда говорил! – не понимала Шанти.

– А ещё хромает для вида. Он вам наговорит, больше слушай, – проворчал рыжий усач.
– Я б его даже навестил, посмотреть хочу на его реакцию, что мы живы.

– А я бы забрала тайком книгу-пророчество, нам надо прочитать досконально всё о знаках и символах, их немного до конца света осталось, если мне память не изменяет. О всадниках и обо всём остальном заодно, – заявила цыганка.

– Папа учил никому не доверять, у Беверли много врагов, – заявила малышка.

– И что же выжившие? Сиротами всегда Клир занимается, – произнесла Руби.

– Иными словами, если какие-то дети Великих Домов пережили весь этот кошмар, их сейчас собирают у себя клирики? – пыталась внятно всё утрясти Мари.

– В центральном соборе, – кивнула ей Бриолетта. – А те двое, они обсуждали, как не должно никого не остаться из крупных знатных родов. Что должен быть хаос! Что надо обрезать все ниточки. И волк ещё пел! Напевал! – припомнила она.

– «Я как дуну! Я как двину! Я тебя из дома выну!»? – уточняла Клио. – «Серый волк невинен как дитя...»? Или эту, как там... «Ох, козлятушки, вы, ребяташки...»?

– Нет-нет-нет! – замотала головой рыжая девочка. – «Нет больше тянущихся ниточек ко мне...».

– Что-то знакомое... Где-то я это слышала... – проговорила Ассоль.

– Я тоже смотрела такое представление! – заявила Бриолетта.

– Так что? Наш Финч уже не Финч вовсе? Какой-то циркач из труппы артистов? – скривила мордочку Шанти.

– После такого – только труппы артистов... – прорычал Берн, распрямившись, и пошарил по карманам в поисках огнива да самокрутки.

– Не пугайте ребёнка, – наполовину закрыла от него руками девочку Руби.

– Да она столького здесь повидала... Её ничего уже, наверное, не испугает, – хмыкнул Бернхард, отвернувшись.

– Тогда б столько не визжала! – задрал палец, подметил Аргон. – Ну, бобры? Все шкафы на детей будем проверять, словно сударынь на сносях, или таки куда-нибудь двинемся?

– Куда мы с ней двинемся? Семьи у неё нет, дома нет, в приют клиру не сдашь, если она боится священников, – приподнялась, отряхнув свою полу-юбку, Мари.

– Пусть тогда даст показания, – предложил Берн. – У неё детская заколка с гербом. Ей поверят. Была бы просто наколота брошь, так брошь можно найти среди руин и любой девочке налепить. А здесь именно что фамильная заколка.

– Не понимаю, почему так же найти нельзя и её, любезный, – хмыкнул своим жеманным тоном Вильгельм.

– Да потому что это уже редкость, а брошки все носят. Она, небось, и родословную свою перечислить способна по памяти до седьмого колена, всяко не пять ей, – указал рукой Бернхард на девочку.

– Вдвое больше! – гордо заявила та.

– Видите? Это Селестия! Здесь есть верховный судья. Даст показания – и Финч наш! – заявил усач.

– Да с чего вдруг? – поднялась и выпрямилась рассердившаяся Ассоль. – Она видела мужика в маске и монаха с ним со спины! Какие показания она даст?

– Не могу поверить, что Клир может быть как-то замешан, – разволновалась Руби, поправив очки.

– У вас ведь в столице есть свои соглядатаи? – бросил на неё Берн серьёзный взор исподлобья. – Те, кто следит за деятельностью прелата. Вот и у наших врагов есть какой-нибудь засланный гоблин, образно говоря, кто-то из клира, кто работает на Финча или кем бы там мистер «железный волк» в итоге не оказался.

– Главное, чтоб не принцем Локдероном! – взмолилась, глядя на небо, Ассоль.

– Да не, этот свой, – махнула рукой цыганка. – Душечка, может, вас и вправду куда-нибудь во дворец отвести? Вы из знатной семьи, пусть Альберт или друзья Деукалиона присмотрят вам место, – предложила она девочке.

– Альберт её скорее удочерит, как упустить шанс породниться с наследием ещё одного Великого Дома, – хмыкнула дочка друида.

– Братик и вправду рассказывал о верных служанках и своих хороших друзьях. И шоколате там есть среди них, нам бы и вправду зайти, – улыбнулась Мари.

– Кто о чём, она – всегда о своём, – закатил глаза рыжий усач.

– А тебе просто завидно, – насупившись, сложила та руки.

– Завидно что? Чему? Что у тебя от сладкого жопа однажды слипнется? – фыркнул Берн. – Прошу прощения за свой этот... таскарский, – жестикулируя, глядя на рыжую девочку, добавил он любимую присказку анимага. – Устроили, брыть, маскарад! Одни маски носят, другие чужими личинами прикрываются, третьи тайком замышляют зло с добрыми лицами. Поди пойми, кто есть кто, кто друг, а кто враг. В государстве людей никакой человечности, я смотрю, уже не осталось. Один сплошной карнавал на ярмарке тщеславия.

– Идёмте уже хоть куда-то! А то последние стены на нас обрушатся, – торопил всех Аргон. – Самоубиваться – грешно! Чего здесь стоять? Давайте я вот девочке всякие смешнявки из книжки моей почитаю, – залистал он страницы.

– Чего это уже «твоей»-то? Явимся вот во дворец, и вернёшь незаметно императрице, – фыркнула Шанти.

– Вот, например: «Отсюда напрашивается вывод, что звёзды различной яркости в рамках созвездия расположены не в одной плоскости рядом друг с другом на некой небесной сфере, а каждая на большом расстоянии», в глубине где-то там прям! Ну и какие они тогда вообще «созвездия»? – хохотал гном. – Весь этот трактат – сборник отменного юмора! С таким надо на сцене выступать перед публикой. Это всё равно что сказать, там, будто растения по ночам воруют наш воздух! Или что весна придёт сама собой, без весенних закличек в честь Идунн! А как же это она придёт-то, если их не услышит, мне интересно? Придёт, да куда-нибудь не туда! Ха-ха-ха! В Фуртхегг, например, представляете себе? Весна в Фуртхэгге! Ха-ха! Снежные шапки растают, половодье... Это похлеще всей этой разрухи столицы имперской будет! Правильно я говорю? – взглянул он на Руби, как на самую образованную и авторитетную. – Реально одни только бобры там и выживут.

– Нет, ну, что, если весь снег в горах вдруг потает, города накроет водой, тут он прав, как бы соглашаться мне не хотелось, – брезгливо отметил Вильгельм.

– Покажи ей, что можешь! – всё настаивала, подёргав его за рукав, Ассоль. – Рысью там или лисичкой.

– Ох, ну, а тебе кем бы хотелось, чтобы я обернулся? – наклонился тот к девочке.

– Барашком кудрявеньким... – ответила та.

– Барашком... – закатил глаза явно недовольный таким приземлённым ответом Вильгельм.

– Главное, чтобы рядом не оказалось демонов и Мари, а то наслышан я о судьбе столичных барашков, – посмеялся Берн, а Ассоль, сжав кулачки, с обидой на него насупилась, что напомнил.

Анимаг, тем не менее, всё же обернулся небольшим винторогим бараном с бурой шерстью повсюду, кроме головы, где разрослась светлая, в тон его обыденных человеческих прядей. Бриолетта такому обращению перед ней была явно удивлена и обрадована, трогала вьющиеся кудряшки шерсти, словно напоминавшие ей её собственные.

– Может, в прошлой жизни овечкой была? – тихо поинтересовалась Шанти у Клио.

– Всякое может быть, – лязгнул в ответ детский голос из-под металлической маски черепа.

– Да сними ты это уже, а то ходишь как пугало. Не сезон ещё ворон всех распугивать...
– заявила цыганка.

– Вороны – вестники Одина! – задрал палец цверг.

– Предвестники беды и спутники Морриган, – не согласилась, хмыкнув, Мари.

– Ну, вы ещё подеритесь там из-за всяких знамений, – покачал головой Берн. – Куда девочку поведём?

– Нам всё равно придётся найти прелата, – заявила белокурая монахиня-воин. – Сопроводить Руби, отдать жемчужину, соврать, что Фонарь Люцифера у архиепископа. А заодно и предостеречь, что в его рядах есть шпион! Скажем, что кто-то докладывал, что видел священника, сопровождающего главу безликих. Что-то такое. Мне ведь поручено это расследовать.

– Но девочку туда мы всё же не поведём, – приобняла сзади ту за плечи цыганка. – Я побуду с ней в телеге, к примеру. Не обязательно всей толпой заявляться к прелату? Клине вот там делать совершенно нечего, я считаю. И Аргона с нами оставьте. Он и как лучник прикроет, и как повар накормит, и при вас ничего лишнего тогда не сболтнёт. А потом – во дворец.

– К шоколате братика! – обрадовалась Мари.

– Кто о чём, а она всегда о своём... – закатив глаза, покачал головой Бернхард и направился за Ассоль и Вильгельмом, первыми аккуратно начавшими спускаться к дороге с развалин некогда величественного каменного поместья рода Беверли.

Прелат Антоний

Главный собор Клира в столице представлял собой, если смотреть сверху, равносторонний крест с папертью, выходящей в сторону центральной дворцовой площади. Как бы сросшиеся четыре одинаковых здания-церкви со своими пристройками и скрипториями, объединённые меж собой галереями через центральную высокую колокольню.

Главный её колокол, самый большой, никогда не звонил. Ведь его глас возвещал бы тревожно о нападении на столицу. А подобного ещё никогда не случалось. Даже легендарный Западный Некромант если куда заходил вглубь Империи, так это в Квинтесберг. Да и то не со своим войском нежити, а каким-то тайным путём, вероятно, через порталы, дабы натравить на святой город своего чёрного трёхголового дракона. Так, по крайней мере, уверяли современные летописцы.

Среди декора собора тоже были драконы, виверны, горгульи... Настоящий каменный театр ужасов. Жуткие морды, скалящиеся маски... Не находишь они все так высоко, то наверняка бы распугивали прохожих и прихожан. Но внизу украшения были более милостивыми: человеческие фигуры с лентами, большими шарами, символизирующими солнце, которое чтили здесь больше всего, знаками планет, а также сами изваяния в виде созвездий, символов месяцев и годового цикла.

С окон, что наружу, что внутрь, взирали с цветных мозаик солярные боги: Аполлон, Соль, Ра, Сурья, Гелиос, Аматерасу, Уту, Митра, Дажбог, Вивасват, Ахура-Мазда, Инти и прочие – витражей здесь хватало. Как и красочных фресок, представших перед путниками уже на стенах и потолках изнутри здания.

Их здесь уже ждали. По крайней мере, прибывшие монахи из Квинтесберга стояли у своих телег во дворе справа в ожидании Руби Виндекс, ведь весь остальной обоз помощи от архиепископа уже добрался до главного собора столицы, это их повозка задержалась немного в пути, а потому и во дворе оказалась последней.

– Ну, Руян! – раздался недовольный детский голос со стороны играющей во дворе детворы, а к ногам путешественников выкатился светло-бурый тряпичный мяч, обитый лоскутами кожи.

За ним выбежал мальчонка лет девяти. Чернобровый, с густой приподнятой чёлкой, коротко постриженными висками, в расстёгнутой меховой курточке, вязаных перчатках и серой красивой жилетке. Вместо того, чтобы просто забрать мяч, он с интересом разглядывал компанию путников, особенно женщину-кошку в цыганском наряде и волчьей шубке.

– Ого! – произнёс он, стоя прямо перед ней.

– Интересный у вас диалект для приветствия, молодой человек, ни дать, ни взять, – усмехнулась Шанти.

– А вы мне погадаете? – спросил мальчуган.

– Эта брошка с соколом... – прищурился анимаг. – Кажется, я их знаю, – бросил он взгляд вдаль, где ждали мальчишку ещё двое таких же чернобровых крох: один чуть потолще и покрупнее, другой отличался от остальных рыжеватыми волосами и серым оттенком глаз, хотя чертами лица весьма походил на первого. – Вы же из рода Вендингов, да? Руян, Буян и Троян? – уточнил Вильгельм.

– Ага! – кивнул паренёк перед ним. – Здравствуйте!

– Их родители поставляют бумагу, тесно работают с Клиром, с Виндексами, – повернулся анимаг к Руби, на что та кивнула. – Люди набожные, были в гостях у нас, в том числе и с детьми. Им тогда три-четыре было, наверное, не помнят. А почти и не изменились даже. Лишь подросли. Один из них ещё дрался вечно да других двоих задирал.

– Это Буян вон, – ткнул пальцем в сторону более упитанного братца мальчишка.

– Да чего всегда я сразу! – высоким голосом возмущённо пропищал тот.

– А вы здесь? При церковном приюте? Вендингов тоже коснулся этот кошмар? – округлил глаза анимаг.

– Маму с папой, деда и дядю накрыло завалом... – сообщил Руян, опустив глаза. – Мы тогда во дворе заигрались, нас раз десять звали за стол, а Троян всё, – бросил он взгляд, повернув голову, в сторону рыженького парнишки, – говорил, что не голоден. В итоге мы во дворе были, когда всё обрушилось. Нас временно, как бездомных, приютили сюда... – почесал он затылок. – Заставляют ложиться вскоре после заката. А сейчас весна! Он так рано, так быстро! – пожаловался он на порядки церковников.

– Какое несчастье! – покачал Вильгельм головой.

– Храни Творец многоликий их души, – сложила Мари руки в молитвенном жесте.

– Береги, Хель, их души! – раздалось позади от Аргона.

– И вы среди всех остальных наверняка знанием молитв отличаетесь, – предположил аристократ. – При церкви вам не так непривычно, должно быть, как остальным.

– А той ночью в Великих Домах только дети уцелели? – уточнила цыганка.

– Кажется, да... – призадумался мальчишка, прикрыв слегка один глаз и почесав затылок.

– Потому что маленькие лучше всех прячутся, – сообразила Ассоль. – Там, где безликие бы не достали или искать не додумались.

– Так вы нам погадаете? Что у нас будет дальше? – нагнувшись, чтобы поднять мяч, умоляющим взглядом посмотрел мальчик на Шанти.

– Что ж, ну, попробую, душечка... – Широко раскрыв ноздри, та выдохнула и полезла в карман, вытащив первую карту.

Та взмыла воздух и, словно опускающееся перо, моталась туда-сюда волнообразными движениями, пока не легла вниз рубашкой на звёздчатый камень мощёного церковного двора. На картинке же красовалась мчащаяся во всю прыть тёмно-синяя колесница с погонщиком.

– Путешествие, – заключила цыганка, нагнувшись за картой и стукнувшись лбом с мальчуганом, пожелавшим помочь и поднять ту с брусчатки.

– Ай, – отпрянул назад Троян, потирая лоб и сжимая мячик в одной руке.

– Ну, ты скоро там? – издали позвал его более ширококостный упитанный братец.

– Простите-простите, – перепугался малыш и побежал к своим, пока цыганка самостоятельно коготочками поднимала карту.

– Робкий какой, да не съем же я его, – выпрямилась Шанти. – Я птицу предпочитаю.

– Да ты что! А зубки ты свои видела, кисонька? Это ж Селестия! Самые неженки! Сливки общества! Век пива не видать! В каждой улыбке видят оскал и шарахаются. Добро пожаловать снова в высший свет этой вашей Империи! – развёл руками Аргон. – Сама удивлялась, что тебя девочка из Пчелиного Дома боится.

– Пчелиного? Ах да, нам душечка же о гербах Великих Домов как-то рассказывал, – поглядела цыганка на анимага.

– Смотрю, нас уже вышли встречать, – бросила взор на паперть собора Руби Виндекс.

Бриолетту в крытой телеге пришлось оставить с Клиной: и Шанти, и Аргон уже были снаружи, на виду у вышедшего главы столичной церкви. Теперь главное было не позволить кому-либо заглянуть внутрь да надеяться, что наследница дома Беверли сама вдруг в любопытстве не высунется.

Прелат и двое его помощников высокого церковного сана – капелланов, к которым обращаться следовало не иначе как «монсеньор», плавно спускались по белой каменной лестнице. Оба куда помоложе главы столичной епархии, в чёрно-золотых церемониальных нарядах и широких шляпах, а тот – в светло-зелёном облачении и высокой митре поверх своей вытянутой морщинистой головы. Бородка его, как и прежде, была заплетена толстой косичкой. Орлиный

профиль на старости лет заставлял его внешность ещё больше вызывать ассоциации с сипом и грифом.

– Какие неожиданные гости! – воскликнул он немолодым, суховатым, но всё же тягучим и гудящим голосом. – Да благословит Творец вас каждым из своих ликов, да снизойдёт на вас солнечная благодать нашей ранней весны! Собрались на экстренное совещание к новому императору, а тут вдруг обоз пожертвований и средств помощи из Квинтесберга!

– Прелат Антоний! – Со счастливой улыбкой на лице Мари едва сдерживалась, чтобы не броситься к нему обниматься.

– О, и вы здесь, моя увлечённая сестра милосердия. Неужто тоже с докладом? – мягко улыбнулся и худощавый пожилой господин.

– Есть о чём доложить, – с довольным видом и смущённым взглядом отвечала та, – но на самом деле мы все тут для сопровождения госпо... Руби Виндекс.

– Солнце всевышнее! Позвольте же поприветствовать в столице дочь самого Квинта. Я очень хорошо знал вашего отца, – поклонился прелат. – Начну со своих искренних соболезнований вашему горю, – чуть покачивая головой, с досадой на лице опустил глаза прелат, приветствуя и чертя в воздухе пальцами пентаграмму и круг. – Теперь они в лучшем мире. Как остальные дети переживают такую трагедию? Сил всем нам преодолеть это чудовищное испытание, – разведя руки и задрав их ввысь, проговорил, глянув наверх, Антоний.

– Благодарствую вам за сочувствие и поддержку, ваше преосвященство. Остальные собирались приехать и поддержать, буду вскоре ждать сыновей в Квинтесберге, – ответила почётная гостья.

– Что же привело вас сюда? – поинтересовался столичный прелат.

– Дело в том, что я здесь по поручению самого архиепископа всей Империи и Северных Королевств, – делая на этом акцент, дабы мужчина перед ней явно не зазнавался, проговорила Руби, – Его Высокопреосвященства, наместника солнца на нашей земле-матушке, Фиделя гамма де Лаурентиса Гильермо зеди де Сервилия! – воскликнула почётная гостья.

– Что ж, мы польщены, – сложил пальцы в замочек прелат, – что Его Высокопреосвященство нашёл время и силы прислать сюда помощь. Но еда, одеяла... это всё едва ли поможет усопшим.

– Мы ведь не ведали, сколько погибших, – заявила ему Руби. – Дорогой прелат столичной епархии Клира, от лица Его Высокопреосвященства в надежде на мир и взаимопонимание, на единство Пресвятой Церкви в такой сложный и тяжкий момент, мы возвращаем в главный собор Селестии Жемчужину Световита, – достала она свёрток из тёмного бархата, в которую и был завернут красивый камень.

– Жемчужина? – Полезли брови худощавого старика на морщинистый лоб. – Так вот почему вы в сопровождении Мари, и не только, – оглядел он спутников дамы с рубиновыми волосами. – Неужели это новые героини нашей Империи?

– Ну, вообще-то Локдерон и его команда помогли, без них бы не справились, – подметила Ассоль.

– Ах, младший принц и его друзья, да, совершать подвиги – это по его части. Наверное, это и к лучшему, что его нет в столице, когда здесь происходит такое. Что ж, передайте Его Высокопреосвященству, что мы ценим его жест доброй воли по возвращению нам этой реликвии. Что же до обоза с помощью, пища, по крайней мере, пригодится сиротам. Некоторые дети остались без родителей в ту ужасную ночь. Праздник первого дня весны обернулся настоящей трагедией, словно солнце вдруг прокляло нас! – с укором воззрился Антоний на представительницу архиепископа.

– Кстати, о них, Его Высокопреосвященство настоятельно просил меня сопроводить их всех в Квинтесберг! – заявила Мари.

– Чего?! – аж склонился слегка вперёд за её спиной ошарашенный Берн, и даже удивлённая Руби к монахине повернулась.

– Тише, душечка, она ведь пытается вызволить детей от беды, – проговорила тихо цыганка, припомнив своё пророчество с карты.

– У меня ведь предписание, помните? – достала свой свиток Мари. – «Оказывать любое содействие во всех вопросах»... Вы его мне и подписали. Иными словами: у вас здесь и без того хлопот полон рот! Представляю... Нет! Даже не представляю себе, как тут вам несладко! Всех отпевать, хоронить, а все расходы и обязанности по сиротам на себя берёт Его Высокопреосвященство, – соврала она, пытаясь найти выход из ситуации.

– Мы доставили ему Фонарь Люцифера из Нерта, – шагнула вперёд Ассоль.

– Что? – ошарашенно бросил на неё свой старческий взгляд Антоний. – Вы принесли ему что?! – рванул он к ней и схватил дочку друида за плечи.

– Древний артефакт! Из храма Ахура-Мазды... Или храма самого Люцифера, ну как там? – Слегка перепуганная Ассоль оглядывалась на своих.

– Это ведь из разрушенной церкви, где заточили чудовище? Аргиман... Ангра-Манью! Бог зла! Свирепый, ужасный, главный враг света и солнца! – запричитал потрясённый прелат, отшатнувшись и пятясь, покачиваясь.

– Да не мы же эту церковь разрушили, – насупилась дочка друида.

– А знаете ли вы, кто такой Люцифер? Исчадьё ада, несущееся из безднх тьмы с факелом, дабы осветить человеческие пороки! Собиратель людских душ! Лжепророк, враг Творца и его посланников-ангелов! – воскликнул Антоний, держась за своих помощников, чтоб не упасть.

– Ваше преосвященство! – поспешила на помощь Руби. – Вам плохо? Что с вами?

– Это Хель сказала нам отнести Фиделю фонарь... – пояснила Ассоль.

– Хель... – утончившимся голосом, кривясь в истерической гримасе, провыл прелат, отпрянув от Руби и едва не зарыдав. – Солнце всесветлое...

Кое-как, схватив его под руки, помощники-капелланы позволили старцу устоять на ногах. Тот был шокирован, хватался за голову, вращал глазами, как ненормальный, пытаясь мысленно переварить всё услышанное, и никак не желал брать себя в руки.

– Этот фонарь несёт свет! – заявила Руби, осознавая, что ситуация начинает выходить из-под контроля.

– Этот фонарь в Нерте сдерживал солнечным светом ещё одно чудовище! – заявил Антоний.

– Камасоца... – процедила Ассоль.

– Вы и его тоже видели?! Хель на свободе, Аргиман на свободе, Камасоц на свободе! – терял силы и едва не падал на колени в истерике трясущийся прелат. – Да за что ж нам всё это!

– Прелат Антоний! – распереживалась за него Мари.

– Архиепископ Фидель обо всём позаботиться... – попыталась заверить его тем временем Руби.

– Архиепископ?! – взглянул на неё Антоний как на умалишённую. – Фонарь ему повелела отнести Хель?! Сама Хель! И все мы тому свидетели! – поглядел он на державших его капелланов. – Богиня смерти! – взвыл старый священник. – Как после этого можно верить воле архиепископа? Если он заодно с исчадьём тьмы и хранит реликвию исчадьё ада!

– Да она не злая... Ну, вроде бы... – заступилась Ассоль. – И про Люцифера мы совсем другое читали...

– Вы читали... – взглянул с безумным видом прелат на неё. – Вы начитаетесь... Вы слушаетесь! Всякой ереси от этих безбожников! От демонологов! От проклятых колдунов! Недаром же Творец обрушил их проклятую башню! – затряс он костлявым пальцем.

– Попросил бы повежливее, там мой дядя погиб, к вашему сведению, – воскликнул с обиды Вильгельм.

– Колдуны... Колдуны... Проклятые колдуны! Всё зло от них. От их богонеугодных дел! Солнце великое! Как они смеют влезать в ритмы природы? Колдуют дождь, а невинные потом расплачиваются из-за них. Думают, что они выше всего! Сами себе божества... Все эти маги... Демонопоклонники! Язычники! Безбожники! – то бормотал, то восклицал Антоний. – За то нам и кара вся эта! Все испытания! Что не так мы чтим создателя нашего. Он пытается нас направить на путь истинный, как заблудших овец. Нет иных богов, кроме солнечных ликом творца! От остальных бесов идёт одно зло! – оглядывал он всех гостей. – Мечут молнии, сеют раздоры! Боги стихий, боги войны, требующие кровавых жертвоприношений! Лишь солнце дарует нам жизнь и тепло!

– Душечка, не стоит так обобщать! Есть же вон там... богиня кошек, как там? – взглянула Шанти на Ассоль.

– Баст, – напомнила та.

– Вот! Она же там богиня веселья и домашнего очага! – попыталась мило улыбнуться цыганка.

– Веселья... Вам, людям-кошкам, только бы беззаботно лежать и веселиться. А у нас, у людей, тяжела доля! Думаете, ваши боги за нас заступятся? Империю раздирают проблемы и внутренние конфликты! Реформы, налоги, коррупция, скоморошество, дурные книги типа тех, что вы там начитались! Каждый тянет одеяло на себя, кто во что горазд. Незыблемая истина перешла в сочинительство, в переложение, в насмешливые пародии и карикатуры! – возмутился прелат. – Никто не чтит больше Творца!

– Да все чтят, оглянитесь вокруг! – негодовала Руби.

– Что вы из прогневшего Квинтесберга можете знать об истинной вере? Монахи издревле носили только чёрное. Белые одеяния – это гордыня, попытка уподобиться свету. Что они там о себе думают в святом городе? Какое неуважение! Этим кардиналам следовало бы покаяться! Встать на колени и бить себя плетью, пока не услышат Его глас в голове! Я видел мрак и видел свет не от солнца, но от огня! Мне снизошли видения, как Империя будет покорена и разворована демонами по кусочкам! – заявил Антоний. – Солнце великое! Нельзя этого допустить!

– Мы же к вам с доброй волей, чтобы унять все разногласия, принесли вам жемчужину... – сложила брови домиком расстроенная Руби.

– Но отдадим, как только рассадим по телегам сирот, – выставила условие Мари.

– Девочка моя, ты ведь добрая душа, я тебя знаю, – пытался успокоиться хоть как-то задышавшийся от потрясений столичный прелат. – Ты ведь нам помогаешь, ты стоишь на службе истинного клира! Чёрного духовенства!

– Я... – замялась Мари, не желая ни спорить, ни возражать в такой ситуации.

– Ты ведь слышала о мече Лор де Рона? Расколовшемся на куски о чёрное сердце Западного Некроманта? – умоляюще глядел на неё Антоний.

– Я ведь расследую возрождение Братства безликих! – слегка растерялась та.

– Мои миссионеры во главе с отцом Понтиаком сейчас в Таскарии... Пытаются что-то сделать с жутким культом Ах-пуча, которому для урожая и отступление болезней приносятся человеческие жертвы... А-ах... – схватился прелат за лоб, едва не скинув свою высокую митру, словно его накрыл солнечный удар.

– Прелат Антоний! Вам плохо? – подбежала уже взволнованная Мари, придерживая старика вместе с его помощниками.

– Безликие вербуют заключённых из темниц Империи, – сообщил ей прелат. – Их след ведёт в Таскарию, в тайную секту...

– «Око Ра», – сразу же проговорила Ассоль.

– Они желают призвать страшных богов, наслать погибель! Они взывают к тем, кто разгневан на человечество! Скажи, добрая душа, ты читала пророчество о семи знамениях? Помнишь, что грядёт дальше? – с мольбою в глазах, взглянул прелат на Мари.

– Войны, раздоры, четыре всадника... – проговорила та.

– Возродится «Покойник», Лок де Рон! Император! – восклицал в благоговейном трепете Антоний. – Спаситель наш ото всякого зла! Наше солнце! Оно всегда заходит, а потом возрождается!

– Император Лок де Рон? – удивилась Ассоль.

– От него остался лишь меч, – напомнил прелат. – Один кусок – в столичном музее. Другой в знак мира был отправлен в Волколецкую епархию Червегора, в Вольные Города. И последний – отдан в Арьеллу фоморам.

– Фоморы! – задрал тут же палец Аргон. – Никогда не доверяйте фоморам!

– Их часть меча была похищена. Объявилась в Таскарии! – сообщил Антоний.

– Так это псоглавцы, небось! – прорычала Шанти. – Те ещё твари! Гноллы эти всякие, люди-собаки, люди-гиены, люди-шакалы... Разбойники, нападающие целой стаей на невинных жителей и путешественников.

– Разве Деукалион не сам привёз шейху обломок? Или то был другой, который в музее? – не понимала Ассоль, тихо пробубнив себе под нос.

– Таскарские язычники готовят кровавую дань к летнему празднику урожая. Я посылал к ним миссионеров, но от тех нет вестей. Вы должны не допустить пробуждение тёмных богов! – заклинал прелат.

– Сейчас мы пытаемся не допустить пробуждение Мора. Первого всадника, – сообщила ему Мари.

– Отрадно слышать сие, моя девочка, – с улыбкой на дрожащих губах полез он в карман своего одеяния и достал мятный пряник.

– Оп-ля! Спасибо! – обрадовалась монахиня. – Надеюсь, не на меду, у меня же аллергия, вы помните...

– Пусть солнцем добрый Творец благословит твой путь, ибо это путь света! Путь искупления! Не позволяйте пробудить ещё больше чудовищ! Сорвите ритуал высвобождения Мора, сорвите кровавый ритуал урожая в Таскарии. При тебе твоя грамота, пусть все оказывают тебе содействие и помощь! Разыщи тех, кто управляет безликими! Уничтожь их всех раз и навсегда! – тяжело дышал переутомившийся Антоний.

– Сперва я займусь сиротами, пока нам собирают корабль, – заявила ему Мари.

– Как пожелаешь... Немыслимая благодарность тебе за неоценимую помощь, – дрожащей рукой осенил прелат её знамением пентаграммы. – Да прибудет с тобой ясное солнце, освещающая твой путь, – повторил он.

– Его лучше отвести в собор, там прохладнее, воздух гуляет, – предложил один из капелланов.

– Я побуду с ним, если позволите, – попросила Руби. – Нам о многих вещах нужно поговорить. Поместим вместе жемчужину, доставим с обозов привезённые припасы.

– Скажите своим людям тогда, чтобы начали доставать всё с телег. – Молодой, гладко выбритый капеллан в широкой шляпе покосился на обоз в правой части двора.

– Разумеется, – кивнула Руби, направившись к тем, с кем бок о бок в столицу компания и приехала. – Схожу на могилу сыновей, покажете, где их похоронили? – оглянулась она.

– Да-да, конечно-конечно, – кивнул в ответ капеллан.

– Я ей помогу. Нужно вывести отсюда сирот на всякий случай, – развернулась к своим Мари, пока капелланы помогали прелату подниматься по белым ступенькам ко входу. – Обмолвлюсь Антонию о безликих, понаблюдаю за реакцией. – Было видно, как ей не терпе-

лось поведать о ходе расследования. – Предупрежу, что кто-то из Клира может затевать нечто недоброе против него и всех нас.

– Господа, я бы хотел почтить память дяди, пройтись к развалинам Академии Магии, – проговорил всем Вильгельм.

– Что ж, пойдём вместе, – взяла его за руку Шанти.

– Потом приходите сюда. Нужно будет оставить часть привезённой еды и сменной одежды, тёплых одеял, чтобы отправить назад вместе с сиротами. Сейчас буду с Руби обо всём этом говорить, – поглядела вслед той, шагавшей к обозам, Мари.

Антоний тем временем глубоко дышал, протёр лоб от испарины, чуть освободил воротник своего религиозного облачения, постепенно приходя в чувство и опираясь на своих помощников. Они уже подходили к распахнутым высоким дверям с металлической окантовкой, цветочными узорами и наплавленными солярными символами в идеальной симметрии.

– Не придумали ничего умнее, чем вновь оставить их в живых?! – скривив губы, косясь на разворачивавших свою телегу гостей, произнёс один капеллан.

– Не придумал ничего умнее, как заставить их сделать за нас всю работу, – ответил прелат. – Мы должны собрать все части меча до того, как это сделают наши противники.

– А что потом? Их надо снова сковать? Сплавить вместе? Провести церемонию? Лок де Рон исчез, разорван на части, у нас нет ни могилы, ни тела, – проговорил второй из помощников, с голосом более низким и грубым, хотя выглядел более худощавым и тощим на фоне коллеги.

– А что делать потом, нам подскажет один наш хороший друг, – заверил его Антоний. – Ну-ка, помогите мне, – выпрямил он спину, взбираясь по ступенькам и заходя на паперть собора. – Заметили, как очистилась Селестия? – поглядел он на помощников. – Сколь стал прекрасен её вид, когда все эти высокомерные башни и шпили исчезли? Никаких больше смотровых площадок, миниатюрных замков, элитных и пафосных строений, высокомерно пронзавших небеса. Где все эти их хозяева, богохульно мечтавшие добраться до неба? Зато вот открылся вид на все храмы и церкви!

– Святой отец, как человек совестливый, всё хотел спросить. Возможно, вопрос мой покажется глупым, но уж очень волнует меня он день ото дня с точки зрения нашей веры и высокой духовной нравственности, – нашёл время на личные просьбы первый из капелланов.

– Слушаю вас, глупых вопросов не бывает. Глупо бывает что-то додумывать самому или побояться спросить, – заметил ему Антоний.

– Не раз подмечаю, что когда несусь мусор выбрасывать, то вижу под санями вывозного на сожжение контейнера что-то не долетевшее, небрежно брошенное мимо другими... Какие-то корки, очистки, чужой всякий мусор, – проговорил молодой человек. – И вроде бы надо нам делать мир лучше, подобрать это всё, забросить куда следует. А с другой стороны, мало ли какая там гнить и кто выбрасывал, а не подцепить бы заразу, соприкасаясь с чужими отходами. Опасно же. И внутри всё ноет, горит и болит! Уж так я воспитан мамой и бабушкой, да ниспослет лучами солнца наш Творец им здоровья. Хочется чистоты, хочется осудить всех недобросовестных, что так поступают, бросая всё мимо. А самому-то по их вине слезь не хочется!

– Когда мы просим помогать ближним, мы не призываем делать за них всё и выбрасывать их мусор за них. Следите лишь за собой. У Творца не зря много ликов, он всё видит, кто мимо бросает. Не нужно пытаться прибираться за всеми и спасать мир в одиночку, – заверил его прелат.

Телега же с запряжённой в неё Гейронуль, с сидящим на облучке Бернхардом, а внутри кузова Шанти, Ассоль, Аргоном, Вильгельмом, Клиной и Бриолеттой Беверли, через какое-то время въехала во двор столичной Академии Магов.

Сошедший снег кое-где обнажил уже кусочки кустарников и каменных идолов. Слепленные фигуры же таяли, представляя собой сейчас искажённые и непонятные формы. Будто

чудовищные призраки погибших, остолбев, глядели сейчас на руины некогда многоуровневого комплекса.

– Дядя Шердиан... – сойдя с телеги, подошёл анимаг к горе из обломков, коснувшись сапогами крайних камней, и, присев, подобрал один из них, повертев в руке.

– И все погибли... Учителя, ученики, все столичные чародеи... – пробубнил потрясённый Бернхард. – Ни одного, ни другого...

– Хорошо ведь, что отказалась тогда поступать? – поглядела Ассоль на Шанти.

Та же подошла и приобняла сзади Вильгельма, поминая в воцарившейся тишине всех несчастных, что здесь погибли. Аргон снял свою шапку, сверкая на солнце блестящей лысиной, за которой ближе к затылку шли густые крупные кудри. Выглядывавшие из телеги Клио и Бриолетта тоже молчали с грустными лицами. Берн опустил глаза, а вот Ассоль свои, наоборот, подняла, заслышав громкие хлопки крыльев.

– Нет! Ох, нет! Как же так?! Не может быть! Неужели правда? – зазвенел тоненький детский голос. – Дядюшки, тётушки, братья, сестрички! – восклицала юная гномка Лилу, привлекая на явно простывшей виверне.

Приземлившийся Чабсдер едва не упал, почесав морду. Увлажнившиеся глаза, покраснения возле них, скопившаяся у ноздрей слизь и вообще весь его внешний вид говорил о том, что создание нездорово. Крылатый ящер чихнул пару раз, да так, что обломки здания поразлетались в разные стороны.

– Приветствую, душечка, – повернулась к ней Шанти. – Тоже явилась сюда попрощаться?

– Примчалась, как только узнала! – оглядела та всех собравшихся. – Мы праздновали Весновой в Черногорье, праздник встречи весны, готовили питный мёд, а здесь такая трагедия! Не может такого быть! Вся столица в руинах, столько разрушено всего! Вы видели сверху? – тараторила гномочка с каре красно-рыжих волос и такого же цвета платье, видневшимся из-под соболиной накидки.

Её густо-карие большие глаза изучали кривой «холм» из остатков многоуровневой академии. Как и везде, здесь торчали балки каркаса, обломки мебели, куски тканей и отдельные детали декора стен. Казалось, кое-где виднеются элементы чьих-то гербов, вымпелов, зеркал и картин.

– Мы на телеге приехали, – пояснила ей дочка друида.

– Столько друзей, столько братиков и сестёр! Все погибли! – мотала головой гномочка.

– Радоваться надо, – хмыкнула с телеги Клина. – Высвободились от бранных тел, словно бабочки из куколок или стрекозы из воды, а то и вовсе свои тела сменили на новые. Чё грустить-то? Померли и померли, все там будете. Днём больше, днём меньше, – пожалала она плечиками.

– А это кто? – оглянувшись на её голосок, уточняла у своих знакомых Лилу.

Расправив крылья, захлопав ими, подняв дикий вихрь, Чабсдер в этот момент снова громко чихнул, срывая весь верхний слой обломков с макушки руин. Взору открылся подрагивающий магический купол, внутри которого сейчас были двое. Лежащий проректор – длинно-волосый альбинос с надкушенным золотым яблоком в одной руке и зажатым в другой посохом, и тот, кто поддерживал своей энергией защитную сферу – седой некромант, пребывавший в состоянии медитации, но открывший в этот самый миг свои ярко-бирюзовые глаза.

– Дядюшка Маркус! Проректор! – с восторгом, засияв пламенной аурой и с хлопком сжав ручки в районе груди, воскликнула гномка, тут же соорудив поток, сдувающий пыль и остатки всякого хлама подальше от двух уцелевших волшебников. – Дядюшка главный некромант Мельхиор! – приветствовала она и второго мужчину.

– А, стоило поседеть, как уже не «старший братик», – проворчал крепкий старик с бирюзовым взором, разминая спину после удержания барьера в полусогнутом положении.

– Лилу... – приходил в себя и синеглазый альбинос. – Моя любимая выпускница вернулась... – произнёс он хрипловато, хотя внешне сильно преобразился.

Ассоль помнила его совершенно другим. Сейчас он помолодел словно лет на сорок, если не больше. Молодое, лишённое всяких морщин, гладко выбритое лицо с острыми скулами, куда более густые волосы, хотя всё такие же тонкие, больше похожие на нити какой-нибудь паутины.

– Сейчас я вам помогу! Подниму! – тараторила рыжая гномочка.

– Тише-тише, спокойнее... – положив яблоко, выставил вперёд ладонь альбинос. – Как я учил. Без паники... вдох и выдох... Кхе-кхе... Сам поднимусь, не спеши. Всеми своё время.

– Дядюшка проректор! Что с вами? Почему вы будто из прошлого! Помолодели лет на двадцать, на сорок... – вытаращила глаза маленькая чародейка.

– Яблочко от нимф Гесперид откушал, – смекнула, прищурившись, Клио. – Видать, Идунн, добрая душа, передала.

– Это было необдуманным жестом отчаяния... – тут же, схватив, спрятал надкушенное яблоко альбинос.

– А у богов есть душа? – призадумалась над словами Клины цыганка.

– Они и есть «душа», – хмыкнул цверг. – Высшие духи.

– Это же образное такое выражение, любезная, – взял Шанти за руку анимаг.

– Все силы потратил на купол... – процедил грубым и низким голосом второй чародей, устало нагнувшись, что-то подбирая с остатков пола, затем выпрямился, разминая спину, и неторопливо напялил на седую голову широкую тёмную шляпу.

– Всё никак не позволяешь мне сдохнуть... – проворчал альбинос, пытаясь встать на ноги.

– Да потому что тебя там никто не ждёт! – хмыкнул неблагодарному проректору некромант в камзоле, украшенном черепами, подав руку и помогая подняться. – Знаешь, что хороший некромант советует тем, чья дама сердца слишком холодна? Закопать её! Хватит уже страдать, живя прошлым, Маркус. Хоть раз подними голову и взгляни вперёд, а не в потусторонний мир. Получил вторую молодость, так порадуйся. Помереть-то хотел, а яблока всё же откушал.

– Да чтоб не пропало зазря, – попытался взглянуться в свой обновлённый и помолодевший облик проректор по разным отражающим поверхностям.

– На тебя не похоже это, думать о еде перед смертью, – скривился седой чернокнижник в широкой шляпе.

– Вот это костюмчик! – присвистнула Клина, оглядывая его. – А можно мне тоже такой? Прямо как панцирь и надкрылья жучка майки сапфировой! Мой любимый жук! Тёмно-синенький с металлическим отливом! Самый редкий в землях Империи!

– Вы ещё кто и откуда? – бросил недовольный взор на столпившихся внизу у руин Мельхиор.

– А мой дядя... – протянув вперёд руку, шагнул чуть вперёд, на обломки камней, анимаг. – Шердиан, консул-друид на службе Академии.

– Шердиан... – вздохнул альбинос. – Боюсь, – огляделся он вокруг, неторопливо спускаясь по руинам вниз, – больше никто не уцелел... Мельхиору помог Драупнир, – оглянулся он на товарища, сверкнувшего рубиновым перстнем. – У остальных таких могучих артефактов при себе, думаю, просто не было...

– А ты ещё постоянно просил меня его вернуть обратно в Арьеллу, – обгоняя проректора, ухмыльнулся чернокнижник в широкой шляпе, потирая кольцо. – Ну, так кто вы такие? – уставился он на компанию незнакомцев.

– Иногда смерть, Мельхиор, это самый правильный выход, – заявил ему вслед Маркус Брандт.

В лаборатории

Чародеи с командой путешественников двинулись в центр города, дабы обо всём доложить императору. Лилу обо всём на свете болтала с Клио и Бриолеттой, Шанти и недавно потеврявшая отца Ассоль пытались утешить пребывающего в печали Вильгельма. Гномочка и двое не слишком разговорчивых мужчин сразу отправились во дворец, а вот Берн своим настойчиво велел сперва забрать Мари у собора, ведь девочку из рода Беверли планировали отвести к Деукалиону.

Руби в церковном дворе они не застали. По словам белокурой монахини, та сейчас была на переговорах с прелатом. По крайней мере, пошла внутрь справиться о его самочувствии, а там уж и слово за слово... Сама же Мари полюбопытствовала у рыжей малышки, как та вообще себя сейчас чувствует, и взяла её за руку, словно боялась, что та испугается и куда-нибудь убежит.

Аргон взгромоздился на облучок и управлял Гейрой, везущей телегу с припасами и вещами, а все остальные просто шагали рядом по разные стороны, разбившись на небольшие компании. То и дело в общении меж собой путешественники поглядывали по сторонам на видневшиеся руины и работы по их разгребанию.

– Повозка от алхимической башни отбывает, – бросив взор на перекрёстке налево, в сторону отныне самого высокого из оставшихся зданий, подметила Ассоль. – Там, кажется, Росми провожала и напутствовала уезжавших!

– Не хотите попросить у неё копию пророчества для нас? – полюбопытствовала, оглядывая своих друзей, Шанти.

– А если нет копии, ты её просто сопрёшь, как вот это вот! – показал Аргон научную книжечку.

– Вернуть не забудь! – фыркнула, оскалившись, женщина-кошка.

– И не подумай! – заявил ей цверг. – Я ещё не над всем тут посмеялся, – принялся он перелистывать страницы.

– Мне одному хочется взглянуть на физиономию Финча, когда он увидит, что мы всё ещё живы? – направился всё-таки к лаборатории Берн. – Тут уж либо одно, либо другое. Или вдруг выдаст себя, или же будет сохранять на лице хорошую мину при плохой игре. Плавали, знаем...

– Росми! Росми! – стала той тогда махать рукой Ассоль издали, пока неуклюжая девчонка в толстых очках не ушла.

На ней было светло-зелёное платье с приглушённым оттенком и привычный бурный передник, вероятно, где-то там слегка запятнанный брызгами алхимических реагентов. Такого ведь его предназначение – прикрывать основной наряд. Волосы свои девушка сейчас собрала в две крупные косички, дабы не мешались, и тоже в ответ помахала рукой.

– Здравствуйте, – с улыбкой произнесла Росмерта, когда компания к ней подошла.

– Как там Финч? У себя? – иронично полюбопытствовал Бернхард.

– Ох, к нам сейчас пришёл господин Крэшнер, они с мастером много ругаются, вот я и вышла сюда подышать. Внутри слишком душно, – сообщила лаборантка-помощница, обмахивая шею ладошкой.

– Так верховный канцлер там? Деукалион про него мне столько рассказывал интересного! – воскликнула Мари. – Может, девочку оставить всё же под его опекой?

– Вы как вообще всё это пережили? – развела руками на разруху столицы цыганка.

– Это случилось ночью, – сообщила Росми. – Думаю, в полночь. Я была у себя, просто спала, а потом такой грохот раздался! Повезло, что башню алхимиков этот кошмар не коснулся.

– Удивительно, правда?! – хмыкнул Берн саркастично. – Что там с коронацией императора? – показал он девушке обрывок листовки.

– Да-а, тогда же случилось покушение на карету правящей четы. С ними всё хорошо, но новым императором они назначили старшего сына – Лира. А сами, насколько мне известно, покинули город, дабы миновать беды и укрыться подальше, – ответила лаборантка.

– А младший? А как там Лок? – волновалась, кусая нижнюю губу, и аж привставала на цыпочки Ассоль.

– Он в походе. Не знаю, донесли ли до него вести о случившемся... – проговорила ей Росми.

– Не понимаю я этого. Император с императрицей сбежали, оставив править сына? Буквально подставив его под удар, оставив со всем разбираться, – вытаращила глаза Шанти. – Покушения же теперь пойдут на него! Как так можно?

– А разве был у них выбор? Сбежать всем вместе и оставить Империю без правителя? – склонила набок слегка голову лаборантка, поправив очки. – Хаос, смута, гонка за власть среди Великих Домов... Ах, простите... Без Великих Домов даже и не представляю, какая грязня между малой аристократией могла бы начаться! Сейчас нужна жёсткая рука, а Лир – он такой! – заверяла Росмерта. – Лок любимец публики. Может, невежливо прозвучит с моей стороны, но он любитель покрасоваться. Побывать в лучах славы. Лир же серьёзный, не тщеславный, не предающийся гуляниям и веселью. Очень весь такой прагматичный. Если Лок – это настоящий герой, то Лир – скорее мыслитель. Я сужу лишь со стороны, по душам не общалась ни с тем, ни с другим...

– А я вот общалась! – сложив ручки, розовея щеками, с наполненным любовью взором, отчего зрачки её едва ли не приняли форму сердечек, заявила Ассоль, невежливо прервав лаборантку. – В смысле... мы общались! – замялась и засмузилась тут же она, потупив взгляд. – Мы их видели в Эсхане и вместе все вернулись сюда через портал.

– О-о-о, портал! – заинтересованно проговорила Росми. – Люблю всю эту серьёзную магию.

– Так мы можем ещё раз взглянуть на пророчество о знамениях? – уточнила цыганка.

– Вы видели что-то ещё? – поправила очки лаборантка. – Да, конечно, – махнула она рукой за собой и поднялась по тёмным ступенькам входа в лабораторию, оглядываясь на гостей. – Идёмте!

– Сперва мы видели луну днём, то есть – вместе и месяц, и солнце, как там нарисовано, – догнав её, по пути внутрь рассказывала женщина-кошка. – Следом после обрушения холма в воду видели подымающую огромную волну. Потом в Эсхане пересохло море, а в Аргусе мы застали двух огромных чудовищ, которые, словно горы, сражались друг с другом... Что там дальше?

– Тогда осталось восстание мертвецов, падение звёзд и конец всего, когда огонь будет в воде, на земле и в небе... – заявила им Росми внутри, отойдя направо в сторону книжного шкафа.

В алхимической кипела работа. Лаборанты сидели за своими устройствами, что-то варили, перетирали, сверялись с рецептами в письменах, а воздух сотрясался громкими восклицаниям Альберта Крэшнера, недовольно расхаживавшего подле опиравшегося на свою трость Мордредра Финча.

– Вот, – положил тот, видимо, недавно принесённые им из архива бумаги. – Уйма заказов на бомбардиров, они должны быть использованы в военных учениях! Тихо заползть в тыл врага.

– Заказов уйма, а подписей нет! – недовольно воскликнул господин Крэшнер в своей серебристой мантии с воротом из белого горностаевого меха, разведя руки.

– Потому что внесён был только залог или предоплата! – пальцем грубо тыкал Финч в верхний лист стопки. – По факту получения никто сделку из них так и не оформил. Все

погибли! Я разориться могу без покровительства семьи Ячиро! И на что я только трачу свою жизнь...

– Господа-господа, говорить буду я! – тихо, но, чтобы вокруг спутники его слышали, заявил анимаг. – Я уже и речь себе придумал, – явно опасался он, что прямолинейность Бернхарда как-то выдаст все их подозрения насчёт Финча.

– О, наши старые знакомые! – бросил взгляд вперёд, на вошедших, глава алхимиков.

– Отрадно видеть, что хотя бы башня алхимиков уцелела! – оглядывая всё вокруг словно в первый раз, заявил Вильгельм.

– А чего ей не уцелеть? – хмыкнул Мордред. – Финчи – не знатный род. У меня нет наследников. Хотя, фактически, само здание, конечно же, принадлежит роду Беверли. Я лишь совладелец...

– Но после смерти семьи Беверли, получается, вы единственный, кому достаётся это имущество? – уточнил анимаг.

– Да? – сделал вид, что призадумался, господин с тростью. – Ну, не знаю. Надо поговорить с Аристархом Алепсо, нашим нотариусом... А! Он ведь тоже умер... Ну, тогда с кем-то из его младших помощников или напарников. Должен же хоть кто-то остаться!

– Как там в Аргусе? – полюбопытствовал Альберт.

– С великаном разобрались, – доложил Берн, поглядывая с большим любопытством на реакцию Финча.

Тот сперва побледнел, поджал губы, чуть задрал подборок, слотнул, покрепче сжав изголовье трости, но стараясь не подавать вида, что он шокирован услышанным. Всеми силами алхимик пытался не изображать какого-либо удивления и даже заинтересованности в этом вопросе, но самые мелкие изменения в его позе, в его лице говорили совсем об обратном.

– Вернули, как видите, зрение мне, – заявила Мари.

– Все глаза ему выкололи! – радостно скакала с места на место Клио, изучая лабораторию.

– Вот, нашла, – вернулась к путникам Росмерта с книженцией.

– А? – удивился, переводя на неё взор, Мордред Финч.

– Они просили пророчество маленькой Кассандры про Апокалипсис посмотреть, – пояснила его юная лаборантка.

– Ах, вот как... – задумчиво проговорил старший алхимик, погладив свой гладко выбритый подбородок. – Весьма интересно.

– Могут два сражающихся великана быть восприняты за знамение «дерущихся гор»? – поинтересовалась Ассоль, пока Шанти листала страницы.

– Я – человек науки, но я – алхимик. Мне не чужды метафоры, образы. Наш шифр процессов и реагентов тоже на этом основан. Так что, думаю, вполне такой вариант тоже стоит рассматривать, – кивнул Мордред.

– Знамение пятое: мёртвые встают из могил, – зачитала цыганка и показала крупный рисунок, как с погостов и кладбищ выбираются мертвецы.

– Мы были свидетелями, как с того света целое войско хлынуло, это считается? – уточняла Ассоль.

– Даже не знаю, душечка, – покачала головой Шанти, стоя над книгой.

– Мне нужно вернуться к нашему новому императору, – заявил Альберт. – Вы тут разбирайтесь с текстами книг, и мне нужны результаты, Финч, – повернулся он к главному алхимику.

– Пойдите! Мы с вами! – воскликнула, задрав руку, Мари. – У нас тоже есть дела во дворце.

– А Деукалион не с вами? – оглядел компанию господин Крэшнер.

– Остался в Аргусе, там два чудовища бились, часть города разнесли... – не пускалась монашка в подробности, заслоня пока собой Бриолетту от Финча на всякий случай.

– Так что здесь стряслось? – уточнил Берн, нахмурившись.

– Ячиро заказали у меня ползунов-бомбардиров на свои военные учения, – показал верхний документ в стопке Мордред. – Пятьдесят четыре боевых экземпляра, чтобы проверить мощности Империи. Крабы, жуки, пауки должны заползть в стан врага и взрываться. Это будет намного лучше, чем расставлять пушки во время осады. Ячиро всегда были смекалистыми тактиками...

– Только их подписи в этих документах отсутствуют! Я тоже могу понаписать накладные, как вы мне башню всю эту завещаете! Что будет стоить эта бумажка без вашей подписи? – скривился Альберт.

– По крайней мере, здесь и почерк не мой, – уточнил Финч.

– Вот же вертлявый червяк... – процедил тихо Бернхард, сжав кулаки.

– Мы же можем одолжить у вас эту книгу? – полюбопытствовала цыганка.

– Да берите... – нехотя бросил Финч, выставив вперёд руку в жест доброй воли. – Разбираться теперь со всем этим... – проведя здоровой рукой по лбу, зачесал он назад свои средней длины сальные волосы: глава алхимиков вообще сегодня выглядел не лучшим образом: растрёпанный, явно не выспавшийся, словно визит Альберта здесь застал его спозаранку.

– Вы пока прекращаете выполнение всех заказов, Финч, включая частные, – напомнил господин Крэшнер. – До конца разбирательства.

– А жить мне на что? – развёл тот руками.

Берн в это время аккуратно переложил опираемую на борт стола трость алхимика по другую сторону прохода, дабы проверить истинность хромоты Мордред. Мужчина с железной рукой продолжал спорить с Альбертом насчёт финансирования, но верховный канцлер в своей позиции был непреклонен.

– Уверен, вскоре наше расследование выявит, кто был истинным заказчиком ваших этих паучков и согласовывал ли Дом Ячиро свои учения с Жилем де Роном, – заявил господин Крэшнер напоследок, развернувшись и направившись прочь.

– Вы же мне руки сковываете! – рванул за ним Финч, потянувшись к месту, где оставил свою трость, и не нащупал там ничего.

Поглядывая по сторонам и на гостей, он на одной ноге пропрыгал к другому краю, где нашёл тросточку, и захромал вслед уходящему Альберту мимо Вильгельма и Бернхарда, которые с интересом разглядывали его походку в поисках чего-либо подозрительного.

– Интересное наблюдение: вы себе сделали цельную послушную руку, но не разобрались с ногой? – вслух произнёс анимаг.

– Потому что руку было уже не спасти, а тут... – расстегнул на брючине пару заклёпок алхимик, оголяя голень правой ноги, – пластины-заплатки кости скрепляют под кожей, – демонстрировал он бронзового отлива видневшиеся участки. – Доставляют проблем при каждом шаге.

Берн было хотел поинтересоваться про ноги для баронессы и о чём-то ещё, но напирать не желал. Вильгельм облегчённо выдохнул, глядя, что усач не демонстрирует излишних подозрений насчёт алхимика, однако и для его заготовленных расспросов момент уже был упущен. Почти все, кроме них, принялись догонять уходящего Альберта, чтобы вместе с ним пройти во дворец.

Финч, ковыляя, вот, покидать алхимическую не стал. От всего, что он хотел ещё высказать Крэшнеру, его отвлёк вопрос Берна. Так что он и Росми остались в лаборатории, а усач с анимагом, попрощавшись, поспешили догонять всех остальных.

– Ну, и что вы на это скажете? – тихо у дверей поинтересовался Вильгельм.

– Всё равно я уверен, что это он, – с досадой прорычал Бернхард, вышагивая наружу. – Ни одно, ни другое, без вариантов. Порох, маски, жуки. Всё к нему ведёт, а ему – что с гуся вода. Мама всегда говорила мне от таких скользких типов держаться подальше, вечно им всё нипочём!

– Как же к нему подкопаться? Даже если сотрудников расспросить, ответят, что он всегда хромает, – обильно жестикулировал на прохладном воздухе анимаг.

– А маска в единственном экземпляре? – оглянулся рыжий усач.

– Вполне возможно, что сохранились ещё или были отлиты копии. Это у нашей юной леди надо узнать, – кивнул Вильгельм на Ассоль. – Её родители в культе Гончих Псов состояли.

– Были уже у неё в гостях, нет там никаких масок... – только и проворчал Берн, догоняя всех остальных.

Ноздри щекотал стремительный весенний ветерок, над головами проносились стайки стрижей и жаворонков, выпечкой в форме которых торговали буквально повсюду – ржаные, пшеничные, с начинками и без. Традиционное весеннее кушанье. Некоторые люди даже и покупали их с целью, чтобы не съесть самим, а покрошить для птиц, как отзимовавших вместе с ними городских, так и для вернувшихся перелётных.

– Разумеется, мы о ней позаботимся, – застал спешно шагавший усач обрывки беседы Альберта и Мари, державшей за руку рыжую девочку. – Но вы никому не должны о ней рассказывать.

– Потому что она последняя из рода Беверли? – уточнила Мари, сжав чуть крепче ладошку малышки.

– Именно, – оглянулся господин Крэшнер на догоняющих. – Оставить её в западном крыле у прислуги и друзей Деукалиона будет отличной идеей. Тебе там понравится, – последнюю фразу проговорил он, уже глядя на саму Бриолетту.

– Я ещё отправляю в Квинтесберг сирот, оставшихся без крыши и без родителей после трагедии, – сообщила Мари. – Иными словами: там тоже есть наследники аристократии. Пообщалась с ребятами, вроде бы они уже не так напуганы, но будущее их сейчас не понятно.

– Думаю, тут даже я не властна, – с ухмылочкой отшутилась Шанти, перекинув гадальные карты. – У всего мира судьба сейчас в подвешенном состоянии. Ни дать, ни взять!

– Их родители погибли, но остались их мастерские, их счета, их долги, различное наследие, не сдержанное рамками родовых поместий, – пояснил Альберт. – Стало быть, им передадут дела их родителей, дальних родственников, если речь о чьём-то внучатом племяннике. На праздник собирались большими семьями! Я отправлю с ними какое-нибудь своё доверенное лицо в Квинтесберг, чтобы под рукой было, чьи наследники всё ещё живы.

– Ах, благодарю! Ваши слова – улада для моих ушей! – радостно взяла Мари его за руку и поклонилась. – Так я буду ещё больше уверена, что дети в надёжных руках. И Руби за ними присмотрит, она такая хорошая! Всё это напряжение между архиепископом Сервилием и прелатом Антонием сейчас так нервирует! Настолько не на руку в свете всех обстоятельств!

– Руби Виндекс – дочь моего хорошего друга. В ней я уверен, – заявил верховный канцлер, неторопливо двигаясь ко дворцу. – Так каковы теперь ваши планы? Не отправитесь же вы всей толпой в монашеских одеяниях растить сирот в Квинтесберге.

– Господа, думаю, теперь уже можно, – заверил Вильгельм, убедившись, что алхимическая башня осталась далеко позади, и обогнув Альберта с другой стороны от Мари.

– У нас есть некие подозрения насчёт лаборантов Финча, – пояснил, поравнявшись с монашкой, Бернхард. – Кто-то из его сотрудников, если не он сам, нас тоже пытался в телеге взорвать паучком-бомбардиром.

– Чёртовы восьминогие твари! – раздалось с облучка телеги от гнома. – Истреби их всех Логи-огнебог!

– Каждая жизнь заслуживает право на существование, – повернулся к нему Берн. – Ну, кроме того, кто приказал убить Ставрида... – скривил он губы, обнажив правый клык. – А Финч явно как-то причастен. Тут уж либо одно, либо другое...

– Для этого мы и взяли сейчас эту книгу, – тем временем Альберту ответила Шанти. – Кроме знамений, здесь есть пророчества о том, что свершится дальше! Грянут четыре всадника, промчавшись по земле. Первый разнесёт по миру болезни...

– А Деукалион сейчас как раз собирает корабль на один остров, дабы попытаться раздобыть Книгу Тайн и не позволить богу Мору подняться, – сообщила Мари.

– Дядюшке Мору! – следя в небе за своими птичками, произнесла Клио.

– Если вам удастся и вправду найти Книгу Тайн, вы окажете Империи невероятную услугу, – заявил Альберт Крэшнер. – Может быть, даже спасёте её...

– Спасём? – обомлела Мари. – От чего? Контрабанда пороха, Братство безликих, конфликт духовенства, но разве что-то сейчас угрожает прямо-таки Империи?!

– Сейчас и узнаете, – поднимаясь по ступенькам дворца, проговорил своим спутникам верховный канцлер.

Новый император

Внутри Альберт повелел Мари отвести девочку в западное крыло. Ассоль вызвалась показать дорогу, но монахиня сказала, что примерно помнит всё с прошлого своего визита. Берн лишь в шутку посоветовал не налегать на сладости и не объедать ребёнка.

Остальные все выдвинулись напрямик в тронный зал мимо каменных изваяний многоруких рыцарей, в форме которых были вытесанные самые ближние к золотым дверям пафосные колонны. За расступившейся стражей придворных гвардейцев и за открывшимися толстыми створками гудело шумное обсуждение.

Взору предстал залитый светом просторный зал с сиреневой ковровой дорожкой по центру. Высокий свод с фресками важных побед, стены с большими окнами, синими шторами с золотой бахромой, развешенными щитами с гербами Великих Домов и других важных родов, внесших свой вклад в развитие Империи, в её историческое прошлое, оставив свой важный след.

Все, кроме Альберта, были здесь явно впервые. Даже Вильгельм, как шпион на службе верховного канцлера, в столице докладывал только Брокку Берглунду, никогда не заявляясь в тронный зал к самому императору. Потому гости изучали резной декор, золотых грифонов на стенах, вытянутый стол с картой мира и разными измерительными приборами подле неё, висящую на стене коллекцию золотых механизмов: жучков, стрекоз, сов, машущих лапкой котят – кого только там не было на застеклённых полках в самой освещённой сейчас части зала.

Однако больше всего взор вошедших приковывали, конечно, персоны, находящиеся сейчас в зале. Странного вида женщина, чья причёска тёмно-зелёного оттенка представляла собой силуэт ящерицы с лапками, как бы обхватывающими бритые виски, и хвостом вдоль затылка. Её салатового оттенка платье имело ребристый высокий ворот, раскинувшийся на манер эдакого жабо. Рядом же стоял в военном мундире и красно-чёрном плаще лысый мужчина с густой тёмной щетиной коротеньких усов и бороды.

Господин напротив него очень сильно отличался от статного военного генерала. Судя по преисполненной складками серебристой мантии в едва заметный переплетённый узор золотой вышивки, это был некий жрец. Мужчина с симметричным узором тонких молний на своём татуированном лице, с обилием колец в ушах, ноздрях, левой брови и нижней губе. Бритые виски, очень короткая поросль жёстких чёрных волос, оставленная по центру головы широкой полосой, уходящей назад, становящейся всё гуще и складывающейся под конец в длинную косу крупного плетения, оканчивающуюся эдаким звёздчатым украшением с аметистом у самой кисточки, дабы не расплеталась.

Так как к вошедшим он стоял в профиль, всё это можно было хорошо рассмотреть. Господин явно нервничал и постоянно касался висащего на шее мешочка с нюхательной солью, приводящей его кое-как в чувство. Его пухлые губы то и дело подрагивали, но не от страха, а словно он хотел что-то сказать, вставить слово в кипящее обсуждение насущных вопросов, но потом сдерживался или никак не решался.

Следом, всё ближе к величественному трону с остроконечной спинкой, украшенному переливающимися самоцветами, по обе стороны от сиреневого ковра стояли и другие персоны. Мужчины и женщины разных возрастов и далеко не все в богатых одеждах. Некоторых гостей Ассоль даже припоминала с застолья у Деукалиона. Например, точно был ей знаком опиравшийся на трость в виде кобры святой отец Фондрак в чёрной рясе и с символом солнцеворота на шее.

Также был здесь рыжий и немолодой верховный судья Эрнест Хашгаузен. Герцогиня Мевиллз с невероятно высокой причёской-башенкой с овальными украшениями, будто символизировавшими этажи. По левое плечо от священника стояла троица каких-то советников

или философов. В своих тёмных нарядах с белыми опущенными воротниками они походили больше на какие-то грибы. Все в широких шляпах, морщинистые, пусть и совершенно разного телосложения: кто худощавый, кто покрупней, кто поплотней, кто с усами, кто без, вряд ли родственники, но всё равно какие-то все «одинаковые» за счёт длинных парчовых нарядов бурых оттенков и схожих головных уборов.

Было немало народу, даже темнокожая придворная ведьма Ашига, обвешанная разными бусами и браслетами, но по центру, отнюдь не на троне, а расхаживая по ковру между ними, расхаживал сам молодой император. Словно на боевом построении, на смотре войск, выставленных в две шеренги, он немного взволнованно ходил взад и вперёд.

В глазах Ассоль он весьма отличался от своего брата. Вроде бы и похож, а вроде и совершенно не то. Иной взгляд, более угловатые губы, более резкий наклон у бровей. Не такой широкоплечий, хотя всё же весьма атлетичный. Не такой манерный и статный в движениях, без этой сразу бьющейся в глаза уверенности в себе и величественной стати. Оно и понятно, на его долю уже свалилось немало проблем, которые приходилось решать довольно поспешно, но и стараясь при этом сделать наиболее правильный выбор.

Его наряд на сложной системе переплетения красивых, украшенных сапфирами на концах завязок, сочетал оттенки золота и серебра. Если Лок де Рон походил больше на рыцаря, то Лир в своей короне больше напоминал живой артефакт – кубок, ритуальный меч, декоративное нечто, замотанное в красивую и расшитую камнями ткань. И всё это косо с правого плеча прикрыто ярко-синей мантией на округлой застёжке-фибуле с металлическим переплетением окантовки.

Голубые глаза, словно ещё два сапфира, золотистые короткие волосы, волною уложенные назад, крайне пафосный и диковинный амулет в форме солнца да под стать ему очень красивые сверкающие перстни на пальцах. При нём не было ни оружия, ни доспехов. Оно и понятно – в тронном зале на заседании они ни к чему, хотя в свете последних событий удара вообще можно было ожидать откуда угодно.

А ещё он напоминал эдакого холёного коня, могучего, боевого, в расцвете сил, покрытого не бронёй, но дорогими тканям и золотом с самоцветами в качестве парадных украшений. Сейчас, правда, монарх выглядел хмурым и недовольным. Дело было не просто в самой случившейся в столице трагедии. Прямо сейчас две дамы рьяно спорили между собой и никак не могли уняться. Судя по всему, они представляли довольно знатные рода, связанные с трактирами и пекарнями. А под ногами у Лира вертелся крупный и толстый бульдог, периодически ронявший повсюду крупные капли своей слюны.

– Мясо с ближайших ферм это не затронет, – в платье с широкими расшитыми рукавами обильно жестикулировала черноокая женщина с диадемой, украшенной крупными «капельками» из топаза. – А как быть с мукой?

– Уверяю, ваше величество, – её стоящая напротив «соперница» в бело-красном одеянии и сложным переплетением из кос с яркими весенними ленточками, повернула светловолосую голову непосредственно к императору, – столица в состоянии себя прокормить.

– Думать не о себе, а о людях надо! – в ярости притопнула темноволосая дама, хмуря свои тончайшие брови. – Поставки шли не только в Селестию. Кто теперь всё будет оплачивать?

Гости тронного зала медленно приближались. Они заметили, что двое чародеев и гномочка тоже находятся здесь. Так что внезапное омоложение альбиноса они явно монарху объяснили самостоятельно. Некромант с бирюзовыми глазами вот всё ещё оставался седым стариком, словно проректор не пожелал с ним делиться.

В некоторых местах зала по краям и в углах была расставлена стража, подле трона тоже стояло двое усатых рослых мужчин, вооружённых красивыми копьями. Завидев приближение новой компании, сразу же помчался к ним и бульдог. Сам серый в окрасе и с белым брюшком.

– Какой классный! – присела Ассоль, погладив и потрепав дружелюбного, вилявшего своим маленьким хвостиком пса.

– Ящерица! – невежливо тыкала пальцем Клио в даму со своеобразной причёской. – У неё ящерица на голове!

– Тс-с, хватит паясничать, – схватила её за указывающую руку цыганка. – Лучше смотри, какой миленький пёсик к нам прибежал!

– Чав-Чав, не докучай никому! – железным суровым голосом бросил старший принц, а ныне новый император Лир де Рон.

– Но там ящерица! Ящерица на голове! Ящерицы в день съедают до двенадцати насекомых! – не унималась Клио.

– Верховный канцлер, – учтиво кивнул своему деду император. – Что там у Финча? Кто ваши спутники?

– Какой хороший! Кто тут такой хороший? Ты тут такой хороший! – всё тискала, гладила и чесала пузико переворачивавшемуся на спину бульдогу Ассоль.

– Я бы... – Чуть склонившись вперёд, лысый мужчина с густой щетиной задрал палец, но вдруг замолчал, видя, что пёс не проявляет к девушке никакой агрессии. – Впрочем, ладно...

Видимо, хотел предупредить её быть осторожней. Всё-таки зубы бульдога в народе считались самым хватким «замком» из всех собачьих челюстей. Такой цапнет так, что уже не отпустит, и никакой клочок ткани дёргай не дёргай – не вытащишь.

– Заявляет, что Ячиро заказали ползающих гадов, – отвечая монарху, бросил Альберт взор на коллекцию механических существ за стеклом справа, – для военных манёвров. Чтобы заползли в стан врага и взрывались на случай осады столицы. У врагов, как утверждает Мордред, при себе определённо будет много пороха... Так что...

– Каких врагов? – в испуге прервала его Шанти, прикрыв рот ладонью. – Разве уже известны какие-либо угрозы Империи?

– Вот, полюбуйтесь, – прошагал к ним, сжимая какие-то бумаги в руках, император. – Граф Держинский отказался явиться на допрос, аргументируя опасной ситуацией в столице и невозможностью властей в лице меня предоставить надёжную охрану. Это же прямое неподчинение императору! Барон Адриавель пишет, что, если столица не в состоянии защитить даже рода Великих Домов, он своих купцов отныне в Селестию слать не будет. Лорд Шандриан зашёл и лично заявил то же самое, барон Черстельвейн и другие. «Разрываю с сего дня контракт по привозу овощей по личной инициативе, оплату за последний привезённый товар не требую», – зачитал Лир. – И это везде. После взрывов многие покинули Селестию и не собираются сюда возвращаться. Разрушение обителей Великих Домов внесло такую панику в знать, что у нас мастерские остались без поставок, лавки аптекаря, пекарни, – взмахнул он рукой в адрес одной из тех споривших женщин.

– С вами всегда есть надёжные Шорье, – подал свой гремучий голос седой некромант. – За своих я ручаюсь.

– Великие дома управляли всем, – пояснил Альберт. – Лавками, церемониями, маршрутами патрулей стражи. Авторитет императора подорван случившимся. Ткани, дерево, продукты, изделия – всё, что везли в столицу, отныне остановлено по части поставок.

– Не понятно, кому за это платить, – встряла черноокая барышня. – Все контракты заключались между Великими Домами и лордами, баронами, напрямую с торговцами или купеческими гильдиями. А теперь элиты не стало. За чей счёт будут поить коней, печь хлеб, доставлять зерно на мельницу, а после – муку в города. Вы же понимаете, что ни мельники, ни сами купцы оплачивать всё это вдруг не намерены. На ремонт лопастей, жерновов, дверей и окон после пьяной драки или буйного урагана – на всё это запрашивались средства из частной казны Великих Домов.

– Прелат Антоний готов выделять церковные средства на налаживание жизни столицы, – прокрипел преподобный Фондрак.

– Антоний?! Я бы... – задрал руку и выставленный палец лысый мужчина с густой щетиной, желая что-то сказать, но, по всей видимости, потом передумал. – Впрочем, ладно... – не желал он как-то портить отношения с Клиром, хотя явно от Антония был не в восторге.

– Церковь получает средства от императора, а теперь их же «с щедрого плеча» желает вернуть под видом помощи? – усомнился в благих намерениях Фондрака Альберт. – Во-первых, прелату не пристало действовать без повеления архиепископа. Во-вторых, мы не можем себе позволить, чтобы Клир тратил все свои силы теперь на торговые и ремесленные дела.

– Монахи обучены грамоте, труду, знахарскому делу! – воскликнул священник. – Они и в документах разберутся, и с нотариусами найдут общий язык...

– И оформят всё на себя... – скривившись, тихо уже под нос пробубнил верховный канцлер, не желая, чтобы прелат подмял под себя все сферы общественной жизни.

– Они могут подменить плотника, конюха, переписчика, продавца трав! – с возмущённым видом прокрипел старый проповедник.

– Вот только погибли представители Великих Домов. Вы можете себе представить, чтобы кто-то из членов семей высшей знати работал продавцом трав или простым плотником? – опустил правую бровь Альберт Крэшнер.

– Если Клир займётся делами Алепсо, не видать нам весёлых празднований! – возмутилась женщина в красно-белом. – А мы жаворонков по весне печём вон, традиционные кушанья.

– «Традиционные» где? В Вольных городах? – поморщился Форкас. – Здесь Империя! Вы видите, до чего довели столицу разобшённые реформы? Уверен, наш новый император прекрасно понимает, как и куда нужно двигаться! – улыбнулся он Лиру.

– Мой отец так интересовался другими культурами, что потерял нашу собственную, – заявил император. – Всё вот это вот, – потряс он бумагами, – пока ещё мелочи. В Селестию поставки идут от таскарцев, от гномов, от альвов, от фоморов, от гойделов...

– Но если и они прекратятся, тогда народ просто весь умрёт с голоду! Начнётся хаос! – громогласно заявил Бернхард.

– Верно, – кивнул ему Лир де Рон. – И именно поэтому нужно в максимально сжатые сроки сейчас разобраться с поставками.

– Позвольте столичному Прелату хотя бы решить именно столичный вопрос, – попросил Форкас.

– Лошадей... – прикусил губу, явно нервничая, император. – В первую очередь надо прокормить лошадей! Нужно думать не только о людях. Нужны и кони в торговые повозки на смену, и мне в войсках поддерживать состояние тяжёлой кавалерии сейчас крайне важно... – перечислял он так, словно искал оправдание своему повелению. – Крестьяне не только ж на волах пашут, и им запрягать меринов в плуг надобно...

– Я знаю, как вы любите лошадей, ваше величество, – кивнул проповедник. – Обещаю, мы о них позаботимся. В Селестии они не останутся без ухода и не будут голодать. В столицу всегда приходят крестьяне с ближайших полей и даже деревень, у прелата связи с народом. Кто, как не крестьяне, в первую очередь почитают солнце? Даже поговорка есть: «не земля кормит, а небо». От погоды зависит больше, чем от труда и пахоты.

– В этом-то и вся проблема, понимаете? – оглядел молодой монарх спутников Альберта. – Мы можем с ближайших земель закупать всё сюда по высокой цене. Держать хотя бы Селестию. Но оттуда поставки идут и в другие области, города. Есть не пригодные для пашен регионы, есть земли, где плохо вызревает пшеница, овёс и рожь, но зато хорошо растёт лён, хлопок и кукуруза.

– Нужно защитить это всё... – дрожащим голосом сообщила Ассоль, округлив глаза. – Если первый удар был по шахтам и рудникам, второй по поставкам и обустройству, третий

может прийти на поля! Если погибнут плантации, пашни – всё пропало! Это же в книге всё есть. Один из всадников именуется Голод.

– В пророческой книге? Дедушка, так кто ж твои спутники? – любопытствовал лишь сейчас Лир де Рон.

– Мои лазутчики и шпионы, – ответил господин Крэшнер. – Они тихи, незаметны, никому не известны. Монахиня – родная сестра вашего сводного брата, поручика.

– Деукалиона? – оглядел император Мари.

– Сестра Ордена Милосердия, мне поручено разобраться, кто стоит за безликими, ваше величество, – поклонилась та.

– Безликие! – скорчив гримасу с оскалом, сжал все письма в руке Лир де Рон. – Этих тварей видели на местах трагедии всюду! Они добивали выживших и нападали на всех, кто осмеливался подойти к завалам, когда пыль осела!

– Мы уже нашли по пути их «подарочек», – показал Берн зеркальную маску.

– А куда они делись? – поинтересовалась Мари.

– До рассвета разбежались по улицам, как тараканы... – прорычал Лир де Рон. – Как я ненавижу всю подобную нечисть! – всплеснул он руками. – Эта трагедия сильно ударит по всей Империи. Места себе не нахожу, от одной мысли сердце обливается кровью, внутри всё переворачивается, вскипает ярость... Но не могу не отметить, как вы мило картавите, – перевёл свой взор монарх на монахиню.

– Спасибо, ваше величество, – смутившись, отвела та глаза.

– Проверьте данжеон, – посоветовал, тут же встряв в их беседу, Бернхард. – Безликие могут там укрыться от солнца. И пошлите людей на обыск всех комнат и подвалов в башню алхимии. Найдёте наверняка что-нибудь. Не одно, так другое...

– К Финчу? Вы так уверены, что он замешен? – повернул к рыжему усачу голову император. – Он спас моих мать и отца, – заявил Лир де Рон. – Предупредил, что готовится покушение, поэтому на вечернюю прогулку и сыпать деньги из окошка беднякам послали переодетых слуг.

– А источник своих сведений он уточнил? Откуда ж ему так хорошо было известно о покушении? – любопытствовал рыжий усач.

– В его лаборатории трудится много людей самого разного происхождения. Может, не только людей, это я образно, по привычке, – глянул император на Шанти, как представительницу иной расы, с неким извинением в глазах.

– Как пчёлки трудятся! Как муравьишки! – воскликнула Клио. – В одной колонии муравейника их может быть триста тысяч! Я как-то сама считала со скуки тысячи три лет тому назад... А у этого Финча тоже столько тысяч сотрудников? – тараторила маленькая богиня.

– Не паясничай, – потрясла её за руку Шанти. – Тысячи... тысячи... Сейчас вопросы есть поважнее.

– А мне нравится её каламбурчик, – улыбнулась дама с причёской-ящерицей. – Пчёлки-труженики, забавно.

– Финч – нелюдимый затворник, не присутствующий на большинстве советов гильдий, потому что считает, что он ничего не решает, что его голос ничего не значит. Я его знаю с детства, он сам не свой с тех пор, как его дочь померла. Ладил он только с нашим бульдогом, и то, потому что Чав-Чав сам ко всем липнет и клянит внимание, – проговорил с надменным видом Лир. – Возможно, Мордред, желал некогда сам завести собаку, да не знает, где время на ту найти, ведь он вечно в работе. Сидит там, чертит, переливает из колбочки в колбочку... – вздохнул он, так как это перечисление явно навело на него скуку.

– Финч отливает маски безликих, он сооружает взрывных пауков, он изготавливает порох, иначе откуда внутри этих тварей порошок сей берётся, почему он до сих пор не за решёткой?! – негодовал Берн.

– Потому что его влияние на жизнь вокруг неоценимо, – ответил ему император. – Пилюли, микстуры, снадобья, мази, настойки, горчичники, его стеклодувные цеха производят невообразимое количество нужных предметов: от склянок и банок до оконных стёкол и пуговиц. Излишки идут на декор – статуэтки, подставки, имитация хрустала, посуда, пепельницы... Кстати, он же и по поставкам табака связи имеет, и сухие травы продаёт для оберегов, даже пряности типа гвоздики и лаврового листа – по его части! Лаборатория – центр обеспечения горожан очень многими товарами, часть которых, я сейчас про лекарства, имеет первую необходимость. Нам молиться в благодарности стоит Солнцу, что это здание уцелело.

– Кстати, оно принадлежит роду Беверли, – напомнил Альберт.

– Сушёные травы ему, кстати, мои поставляют, – язвительным тоном проговорила женщина с выбритой ящеркой на голове.

– И вы, Фелиция, должны напрячь сейчас все ваши связи, чтобы эти поставки продолжались, – развернулся к ней Лир де Рон.

– Речь ведь не о доставке, ваше величество, а о выращивании и сборе. Это требует совершенно иных затрат, чем просто возить товары туда-сюда, – хитро улыбнулась та дама.

– Обсудим, – хмыкнул император ей. – Солнце с вами, все финансовые вопросы обсудим.

– Да, я из большого уважения к вам и скорби вследствие случившейся трагедии сделаю хорошие скидки. Но ключом к нашему взаимопониманию при заключении сделки должен служить один небольшой нюанс, – сделала Фелиция пальчиками с очень длинными ноготками жест, словно показывала что-либо крохотное.

– И какой же? – приподнял одну бровь молодой император.

– Столичный двор отныне будет принимать зелень и травы только от династии Кауда. На базаре пусть свои излишки и рассаду продаёт кто желает. Но алхимики, аптекари, трактиры, если речь про зелёный лук, укроп, розмарин, впредь будут иметь дела лишь с моими подопечными, – поставила дама условие.

– Это же монополия! – возмутился Альберт. – Вы представляете, что начнётся?

– Всё уже началось давно, господин мой верховный канцлер, – полуприкрыла надменно глаза Фелиция. – С Селестией больше не хотят иметь дела некоторые лорды? Вот пусть на своих харчах и сидят. Они ждут, – перевела она свой взор уже на императора, – что им в ноги кинетесь! Что пришлёте охрану, расставили постовых на дорогах, станете платить втридорога за их цветочки! Но они забывают, что лучок-чесночок прорастает не только у них. Если надо, я расширю свои огороды, найму людей...

– Попрошу у вас земли, – на свой лад, прервав её, дополнил господин Крэшнер в затылок повернувшегося к женщине Лиру де Рону.

– Может, и так, – тут уже Фелиция, наоборот, широко раскрыла в недовольстве глаза, – что с того?! На благое же дело! Я не бассейн там себе возводить буду, а нанимать огородников! Великих Домов больше нет! Кто-то должен занять теперь их святые места. Для того нас и вызвали, чтобы отобрать самых достойных, – вновь повернула голову она к императору. – Ваше величество, как только вы отвергнете первое же безумное предложение лордов, они пойдут на всё, чтобы на своих землях перекрыть всякие поставки в Селестию. Захотят вас отрезать от внешнего мира. Потому поставки с ближайших земель так важны. Чем шире будет зона друзей и сотрудников, тем больше возможностей будет у вас.

– Но при этом зелень выращивать для нас желаете только вы, – хмыкнул Альберт.

– Вам ведь нужны не только травы и овощи, – подметила Фелиция. – Людям нужны меха, зонты, сапоги и посуда, железные вилки, глиняные чашки, деревянная мебель. Кому-то придётся занять посты Алепсо, Ячиро и всех остальных. Вы же не собираетесь заниматься всем вокруг в одиночку?! Даже ваши мать с отцом разделяли обязанности.

– Дедушка, она права, – вздохнул, поворачиваясь к верховному канцлеру, император. – Понимаете? Нам всех погибших придётся сейчас заменять. Назначать на новые должности,

разбираться с бумагами, правом наследования. Мне придётся передавать кому-то имущество исчезнувших родов...

– Если у них нет родственников, – строго заявил ему Альберт. – То, что большая семья собралась на торжество в своей каменной башне, не означает, что погибли там все. Вполне вероятно, какой-нибудь кузен, дядюшка с тётушкой издали попросту не смогли приехать. Кто-то в ссоре, кто-то просто не захотел с более тёплых краёв мотаться в «эту столицу...», кто-то приболел, а кто-то остался ухаживать. Кого-то и вовсе не пригласили, считая не совсем законнорождённым или попросту не поддерживавшим связь. Надо поднять всю генеалогию...

– Этим сейчас занимаются, – недобрым тоном прервал и заверил его император, кивнув в сторону троицы в широких шляпах. – У нас нет времени просить какого-то дальнего родственника взять в руки бразды правления огромной сетью мастерских или поставками рыбы...

– Реки! – воскликнул вдруг лысый мужчина, задрав палец кверху. – Мой император, – проговорил он, когда тот обернулся, – вы должны заручиться поддержкой земель вдоль рек, что текут в столицу. Иначе они перекроют дорогу рыбакам, а то и, не ровен час, воду отравят, – чуть не упал он в обморок, принявшись подносить к носу нюхательную соль.

– Леон правильную вещь сказал, Лир, но контролировать все реки невозможно. Лорды могут запросить освобождение от налогов за безопасность водных путей, какие-то обратные услуги. Нельзя показывать слабость, здесь даже с «ящеркой» нашей не грех согласиться, – взглянул на Фелицию Альберт.

– Леон, ваши рыбаки могут ограничить зону рыболовства? Род Ингард сейчас нуждается в какой-либо помощи? – уточнил у лысого господина Лир де Рон.

– Я... – растерялся тот, задрав слегка скрюченный палец. – А впрочем, им бы не помешала охрана. Вы могли бы выделить нам стрельцов на их постоянном окладе. Я плачу рыбакам, вы – охране судов и путей. Цены на рыбу регулироваться будут уже относительно улова и востребованности.

– Хотя бы так... Солнце с вами... – процедил император. – Какой же хаос творится на улицах... Надо всё приводить в порядок, – запустил он пальцы в свои золотистые волосы.

– Тише, спокойнее, ваше величество, – раздался пронзительно-скрипучий голос от вошедшего в зал через дверь слева от трона дряхлого старика в бурой мантии, несущего в немощных костлявых руках огромную книгу.

– Когнаций? Вот и вы наконец, – обрадовался ему император, двинувшись в его сторону.

– Думал, к ночи доковыляю, – на морщинистом лице того возникла лёгонькая ухмылка.

– Зачем ты повелел ему достать это? – недовольно проскрежетал, направившись следом, верховный канцлер.

– Потому что такие сейчас времена, – обернулся на деда Лир. – Нужно снять одну из печатей, пришло время обновления. Новые идеи, новые законы, новое правление государством.

– Да ты спятил! Это основа, на которой строилось правление Анфисы и Жилия! – возмутился Альберт.

– И до чего они всё довели? – сверкнул император глазами. – Тебе мало? Взорванные рудники, сгоревшие лесопилки, убийства, безликие, поставки пороха! Прав прелат, Империя заслужила своё обновление, возвращение к корням, свой собственный путь!

– Говоришь, будто Алтея наслушался, – хмыкнул, скривившись, верховный канцлер. – Брат твой верен принципу: всё нам дозволено, но не всё нам полезно. Живи и не навреди другим. Вот основа основ! В свободомыслии, в сплочённости разных вер и народов! А рыжий мальчишка-сенатор желает всех равнять, словно жаждет на каждом видеть одну и ту же рубаху да одну и ту же причёску! Его послушать, так кругом все – враги. Сам знаешь, что это не так.

– Да солнце с вами! Алтея словно сам не от мира сего. Он подобен урагану, идёт внахлест, не чурается авторитетов. Он из тех, кто в толпе на вопрос отвечает не «Да!», а что-нибудь в духе «Очень!», дабы не быть как все, но и не идти против всех, что немаловажно. Он жёсткий

и прямолинейный политик, отстаивающий свои интересы и идеалы. Такой далеко пойдёт. Ведь он не упрям и не непреклонен, а движется вперёд благодаря убеждениям и аргументам за свою точку зрения. Это совершенно разные вещи, – заявил Лир. – Его слушают! Его парадигму жаждет народ.

– Большинство, – уточнил Альберт. – Только те, кто с ним в чём-то согласен.

– Значит, пришла пора действовать в угоду большинства! Хватит пытаться угождать всем! – рявкнул правитель так, что лысый Леон, закатив глаза и едва не падая, вновь вернулся к подвешенному на шее мешочку с нюхательной солью.

– И что теперь? Поставишь мальчишку возглавить сенат? Он там таких наберёт, сам рад не будешь! – пригрозил господин Крэшнер.

– Кроме отмены реформ отца, у нас сейчас нет выхода, – поджав губы, сурово заметил Лир. – Народ хочет возвращения к временам Лор де Рона, жаждет видеть Империю сильной и независимой. Если отказавшие нам в поставках и услугах лорды затеют войну...

– Хватит среди бывших друзей видеть только врагов, – положил руку внуку на плечо Альберт.

– Всех моих друзей, дедушка, разорвало на куски, – заявил ему император с досады.

– Это не так, ты и сам знаешь, – подбодрил его верховный канцлер.

– Ты всегда говорил, что идти надо только вперёд, стремиться к новому... – поднял глаза

Лир.

– Да, вот именно, мальчик мой, – потрепав слегка за плечо, убрал свою руку Альберт.

– А я считаю, что сейчас нашей главной задачей является сохранить то, что есть, – заявил император. – Это явно какой-то заговор. Они только и ждали момента, чтобы вместо проявления сочувствия, поддержки и помощи, во всём отказать. Фелиция права, как ты и сказал, лорды просто жаждут сами занять место Великих Домов, вот и подстроили это всё.

– Я совершенно не это имел в виду и никого из них не обвинял! – возмутился верховный канцлер.

– Ваше величество, – подошла Ассоль, а за ней двинулись её спутники. – Сенатор Мэлоун...

– Оратор Мэлоун, – оборвал её Альберт. – Сенатором он никогда не был.

– Ну, оратор Мэлоун, – насупилась на такую для себя нелепую и неуместную в данном случае поправку дочка друида, – желал вооружить разных лордов бомбардами и перессорить, как мы сейчас думаем.

– Есть такие жучки-бомбардиры... – встряла Клина. – Вероятно, это алхимиков вдохновило...

– Наши враги желают раздробленности Империи, – заключил верховный канцлер, глядя на внука.

– Потому Империю и надо сплотить! – приподнял к груди и сжал руку в кулак Лир де Рон. – После снятия печати, после новых законов на каждой земле будут те, кто поддержит мои начинания. Лорды не смогут закрыться, забаррикадироваться, отравить нам всю воду. Кто не согласен – будет объявлен мятежником. Погибли Ячиро, но не войска. На подавление любых мятежей можно будет направить таскарцев. А пока они действуют в других городах, здесь начать готовить армию уже из своих, из местных!

– Ополченцы из фермеров и скорняков – это не армия, мальчик мой, – заверил Альберт.

– Да солнце с вами! У них есть дети и внуки, молодые подмастерья, которых можно обучить воевать. Кто-то запишется сам, главное, создать для солдат все условия. Так что первой же реформой нужно будет реорганизовать всё то, чем занимались Ячиро, – произнёс император.

– А как же простые люди? – не понимал господин Крэшнер.

– Тридцать лет... Тридцать лет минуло с конца Рагнарёка. Империю более-менее восставили за десять. За счёт приезжей рабочей силы отовсюду, а теперь народились и новые люди.

Воспитанные в поствоенной эпохе, выросшие среди строительства и расширения. Люди готовы к миру, которого уже нет! – заявил Лир де Рон. – Они ждали совершенно не того будущего и готовились совершенно не к тому будущему, которое наступило сейчас. А сильные мира сего, на которых надеялись и они, и их родители, и все приехавшие сюда народы, исчезли. Уничтожены. Им больше нечего дать. И вновь, словно после войны, нужны ресурсы на восстановление. Но времена-то уже другие. И Империя перенаселена, и зависимость от других регионов совершенно иная. Всё изменилось, вы понимаете? – поглядел он не только на деда, но и на Ассоль с её спутниками.

– Считаете, сейчас самое время собирать войска и готовиться к мятежам? – с опаской уточнил Вильгельм.

– Два пропавших поколения – пережившие Рагнарёк и их дети. И невозможность в отсутствии не только будущего, но и настоящего, воспитать хоть как-либо детей нынешних. А какие им давать ценности? Семья? Их родители воспитаны в неполноценных семьях. Многие отцы погибли на войне, даже матери, дяди и тёти, у кого-то – старшие братья. Затем эта гонка за власть. Озолотившиеся и разорившиеся рода. Словно научную книгу читаешь, философский и практический трактат о графиках, показателях, ползущих туда-сюда, вверх и вниз. Сегодня ты на коне, а завтра – уже никому не нужен. Это жизнь в страхе, абсолютная неуверенность в завтрашнем дне... – скривив губы, произнёс император.

– Я могла бы заняться делами Алепсо, – произнесла герцогиня Мевиллз. – Раз уж мы о простых людях, ваше величество. Им нужны хоть какие-то развлечения даже в тяжёлые времена. Я обожаю театры, – обмахивалась она веером, нервничая при разговоре с правителем, – с удовольствием возглавила бы организацию представлений, приглашение артистов, постановщиков, отправила бы своих людей по тавернам, где и какие есть музыканты.

– Музыканты всегда к вашим услугам, сударыня! – ударив по струнам гитары, низко поклонился Аргон. – Желает ли высокопочтенный сир потешиться скоморошьей балладой про уродов в телеге? – пытался он изображать говор Вильгельма в подобных беседах с высшим обществом.

– Хватит паясничать! – одёрнула его Шанти.

– Сейчас на улицах не до музыки, – заверил их Лир. – Мусор перестали вывозить, так как за это никто не заплатит, понимаете? Все вокруг нынче молятся на деньги! Нет высшей идеи, нет стремления помочь ближнему, как эти умники называют это вот? Альтруизма? Нет человеколюбия в конце-то концов! – схватился он за голову. – Нет начальства, нет финансирования, не понятно, что вообще нынче с казной Великих Домов. Кто где хранил деньги, имущество, по большей части, уничтожено, а снимать с трупов их драгоценности – это, знаете ли, – поморщился он и даже как-то вздрогнул от отвращения, – совсем уж крайние меры!

– Неужели вы желаете хоронить их в цацках?! – обомлели те трое, что стояли в широких шляпах.

– А вы ещё предложите с них дорогие костюмы снять и хоронить нагишом! Да? Им-то, мол, они теперь ни к чему? Тоже на золото молитесь! Мародёры даже у меня в приближённых! – рывкнул на них Лир де Рон.

– Мы за сильную Империю, мой господин, – спешно пошептавшись с соседями, заявил центральный из троицы, разведя руки. – Отчаянные времена требуют отчаянных мер.

– Отчаянных мер... Я вот даже их всех таких казнить не могу, понимаете? – ткнув в советников, поглядел император на компанию путешественников. – В темницу бросить, наказать как-нибудь. Иначе вообще никого не останется! У меня руки связаны!

– Тише, спокойнее, ваше величество, – коснулся его плеча сзади старик Когнаций.

– А вы говорите про Финча... Солнце с вами, да куда я его брошу, если от его деятельности сейчас столько всего зависит! – проворчал Лир де Рон. – Думаете, так просто? Вместо него назначить главой алхимиков кого-то ещё, да? Леона Ингарда, к примеру! – ткнул он пальцем

вдаль, в сторону первым стоящего в шеренге лысого господина, а тот ахнул от ужаса и поднёс к носу мешочек с нюхательной солью. – У Финча связи, контракты, он заключает сделки, он ведёт дела. Кто вместо него справится с такой работой? Мы и так руководство всё потеряли, куда ещё Мордредра скручивать. Он предупредил мать и отца, спас им жизнь. Я не могу предъявлять ему обвинения без веских на то доказательств!

– Прискорбно... – оскалился с досады и опустил глаза Бернхард.

– Кругом бардак и никакой безвозмездной помощи! – восклицал император. – Знаете, что капитаны наёмников спросили у меня, когда я повелел им повести людей разгребать завалы? Заплатят ли им сверхурочно за такой труд! Они, мол, нанимались патрулировать и разнимать, а не глыбы таскать! Возмутительно! В людях не осталось ничего человеческого! Так что, о каких ценностях можно здесь говорить? Духовные? Клир себя только дискредитирует реформами и расколом. Политические? Члены сената сменяют друг друга, элита меняется, Великих Домов больше нет. Материальные? Так разорившиеся рода теряли всё. Имущество шло с молотка. Мебель, шкатулки, детские заколки, даже наборы солдатиков. Они не верят ни обещаниям власти, ни обещаниям проповедников. Боятся, что лишатся всего, и живут лишь сегодняшним днём уже без веры в светлое будущее.

– Ваше величество, архиепископ прислал обозы с помощью для столицы и для пострадавших от чистого сердца, – сообщила Мари.

– Да? Что ж, – взглянул Лир на Форкса. – Мне не докладывали. Но это отраднo слышать!

– Я ничего об этом не знаю, я с раннего утра во дворце, – развёл тот руками.

– Я виделась с Антонием, у меня даже грамота от него есть, – показала монахиня. – Мы привезли лекарств, одеял, продуктов...

– Хоть кто-то проявил к нам сочувствие, – кивнул Лир де Рон. – Напишу Его Высокопреосвященству письмо с благодарностями. Клир должен вдохновлять народ на высокое, духовное, нравственное! А вы посмотрите на всех вокруг! Единственный их настоящий бог – это деньги. Золото. У кого больше – тот и сильней. Кто скопил больше – тот пытается спать спокойно. Золото даёт хоть какую-то им уверенность в завтрашнем дне. Потому началась контрабанда, перепродажа, наценки, уценки, чёрный рынок, гонка вооружений.

– Тем не менее, столица и окружение императора вооружено должно быть по высшему разряду, ваше величество! – подал голос генерал в военном мундире.

– Это несомненно, Бофнаций... – вздохнул император. – Хорошо только самым-самым востребованным: травникам да поварам. Понимаете, в любой ситуации, при любой инициативе властей, при любой религии, при любой национальной идеи и в любом: мирном или же военном положении люди всегда будут делать две вещи: болеть и голодать. Им всегда нужны то еда, то лекарства. Аптекари и знахари всегда на коне, пекари и мясники никогда не сидят без работы. Главное, чтобы были пашни и фермы, сады, огороды, сборщики трав да места для их сушки, мельницы, всё это вот. Понимаете? – оглядел он скорее отряд путешественников, чем приближённых.

– Ну, про огороды мы, думаю, договорились, – с гордой улыбкой произнесла госпожа с причёской-ящеркой. – Главное, сберечь урожай. Маги нам нужны для хорошей погоды. Буду к вам обращаться, ребята, – с кокетливым взглядом обернулась она на Маркуса и Мельхиора.

– Для любого ремесла важны две вещи. Необходимость в нём, она же востребованность или спрос на этот товар и услуги. И ресурсы, чтобы этот самый товар произвести. На двух этих показателях всё и строится. Заказать дерево, чтобы создать стол. Вам сейчас нужен стол? Может, плуг? Или отвёртка? Как насчёт книг? Ещё никто так не разорился, как Виндексы, лет пятнадцать назад, но была новая реформа понтифика в попытках спасти положение своей семьи, – напомнил Лир.

– Как же такое забудешь... – скривил губы Альберт.

– Стали печатать больше всякой сомнительной литературы. Басни, повести, любовные романы, сказания-приключения! – всплеснул руками несдержанно император. – Вместо молитв разным богам, обрядовых песен, вместо обличающих пороки памфлетов и списков старинных проповедей, до которых никому нету дела. Книга вместо слова о богах обратилась в дорогу для разума в эдакий новый мир. Там сказки, герои, чужие жизни. Поэзия, образы, сюжеты, а не предписания, где хранить чертополох и как правильно петь веснянки, как и когда выносить сор из избы, как проводить службу по усопшему – теперь это удел самих церковников. И им это на руку! Понимаете? – оглядел он гостей. – Теперь не глава семьи читает молебник, а нанимают и зовут священника. Совершенно иной подход, ну а Клир озолотился на обоих вещах – товарах, собственно книгах, и услугах – отпевание, благословление, экзорцизм, освящение пространства и помещения, что там ещё? Даже принятие родов.

– Раз уж Мевиллз займётся театрами, можно ли мне навести порядок в пекарнях? – встряла черноокая дама с топазовой диадемой.

– Выскочка! – сверкнула на неё глазами стоявшая напротив в красно-белом платье. – Мои пекарни никто к рукам не приберёт! Ещё не хватало! Ими только я занимаюсь!

– Да у меня пекарен больше, чем у тебя! – хмыкнула, поморщившись, её соперница. – И сотрудников, соответственно, больше, чем у тебя, и товарооборот, разумеется, больше!

– Ой, ой, нанять трёх человек на пекарню, распределяя им обязанностей на десятиях непомерным грузом на плечи с целью экономии – всё, что ты можешь, скряга проклятая, – всплеснув руками, закатила глаза дама в красно-белом наряде. – Больше у неё, ты посмотри! Единственное, что у тебя может быть больше, чем у меня, так это щёки, ляхи и задница!

– Какой каламбурчик, – захихикала довольно Фелиция.

– Товарооборот! Словечки-то какие! – всё продолжала женщина в красном. – У мужа-счетовода, что ль, научилась? Есть сбыт и производство у нормальных людей. Сколько испекли и сколько продали. Оборот-поворот, наводите отворот!

– Это на тебя сейчас отворот напушу, будешь знать! – ядовито фыркнула черноокая. – Или порчу.

– Да? Я-то хоть не замужем, в отличие от тебя. Как у вас там? Спишь хоть с ним или только чахнуть над золотом можешь ночами? – язвительно усмехалась её соперница.

– Стерва завистливая, – отвернулась в сторону госпожа с диадемой.

– Жаба, на всём экономящая. Видела я твоих пшеничных жаворонков на заклечках. Ржаной муки процентов сорок, не меньше, аж тёмные! – упрекала её женщина в красно-белом наряде.

– Самые красивые были! Заметные! С глазками-бусинами! – аж краснела от возмущения черноокая.

– Ага, сожгли кедровый орех, и, чтобы не выбрасывать, ты своих шалопаев заставила на меду их приклеивать к жаворонкам: типа «глазки», – хмыкнула, отвернувшись, её соперница.

– Просто завидуешь, – скорчив рожицу, упёрла руки в бока женщина с турмалиновой диадемой.

– Да чему? Мои раскупили все! – с кривоватой и язвительной ухмылочкой развела дама напротив руками.

– А мои признали эталоном на выставке, – взмахнув рукой, выставила указательный палец черноокая.

– Чтобы не обидеть тебя, дурёхку, – усмехнулась вновь, приняв ту же позу, соперница. – Герберт просто пожалел, чтобы ты не там не разрыдалась. Твоего жаворонка взяли за образец, потому что жаворонков всех остальных торгашей просто распродали! Всех! До последнего! Не покупали только твою мутотень!

– Покупали! – нахмурилась женщина с диадемой.

– Ага, пробовали, крошили птицам и больше не подходили. Держались подальше, как от прокажённой и проклятой. Даже птахи, небось, не склевали, – хмыкнула женщина в красно-белом.

– Да это я на тебя сейчас проклятье навешу! – грозила соперница.

– Только это и можешь. То отворот, то проклятье, – закатила дама напротив глаза и повернулась к императору. – Ваше Величество не желает охоту на ведьм тут устроить? Вдруг она и вправду колдунья? Сожжение на площади там сегодня не намечается?

– Обожаю их, просто обожаю, – стояла и улыбалась Фелиция. – Можно им обеим место в сенате?

– Так! Хватит, все. Солнце с вами... Академия всех колдунов похоронила в руинах большого единого склепа, – рявкнул тут император. – Брандт, что вы планируете? – развернулся он к двум выжившим чародеям и иноземной гномке.

– Прошу выделить средства на восстановление, мой император, – мягким, но уверенным тоном, глядя правителю в глаза, проговорил помолодевший проректор.

– Куда столько денег на это всё? Поставим из обломков мемориал в честь павших, сделаем капище в память, будут приходить маги-паломники, вешать венки, жечь костры, – предложил Фондрак.

– А обучение? Академия?! – яростно сверкнул Маркус глазами.

– Создадите школы где-нибудь в других городах, – пожал старый священник плечами. – Я знаю примерно принципы вашей работы. А ученики постоянно совершают ошибки. В этом вся суть обучения. И своими откатами за неправильные действия нагоняют бед на Селестию. Почему бы не возвести Академию где-то ещё? – скакал после предложения взглядом Фондрак на проректора и на императора.

– Я согласен насчёт мемориала, господа, но как же столица – и без академии?! – вмешался Вильгельм. – Мой дядя... Кхм-кхм... Мой отец погиб под этим завалом!

– А представьте, что взорвавший все Великие Дома человек не собирался уничтожить колдунов Академии, – заявил Фондрак. – Если они просто попались под горячую руку, чтобы побольше строений обрушилось? Хотите вы снова так рисковать детьми, что приедут учиться и овладевать своим даром? У нас есть святой город Квинтесберг, почему бы не основать и город для чародеев?

– Сейчас, это, возможно, кощунственно прозвучит, – вслух задумался Лир де Рон, – но среди погибших представителей Великих Домов были те, кто приехал издалека, у кого остались имения, особняки, замки... И если у них нет наследников, у хотя бы кого-то из десятков погибших это действительно так, лишь в моей власти передать такую недвижимость и их земли в новые руки. Что скажете? – взглянул он на Маркуса и на Мельхиора. – Отчаянные времена требуют отчаянных мер. Решения сейчас принимать надо быстро и чётко.

– Они на пару со святошами желают выжать магов с земель Селестии, – заявил седой некромант проректору.

– Но он прав, что, если возвести академию, её могут обрушить вновь! – оглянулся к старому приятелю альбинос.

– Совсем тебе молодильное яблоко извилины в мозгу распрямило, – хмыкнул недовольно мужчина в широкой шляпе.

– Надо выживать! Надо адаптироваться! – рявкнул Маркус. – Брат, пока хоть что-то дают. Эти прихвостни сейчас растащат казну кто куда, или ты не видишь, что происходит?!

– Ты пока адаптируешься, другие уже эволюционируют. Зачем тебе жабры в мире, где все уже машут крыльями? – процедил недовольно ему Мельхиор.

– Всему своё время, – заверил его альбинос.

– Что-то решили? – поторапливал их Лир де Рон.

– Мы возьмём три, – не желая пререкаться с приятелем, взглянув на монарха, сделал шаг вперёд Мельхиор, опираясь на тросточку с черепом в изваянии.

– Три? – поднял брови в удивлении император.

– Империя не допустит больше гибели сразу всех ведущих своих чародеев, преподавателей и учеников, правда же? Новые времена, новые идеи, новые законы, новый император, – произнёс седой чернокнижник монарху его же слова. – Мы откроем, как минимум, три академии в наиболее подходящих местах в отдалении друг от друга. У людей будет выбор, куда поехать, к кому обратиться. Мы охватим больше пространства для деятельности вместо того, чтобы всех направлять в разные концы из столицы, – заявил он грубым и гремящим голосом.

– Ты же децентрализуешь чародейскую власть! – прорычал за его спиной Маркус Брандт.

– Клир захватывает своими храмами все города. Хочешь конкурировать с прелатом в столице или получить полный карт-бланш сразу на нескольких территориях? – оглянулся на него чернокнижник. – Если что, у меня даже есть сыновья, способные всё организовать и возглавить.

– Это же земли погибших! – был явно возмущён альбинос.

– А я – некромант, я на погибших специализируюсь. И всё это как раз в память о наших друзьях и коллегах, – отчеканил ему Мельхиор и развернулся к своему императору.

– Шикарный мужчина! – отметила Фелиция такой ответ.

– Брандт, вы согласны? – явно нехотя уточнял, переведя взгляд с некроманта на проректора, Лир де Рон.

– С тем, что он шикарный? – посмеялся альбинос. – Это, уж простите, ваше величество, не ко мне. Это его жену спрашиваете.

– Не до шуточек ваших, Брандт, я этих терплю, хоть вы себя в руках держите! – недовольно нахмурился император.

– Он просто душой и телом помолодел, ведёт себя как мальчишка, – проговорил Мельхиор. – А у меня большая семья, они знают, как всё обустроить. Вам не надо тратить казну на постройку зданий. Всё уже построено за вас, – заявил он о замках Великих Домов.

– Гр-р-р... пусть берётся! – дал добро альбинос.

– Что ж... – призадумался император. – Клир поддержит? – оглянулся он на Фондрака.

– Куда они денутся... – пробубнил Маркус себе под нос. – Избавить столицу от гильдий магов...

– Сложное решение, чтобы его принимать вот так без прелата, но, как его представитель, я идею, пожалуй, одобрю, – заявил старый священник.

– Кто б сомневался... – хмыкнул тихо под нос альбинос.

– Солнце с вами. Нам повезло, что выжил господин Брандт, – заявил Лир де Рон. – Глава академии.

– А сам он считает, что не повезло, – с ухмылкой на приятеля оглядывался Мельхиор.

– Он, кстати, женат? – выглядывая на некроманта в шляпе, уточнила Фелиция.

– Он знает, кого из его людей... ну, и нелюдей, – вновь, оглядывая всех, остановился Лир взглядом на Шанти, – не было в момент обрушения в нашей столице. Кто выпустился, закончив учёбу, и подавал большие надежды, кто остался на службе, кого можно позвать преподавать, кто отправлен был на задание и всё в таком духе, понимаете?

– Только не превращай одно из трёх зданий в академию некромантии... – попросил или скорее даже предостерег, судя по недружелюбному тону, альбинос Мельхиора.

– Ах, опять помелочился, – ухмыльнулся тот. – Дали три, а надо было целых пять попросить. Зато теперь смогу пристроить всех внучат и Лоретту с Гаребом, они бы неплохо могли преподавать руны, астрологию, гороскопы...

– Ух ты! Ух ты! – захлопала гномочка. – Это теперь будет целых три академии? А Чабсдер найдёт к ним дорогу...

- Тебе будут рады в каждой, – погладил её по волосам Маркус.
- Когда вот ты уже своих детей заведёшь? – хмыкнул, возвращаясь на своё место подле него, Мельхиор.
- Мне и твоих повсюду хватает, – проворчал альбинос. – Развязал руки, брыть, клирикам...
- Так, стало быть, всё-таки не женат, – заключила по их диалогу Фелиция, хитренько улыбнувшись.
- Дети – это счастье, – проговорил приятелю Мельхиор.
- Скажи это скрягам, уверенным, что счастье – в деньгах, – проворчал Брандт.
- Может быть, старый друг, может быть... Но согласись, как-то глупо читать на ночь сказки деньгам?
- Не такой уж теперь и старый, – провёл по лицу ладонью проректор.
- Их не обнимешь, не научишь читать, с ними не поговоришь. На деньги не купишь друзей и детей, разве что питомца, вон, кошку, – бросил Мельхиор взор бирюзовых глаз на цыганку. – Но это уже к нашему канцлеру. Хоть с него пример бери: удочеряет, усыновляет. После этих взрывов, знаешь, теперь сколько детей в приюте? Поговорю с Марлен, может, кого приютим. Наши-то вырастают, кто куда разлетаются из гнезда, комнаты в доме пустуют. А в доме только тогда есть уют, когда в нём царит детский смех!
- Сказал некромант, – пробубнил Маркус.
- От некроманта и слышу, – посмеялся его товарищ. – Кто ведаёт смерть, тот больше всех ценит жизнь.
- Церковь займётся мемориалом по погибшим за собственный счёт, – тут же не упустил свою возможность довольный священник. – Вам следует сосредоточиться на более важных вещах, дабы спасти всю Империю от всякого зла.
- А кто должен спасать Империю от зла? – повернулся к нему Лир де Рон. – Добро или же император? Как уверяют философы, все наши мысли, желания и деяния преисполнены некой внутренней энергией. Силой духа. Если б каждый источал только доброту к ближнему, все и жили бы только в согласии. Но мир полон пороков!
- Уверен, после ваших реформ, касающихся богослужения, у Клира появится возможность лучше доносить до людей благодетели и избавлять их от пороков. Для начала следует все увеселительные заведения обязать на церковную десятину. Хотите иметь в городе рассадник разврата? Оплачивайте Клиру процент. Каждый градоначальник, каждый лорд, на чьей земле тот стоит, каждый клиент. С миру по нитке – голому рубаха, – заявил Фондрак.
- Я готов обсудить новые законы, мой император, – заверил правителя рыжий судья. – У меня давно копится масса идей, которыми не терпится поделиться. Знаете, с моим влиянием, уверен, мы справимся и без великих домов. Что вам нужно от лордов? Вы думаете, мира, партнёрства, улыбок, согласия... На самом же деле, если скинуть все эти маски лживых любезностей и лицемерия, от ваших земель вам нужна только покорность! Пора прекращать маскарад. Если лорды отказываются исполнять контракты поставок – есть закон, призывающий подобных карать. Империя должна подчиняться своему императору!
- Надо доказать им, что с вами Творец. Что боги благоволят вам. Церковь поставит своей целью воспеть власть самодержца до уровня наместника всех божеств, исполнителя воли их! Непокорные же будут уличены в вероотступничестве. Сделаем вам культ, возносящий права императора до небывалых высот! Будьте с прелатом, и он обеспечит вам наилучшую репутацию в подвластных клирикам городах. Молитвы, проповеди, церемонии, издание новых памфлетов, можно даже вашу статую поставить в соборе среди богов.
- Я не столь тщеславен, как мой младший брат, солнце с вами, – прервал его Лир. – Не забегайте совсем уж в какие-то дебри. Но ход мыслей мне нравится. Божественное происхож-

дение императора не должно отныне оспариваться и вызывать каких-либо сомнений. Корнелиус, друг мой, снимите седьмую печать, – оглянулся он на дряхлого старика.

– Историческая справка... – проскрипел тот, задирая костлявый палец. – За эти тайны многие успели сложить головы, ваше величество...

– Слухи о происхождении Де Ронов и без того уже гуляют в народе, – напомнил Альберт. – Но учти, мальчик мой, если хочешь окончательно положить конец Империи «Гростерн», убедись, что выстроил достаточно прочный фундамент для Империи «Де Рон»! – со строгостью во взгляде и голосе заявил он самодержцу. – Иначе полетят новые головы зазря уже сложенных.

– Какой каламбур, обожаю нашего канцлера, – улыбалась Фелиция.

– Неминуем раскол, – предупредил императора генерал. – Кто-то примет это, а кто-то нет. Мы и так на пороге гражданской войны...

– Так чего нам терять? – развернулся к нему Лир де Рон. – Злые языки и вправду судачат порой, что Де Роны – не Гростерны. Доказательств у них нет, с трибуны о таком не трещат, боятся темницы. Но я стараюсь быть в курсе того, что творится в Империи.

– Сперва будут сказания о деяниях благих богов, – заявил Фондрак. – Богов Солнца! Сынов Творца! И один из них, Аполлон, если не ошибаюсь, до нас ведь тоже всякие слухи доходят, приходится одним из основателей вашего рода. Мы оставим все эти «пра-пра-пра...» и императора именовать будем «Внук Аполлона». Переиздадим сказания о героических похождении, будем напоминать людям о зле и добре.

– А знаете, в чём вся разница? – проговорил самодержец. – Если человек по натуре добр, то доброта эта неиссякаема! Понимаете? – оглядел всех присутствующих император. – Он с радостью делится ею с близкими, с незнакомцами, кормит птиц, гладит животных, улыбается, от всей души желает каждому удачного дня, продуктивной работы, приятного отдыха, спокойного сна. Он полон энергии добра и источает её. Но не от этого не иссякает, не становится обессиленным или опустевшим. Он всегда преисполнен добра, которое льётся с него, как из фонтана.

– Это и нужно нести в народ, ваше величество, – кивнул Фондрак.

– Что же до злых людей, то даже самый скверный и всем недовольный ворчун постоянно источать зло не может, – заявил Лир де Рон. – Попробуйте в самый раздражённый миг кричать на всех и каждого, осыпая проклятьями. Долго вы так протянете? Зло нужно выпускать из себя. Если и есть в человеке зло, то оно накапливается, накапливается и выходит. Но что остаётся-то внутри после него? Пустота. Их ещё можно спасти, а её можно ещё чем-то заполнить. Мы будем карать неверных, но готовы всегда простить тех, кто одумается.

– Это на случай восстания и бунтовщиков? – уточнил рыжий судья Хашгаузен.

– Именно так, – взглянул на него император. – Мы не казним тех, кто пришёл с покаянием. Этот сюжет, о бунте, о ссоре и покорнейшем возвращении за прощением, тоже должен стать одной из продвигаемых всеми легенд. Поучительной и показательной историей. Невозможно существовать, без устали причиняя одно лишь зло. Оно не бьёт неиссякающим фонтаном вокруг. И после излитого зла такой человек сразу же ощутит себя уставшим и опустошённым. Зло не может быть вечным. Понимаете? Если оно победит – оно тут же умрёт. Без добра ему станет просто не с чем сражаться, нечему противостоять. Останется лишь одно зло, которое пожрёт само себя и исчезнет. Допустим, мир сгорит, вспыхнет, как спичка. А что потом? Ну, будет безжизненная выгоревшая планета. Где ж там зло? Уголь есть уголь. Или мор скосит всех живых, что тогда? Когда некому больше станет умирать. Где будет зло? В чём будет оно проявляться?

– Каждое разумное существо в изначальном своём проявлении есть добро, – закивал Фондрак. – Но оно тянется к познанию и легко сходит на неверный путь. Совершает ошибки, плутает, теряется, ищет ответы, и от того, кто и как сможет ему их дать, зависит уже, добрым или злым оно станет. Поиски нередко ведут к разочарованию и потерям себя, своих смыслов, к

пересмотру идей и взглядов. И только если воспитать всех во едином сознании, каждый будет равнозначно счастлив и желать услужить друг другу, будет делиться добром.

– А что, без единых идей и взглядов со всеми делиться добром уже не судьба? – фыркнула Шанти, а на неё зашипели вокруг, цыкая с пальцем у губ, дабы не перебивала местного проповедника. – Вы ведь простите иноземной цыганке её недалёкость в вопросах вашей местной религии? – хлопая глазками, поглядела она на императора. – Хочу разобраться. Тянусь к познанию мира.

– Вот! Что это?! – с возмущением в голосе брезгливо император выхватил красивый томик в золотом узорчатом переплёте со столика подле окна, пролистав. – «Я, как зверь в ночи, чую твой запах и мечтаю войти в твою плоть...», – зачитал он оттуда. – Что за разврат? Что за пошлость? Вульгарные, развращающие и растляющие наш народ строки! «И схватить тебя рьяно в объятия...». И такое сейчас везде! В театрах, на развратных полотнах, в оргиях публичных домов! Где дух империи? Нравственность, честь и мужество, усердие и коллективный труд! Все эти поэты-развратники, оголтелые писатели гнут каждый во что горазд. Отец довёл поклонение самым разным богам до постоянного столкновения интересов и споров, кто важнее, кто могущественнее...

– Не должно божества быть для жителей важнее самого императора! Наместника высших сил, говоря их устами, совершая угодные им деяния. Воплощение главного бога! – заявил Фондрак.

– Вы, Леон, – двинулся монарх к лысому аристократу. – Вы же у нас общество поэтов содержите. И что я слышу на каждом углу? Одни заумные словечки, отчего даже столичный образованный люд косится на ваших выскочек да обливает помоями, чтобы заткнулись. Это так вы надеетесь воззвать к голосу разума? Что там эти двое орут?

– А? Из заумного... – занервничал Леон, сделав носом глубокий вдох близ поднесённого к лицу мешочка. – Так это же... Они вместо церкви пытаются свою лепту внести. Указать горожанам на распутный образ жизни. Стоят и нараспев стихами по очереди что-то в духе: «А из нашего окна – деградация видна!», «А из нашего окошка – запустение немножко».

– Вот что это вот? Зачем это вот? Вот зачем? – склонился к нему, будучи на голову выше ростом, монарх. – Они ж не понимают! Нет, ну как?! Как вы простому человеку объясните все вот эти свои научные термины! Как крестьянину растолковать «деградацию», Ингард?

– Деградацию? Как, ну... регресс же, декаденс, атрофию, вырождение, кризис... – перечислял с нарастающим ужасом в глазах Леон, глядя, как с каждым его словом лицо монарха становится всё мрачнее и мрачнее, а взгляд всё более и более укоризненным.

– Ох, солнце с вами... – шумно и недовольно выдохнув, распрямился Лир де Рон.

– ... упадок, – всё перечислял Леон.

– Вот «упадок» – это уже лучше! – оживился монарх. – Это мне нравится. Уже гораздо понятнее и ближе простому народу!

– Да, но это не рифмуется ни с «окна» ни с «окошка»... – осторожно возразил, поднимая руку, Леон.

– Дай вам всем мозгов немножко... – покачал головой император, вновь зашагав по ковру в направлении трона. – Думайте, Ингард, думайте! Народ сейчас надо сплочать!

– Эм... «сплачивать», ваше величество, – вежливо своим старческим голосом поправил его дряхлый Когнаций.

– Счастье в единстве, когда все стоят заодно. В общности целей, стремлений и взглядов. Когда все верят в одно и то же. Не просто верят, а знают, что это так. Ибо знающему уже не нужны споры, сомнения и доказательства, не нужна вера, уже не надо её испытывать и проверять немыслимые догадки, – спокойным и уверенным тоном, чуть раскачиваясь взад и вперёд, словно в трансе, заявил священник. – Знание есть вещь уже данная, доказанная, неоспоримая. И на нём, как на опорном фундаменте, всё и строится.

– Ну, знаете ли, знание, что мох растёт с северной стороны, и знание, как на корячках стоит лоб расшибать при молитве, – совершенно разные «знания». И что-либо точно знать – это одно, а свято и до фанатичности верить в то, что ты что-то знаешь, – совсем другое. Особенно когда на то нет никаких доказательств! – возмутилась, снова обернувшись к представителю Клира, цыганка.

– О каких вообще доказательствах может идти речь, если они вокруг? – развёл Фондрак руками на заполненный солнечным светом зал. – Само наше с вами существование уже доказывает любовь творца. Бьющая молния доказывает его гнев.

– Зачем же тогда он здесь? – кивнула цыганка на рыжего старца.

– Кто? Судья? – изумлённый священник перевёл взгляд на Хашгаузена.

– Да-да! – ответила Шанти. – Если молния – гнев Творца, то ему ж виднее, кого карать надо и в кого ей бить? Давайте сожжём все судебники, отменим законы, пусть Творец впредь молниями поражает всех неугодных. Только вот, по моим наблюдениям, молнии бьют то в скалу, то в дерево, то в песок. Ни дать, ни взять! Вероятно, чем-то нашло то самое дерево. Оскорбительно шелестело листвою в адрес белок. Или что? Творцу не судьба попасть куда следует? Может, он вообще-то старается, да постоянно вместо воров и предателей попадает куда-нибудь мимо?

– Не богохульствуйте! – нахмурился и погрозил Фондрак.

– А не то что? Молния поразит? – хмыкнула женщина-кошка. – Или всё-таки по судебнику схватит он и его стража, – снова кивнула она на судью.

– Мы и есть руки Творца! Его орудие! – заявил ей священник.

– Мне всегда казалось, что это разные вещи. Меч – это меч, а длань – это длань. Вас послушать, так проповедники – есть уста Творца, паломники – его очи, молящиеся – его сердце, теперь и до рук добрались. Что же это за творец такой, по органам на народы разобранный? Ведает ли голова, чем там рука занята? – скривилась Шанти.

– А она хороша, – отметила Фелиция, переглядываясь с соседками.

– Я вас предупредил! – ещё раз потряс пальцем цыганке Фондрак. – Вы вот монахиня, – строго сверкнул взглядом он на Мари. – Почему даже не заступаетесь?

– Прошу прощения, отец Фондрак, но по моей гипотезе боги не слишком-то уживаются друг с другом. Столько легенд о том, кто кого убил, кто у кого супругу увёл, кто устраивал какие-то заговоры... Будучи ликами Творца Неделимого, они бы просто исполняли его волю, сидя на своих местах, не устраивая меж собой ничего, кроме дружественного взаимодействия, – скромно ответила монахиня. – А они даже новых богов рожать умудряются... Сколько не читала архивов, меня это вечно сбивало с толку.

– Легенды, легенды... Может, это всё люди выдумали! Или вообще там фералы и гномы, – возмутился священник, глянув на Аргона и Шанти. – Списав с себя или просто насочиняв от скуки с три короба! Какие ещё гипотезы? Набрались словечек от этих учёных... Творец после смерти всем воздаст, кто порочит имя его! Запомните!

– А по какому праву, скажите мне, вы представляете волю Творца? Он что, говорил с вами? Наделил вас грамотой и доверенностью? – глядела с подозрением Шанти. – Что я должна запомнить, если вы даже имени его не называете?! И что именно значит «воздаст по делам»? Это хорошо или плохо? А кто вызовется отделить одно от другого? У одних убыло, у других прибыло. Есть ведь и такие, кому и удар плётки в радость. Едино для всех ли мерило? Кто-то в невежестве помрёт от болезни лет в двадцать, а кто-то под восемьдесят после жизни, полной греха, вдруг раскается, и что? Всё? Благодать снизойдёт за одно сожаление? Вот так, раз исповедался и грехи прощены? Что, так можно было? А те, кому он всю свою долгую жизнь вредил? Их даже не спросят, прощают они его или мук вечных желают?

– Вот из-за таких вопросов люд и страдает! Из-за сомнений, насмешек, иронии и издевки! – негодовал Фондрак, взглядом ища поддержки уже у императора.

- Да не, девки тут у вас вполне ничего, зачем же страдать, – посмеялся Аргон.
- Напоминаете таким равнением Алтея и всё, что о нём говорят умные люди, – заявила цыганка святому отцу.
- Вы занимаетесь извращением святой веры! – в ответ возмутился священник.
- А вы свято верите без единой на то причины, – хмыкнула та, вильнув хвостом и закатив глаза.
- А восход и заход солнца для вас не причины? – бросил ей вслед святой отец Фондрак.
- Не вселенский закон? Смена времён года, затмения, знаки!
- Ой, я гадалка, я лучше читаю знаки, чем какие-то проповедники, – развернулась цыганка. – Заход и восход, кто сказал, что это связано с каким-то Творцом?
- А если не он, то кто же?! – изумился священник.
- Не надо думать, что, если вы не раскорячитесь и не помолитесь, утро никогда не наступит. Как будто без ваших обрядовых действий не закончится зима, будет вечно длиться затмение... А не много ли взяли вы на себя? Разрешать в свою пользу все приводные явления. Набегут тучи – прольётся дождь, тут молись, не молись. А нет туч, так унять засуху никакие жертвоприношения не помогут. А после дождя всегда будет радуга, не важно, затяжной он был или короткий, – уверенно проговорила Шанти.
- Радуга – это знак! – всплеснул руками изумлённый от такого спора священник.
- Знак чего? Примирения земли и неба? Это если после грозы. А если дождь идёт мелкий, грибной? – опустила левую бровь цыганка.
- Да где это вы, голубушка, видели дождь из грибов? – опешил ещё больше святой отец.
- Так у нас маленький дождик звался, идущий при солнце. И при нём уж точно всегда бывает радуга, ни дать, ни взять, – усмехнулась Шанти.
- Радуга всегда при Творце! – заметил ей Фондрак. – Его знак!
- Как подкову на счастье, что ль, носит с собой? А что ж она стоит неподвижно тогда? Потерял или выронил? Что же за Творец такой, кто его видывал? – улыбалась женщина-кошка.
- Ни имени, ничего, а родители у него есть? Что значит «творец»? Откуда он взялся? Раз он некий мужчина, у него есть отец и мать.
- Он незрим, он всевышний дух! – вскинул руки ввысь святой отец
- Дух? То есть – умерший? Не думала, что все вы покойнику молитесь... – скривилась цыганка. – А кем он при жизни был? Где мать-творец, где отец-творец?
- Он не мёртвый! Он вечноживой! – ахнул Фондрак.
- Живой? – недоверчиво прищурилась Шанти. – Ну, тогда он тем более созданием должен быть материальным из плоти и крови. Иначе в чём эта жизнь выражается? Где я с ним могу повидаться и поговорить с глазу на глаз? Живые – те, кто живут. Животные, народы, растения. Живёт то, что умирает. Что же это, выходит, Творец ваш смертен? Чтобы сотворить живое, надо быть живым, разве нет? А всё, что живёт, когда-нибудь умирает.
- Он велик, он над всем, он само дыхание жизни! – аж от нервозности обильно зажестичулировал святой отец.
- Нет, погодите, «над всем» – это парит где-то в небе, а «дыхание жизни» у нас развивается явно где-то здесь внизу, на земле. От травинки и паучков до жирафов и длинношеих ящеров. Творец тут при чём? – не понимала цыганка. – Я про небо и звёзды всё знаю, какой там творец?
- Он всё это и сотворил! Таков замысел! – развёл руками Фондрак.
- Замысел того, кто не здесь, кто не жив, кого никто никогда не видел... Интересные дела получаются, душечка. Откуда ж вы тогда это знаете? – сощурилась Шанти.
- А может, он просто хорошо маскируется? – встряла Клио. – Как орхидейный богомол! – встала она в изображающую насекомое позу. – Или как те виды бабочек и моли, что маски-

руются под опавшие листья! Под кору дерева! Или как листотелы! Они потому так и зовутся! Палочки, похожие на зелёные листочки!

– Хватит паясничать, – взглянула на неё цыганка, но вернулась к священнику. – Откуда вы вообще знаете, что, кроме известных богов, есть какой-то Творец.

– Я не просто «знаю», я ведаю его сущность и доброту! Я здесь священник, а не вы, – хватаясь, потряс нательным знаком солнца старик, – потому и мне говорить о религии и о Творце. Он велик и непостижим! Он и создал богов! Он и есть бог для них, для всех нас! Высший Творец! Зачем вы обращаетесь к иным богам, если можно без посредников молиться Солнцу-Творцу!

– Я здесь цыганка и тоже, по вашей вере, его творение, – заявила женщина-кошка. – А почему «он» собственно? Почему не «она»? Если никто не видел, никто не общался... Ему там не скучно? Он не хочет себе завести там жену и детей?

– Мы все есть дети его! – вновь развёл священник руками.

– Да? – широко распахнула глаза женщина-кошка. – Так он фелин? Или же гном? или человек? – поозиралась она по сторонам.

– Представлять себе Творца вы можете, как угодно, – сложил на груди руки Фондрак.

– Нет, погодите-ка, душечка. Я не хочу «представлять», я хочу «ведать»! – заявила ему цыганка.

– Тогда устройтесь для начала монахиней в монастырь! – всплеснул руками старик.

– Для чего? Они там знают побольше вашего? – изумилась Шанти. – У них там имеется неоспоримая доказательная база? Они знают все сакральные тайны Творца?

– Может, и знают... – фыркнул священник, не желая продолжать такую дискуссию.

– Например, то, что его не существует... – в ответ хмыкнула женщина-кошка.

– Да как же не существует... – опешил Фондрак.

– Да так, что мы воочию видели разных богов и уже убедились, что никакие они вовсе не чьи-то «лики». Ни в прямом, ни в переносном значении, – заявила ему цыганка. – У них свои замыслы, свои вотчины, свои области силы, а ещё свои тёрки между собой, что сейчас нас в первую очередь интересует.

– Вы не можете познать богов! Вы не созданы для того! – заверял женщину-кошку священник.

– А может, вы созданы? – наклонила та голову набок. – Если я не могу, с чего мне тогда верить вам, что вы можете?

– Я же священник! – вновь показал он ей свой солярный символ.

– Ну, вот я и спрашиваю, какие же тайные знания о Творце дадут мне в монастыре, если я тоже вдруг стану монахиней? Что они дали вам, чтобы вас убедить? Почему же вы их не оглашаете, если они есть и достаточно убедительны, дабы кругом все поверили, Вы ж там ведаете. Или не ведаете? Или он непостижим всё-таки, и мы не для этого? Или он не «он»? – засыпала цыганка вопросами.

– Сами же сказали, что должны быть родители, вот он и есть прародитель богов! – заявил Фондрак.

– А кто ж тогда мать? Жена-то у него есть? Не сбежала ж она от него, как я от своего непутёвого мужа. И тогда кто родители Творца и Миссис Творец? Что же вам не судьба мне ответить? – опустила одна бровь женщина-кошка.

– Прекратите ссориться! В Клире и так одни споры, а теперь ещё и народ о религии думает вместо того, чтобы думать о родине! – не выдержал и прервал их наконец император.

– А мне нравится, – похлопала в ладоши Фелиция. – Слушала бы и слушала. Надо на площади такое устраивать. Приглашать, например, плотника и кузнеца, как представителей своих ремёсел, и пусть спорят, что красивей и важнее! Не важно, кто прав, главное, какое зрелище эти споры!

– Солнце с вами... Земля-мать родная – вот единственная религия, что должна быть у каждого. Солнце подарило ей жизнь, всем нам. Так цените её, а не разбрасывайтесь понапрасну и не тратьте на какие-то бесконечные пререкания! Я не знал своего деда по отцовской линии, но речи императора Лор де Рона в письменах до нас прекрасно дошли. И я во всём с ним согласен. Не важно, сколь силён враг, не важно, кто во что верит, кто прав, кто не прав. Есть твоя земля. Твоя родина! И ты за не должен стоять до конца! Понимаете? Ведь иначе не останется ничего. И не будет наследия, не будет Империи и потомков твоих! Не важно даже, есть ли у тебя самого дети.

– Воистину так! Никто не сбережёт Империю, кроме неё самой! – воскликнул священник. – Все – братья и сестры, все должны помогать друг другу! Сила в единстве! Какая разница, как Творец выглядит? Какая разница даже, «он» это или «она»? Если речь о нашем создателе! – поглядел отец Фондрак на Шанти. – Сотворил ваш род, чтобы ваши предки сошлись, чтобы вы родились у своих родителей! Вдохнул в вас дыхание жизни! Что за доказательства божественного вы вокруг ищите, если оно в вас самих? Все ответы внутри! Я живу, а значит – есть бог, который создал меня! Который дал вам прожить эту жизнь.

– Все вокруг – сыны родины. Один народ! – кивнул император. – И брат за брата стоять должен плечо к плечу. Понимаете? Возвращаемся именно туда, с чего начинали: если б каждый источал только доброту к ближнему, все и жили бы только в согласии. Будь опорой для своих, помогай кому можешь вокруг. И если б каждый так помогал по мере возможностей!

– Дело говорит наш правитель! Прямо как Антоний на проповедях! – захопал ему отец Фондрак.

– Или Алтей на выступлениях, – пробубнила Ассоль.

– Я не хочу всех равнять, понимаете? Если один сосед-крепыш принёс соседу шесть вёдер сегодня, то не обязательно завтра другому соседу – юродивому или хиляку – повторять этот подвиг, – пояснил Лир де Рон. – Он мог бы помочь как-то по-своему. Присмотреть за огнём, прибрать у калитки, приглядеть за детьми, поделиться садовым инвентарём или посудой. У кого-то в доме семь чашек на пять ртов. А у соседа чашка – разбилась. Вот и поделись. Вот и нашлось применение лишним чашкам. Всяко лучше, чем на полке стоять пыль собирать. Что она вам чур, кумир али идол, покоиться всегда на виду? А сосед в благодарности на гончарном кругу слепит, может, красивого лебедя. А злой только ломать всё может вокруг. Злой человек, в первую очередь, вредит сам себе. Какой от него прок?

– Ваше величество... Я, конечно же, гном и слегка туповат... Цверги вообще, знаете ли, самый туго соображающий народ Иггдрасиля. Но вот в толк не возьму, коль он лебедя сделает, а чего ж чашку себе из глины не слепит сам? – поинтересовался Аргон.

– Ох, это ведь просто абстрактный пример, – махнул Лир де Рон. – Он про то, что человек, которому ты помог, когда-нибудь поможет тебе. Если б все были по одному канону воспитаны, то никогда в помощи бы не отказывали. А если кто злоупотреблять начнёт, так у него самого можно тогда просить и просить, быстро поймёт, как другим докучает. В этом будет баланс! Понимаете? Не будет такого, что ты помогаешь, помогаешь, а тебе в нужный момент откажут. Все с радостью придут на помощь, потому что это парадигма такая – делиться добром, сеять радость и хорошее настроение!

– Вот это я завсегда! – приободрился Аргон.

– Поработал в поле, поел, отдохнул – сыграй на гусях, на балалайке, душа радуется, – улыбнулся монарх. – Повесели детвору.

– И это я завсегда! – улыбался гном. – Для гнома поесть – святое дело! Правильно я говорю? Хорошая еда – это когда во рту тает, в животе летает. Мне вообще у вас всё нравится, кроме налога на бордели озвученного, давайте, может быть, без него? А? Правильно я говорю? – оглянулся он на остальных.

– Каждый не просто своим делом должен заниматься, но и стремиться помогать всем вокруг, чем умеет, – продолжил тем временем Лир де Рон. – Кто-то рубахи соседским детишкам нашьёт, а кто-то карнавальные костюмы и маски придумает да соорудит к празднеству. И на ярмарках состязаются десятеро меж собой, а потом делятся всё равно выигранной корзиной яблок, допустим. А когда приз один, скажем, красивая шапка – взглянул он на гнома. – то кому-то тут повезёт, кому-то в другом. На то и разные состязания. Если человек силен в беге в мешках, так ли он хорош в стрельбе из лука? Так ли ловок в удержании яблока на ложке в зубах? Каждому – своё ремесло.

– Я бы с такого вывода снова свернула в религию, – сверкнула глазами Шанти на Фондрака. – Зачем нам «единый», «неописуемый», никем не подтверждённый Творец, если есть божества своих областей. Солнца, которое мы видим прекрасно, зимы, которая наступает и отступает, ремёсел, как вы верно подметили, душечка. Боги рукоделия, трав, кузнечного дела, боги музыки наверняка есть какие-нибудь. Ни дать, ни взять.

– Вакх-Дионис! Весельчак, балагур, лютейший бабник, но и лучший игрок на лире, как и в азартные игры! – посмеялся Аргон.

– Аполлон бы с этим Вакхом поспорил... – фыркнула Клио.

– А мне папа говорил, что Лель-пастушок – милостивый бог музыки, все девочки на него липнут, а он знай себе дует в рожок или играет на дудочке по весне. Как сейчас. Приглядывает ревниво за сестрицей Лелей, чтобы с её солнечным другом Ярилой они там не вздумали целоваться и о прочей романтике думать. Им ж нельзя, дети ещё. Ну, почти. А то, не ровен час, разгорится весна раньше времени в жаркое лето! – с легкомысленной улыбкой слегка зарделась Ассоль. – Так и до засухи не далеко.

– Ярила... Ваши родители явно с Вольных Городов, давненько в Империи имени такого не слышал, – проговорил Лир де Рон.

– Да, переселились... – вздохнула Ассоль.

– Пока вы решаете тут, кто чем займётся, дам я своим помощникам дальнейшие распоряжения, дабы укрепить нам Империю, – проговорил императору Альберт.

– Да, разумеется, – кивнул тот. – Пусть благословит Творец всех вас на подвиги! Солнце с вами! Скорее бы брат вернулся, для Лока тоже немало есть поручений... – проговорил он уже тише, сам себе, глядя вслед спешно попрощавшимся и удаляющимся путешественникам. – Что вот это за манера у братца, сломя голову бежать на первый зов о помощи самому? Услышал про гидру – отправился надирать ей задницу, услышал про эттинов – отправился надирать им задницы... Он принц или наёмник, я не понимаю? – разведя руки, развернулся поглядеть на лица всех остальных молодой монарх в поисках явной поддержки.

– Такова уж его натура, – проскрипел старый Когнаций.

– Есть же воины, чародеи, искатели приключений, готовые стать героями, зачем вечно лезть самому? Он уже эпоса от истории не отличает, а мифы от реальности, желая самолично насоздавать столько же подвигов, сколько предыдущие императоры. Понимаете? Самоуверенный, дерзкий, даже не задумывающийся о том, что однажды надрать задницу могут и ему! Что смерть – это конец его жизни принца, его возможному правлению, конец всей его истории! Он однажды может столкнуться с тем, что ему одолеть не удастся! С тем, что ему не под силу, и что тогда?! Нам имеет смысл вмешиваться, только когда дело действительно касается государственной важности.

– И всё же, если он вернётся с победой, это значительно всё упростит, – обеспокоенно заметил Леон, поднеся к носу нюхательную соль.

– Фондрак, пришлите прелата ко мне, как освободится, будьте добры, – распорядился монарх. – Мне следует навестить Великого Вещего, посоветоваться.

Подготовка к отплытию

Мари уже ждала своих друзей на выходе с небольшого коридора из тронного зала, прямо возле расставленной стражи, будто бы с теми кокетничая и заигрывая, задавая какие-то вопросы, а те предпочитали то отмалчиваться, игнорируя приставучую монахиню, то нехотя что-либо отвечали.

Вместе с ней были также перепачканная шоколадом Бриолетта, поевавшая полукруглые конфеты с разными начинками из широкого резного футляра, покрашенного лишь наполовину золотистым и красным в своём извилистом цветочном узоры по краям, и Вэл – собственно автор и создатель этих сладостей.

На Вэл красовался новенький доломан – красно-синий мундир с золотыми петлицами, бархатными шнурами и стоячим помпезным воротником, а на ногах же были плотные голубые рейтузы. Словно на парад собралась. Довольный вид, приветливая улыбка, короткое каре невероятно пышных и густых волос. Ассоль ей сразу обрадовалась: они не виделись довольно давно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.